

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ
М.А.ШОЛОХОВА»

На правах рукописи

Уланова Капитолина Леонидовна

Структурно-смысловые компоненты в имплементации категории тождества
при построении ораторской речи

Специальность 10.02.19 –
«Теория языка»

Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор
ЛАРИСА КОНСТАНТИНОВНА СВИРИДОВА

Москва – 2016

Оглавление

Введение	4
Глава 1. Текст как единица ораторской речи	17
1.1. Ораторский текст в системе текстообразующих видов речи	17
1.2. Ораторская речь в ее системном выражении	40
1.3. Фоностилистическая организация ораторской речи	54
1.4. Рамочная структура ораторской речи	60
1.5. Вокативные предложения в структурной рамке ораторской речи	67
Выводы по главе 1	75
Глава 2. Дифференциация компонентов категории тождества в ораторской речи.	77
2.1. Авторский ракурс и сюжетная перспектива в рамках ораторской речи	77
2.2. Функциональная смысловая зависимость как форма декодирования авторского ракурса в ораторской речи	82
2.3. О связи категории тождества с названием ораторской речи	89
2.4. Функционирование языковых и речевых структур в ораторской речи	100
2.5. Преломление речевой ситуации в ораторской речи	106
Выводы по главе 2	109
Глава 3. Особенности раскрытия категории тождества как единого целого в рамках ораторской речи	114
3.1. Роль категории тождества в процессе построения ораторской речи	114
3.2. Основные типы лексических единиц, формирующие ораторскую речь	120
3.3. О смысловом и структурном построении ораторской речи	136
3.4. Повтор как одна из речевых форм категории тождества в ораторской речи	139

Выводы по главе 3.....	158
Заключение	160
Список сокращений и условных обозначений	165
Список литературы	166

Введение

Для современной лингвистики характерен всё усиливающийся интерес к рассмотрению способов реализации языковых структур в речи, как в письменной, так и устной. Именно поэтому сегодня возрастает внимание лингвистов к проблемам структурно-смысловой организации, формирующей завершённый смысл высказывания.

В этом плане особое значение приобретает анализ роли категории тождества, представляющей собой широкое лингвистическое понятие, которое, выполняет ряд таких функций, а именно: во-первых, перевода языковых структур в речевые, и, во-вторых, достижения полной адекватности мыслительного образа его речевому воплощению. Сама категория как универсальное языковое явление, пронизывает и организует язык, начиная от мыслительного уровня, где формируется смысл путем корреляции мысли с объектом, до выражения этого смысла в речи, где отобранные коммуникантом языковые единицы получают статус речевых. Будучи объективной по характеру своего действия, эта категория служит цели максимальной адекватности выражения смысла (при воспроизведении мысли). В то же время данная категория субъективна, поскольку используется каждым говорящим по мере его стилистических потенций.

В своей содержательной сути категория тождества основывается на авторском ракурсе в таких его составляющих, как инвариант, ядро, центральное звено и смысловой узел. В структурном выражении категория тождества, проявляется в разрезе трех уровней языковых абстракций через функциональную смысловую зависимость – ФСмЗ. В сфере этой зависимости она основывается на речевой ситуации – от минимальной до максимальной и текстологической, последовательно дешифруясь и в инварианты, и в ядра, и в центральные звенья, и в завершающий их смысловой узел.

Актуальность исследования определяется особой ролью категории тождества в тексте ораторского выступления; актуализацией в современном

языкознании внимания к структурному и семантическому анализу сегментов текста, которые формируются на основе эмоционального всплеска и ведут к трансформации направления смысловой стороны ораторского публичного выступления.

Данное исследование посвящено изучению роли раскрытия элементов категории тождества в развитии композиционной линии текста ораторского выступления, в построении публичного выступления.

Интерес к данной проблеме был вызван следующими обстоятельствами:

1. Относительной неразработанностью вопроса о проблеме состава тех речевых компонентов, которые взаимодействуют в ораторском тексте, имея целью дополнение и конкретизацию его семантического потенциала.

2. Необходимостью внимательного изучения ораторского текста не столько как единицы устного публичного выступления, сколько как элемента речевой, то есть лингвистической организации мысли.

В связи со сказанным выше в сферу анализа попадает рассмотрение текста. Как известно, текст является предметом исследования специалистов разных наук, в том числе филологов – литературоведов и лингвистов. Для литературоведов при анализе построения текста наиболее важно рассмотреть его роль в раскрытии сюжета произведения и реализации замысла писателя (см. работы Н.В. Гугулашвили [Гугулашвили, 1986]; И.Е. Ивановой [Иванова, 2000]; А.В. Рафаевой [Рафаева, 1998] и др.). Для лингвистов актуально исследование текста со стороны его композиции, причём анализ внутренней и внешней сторон композиции помогает определить их взаимосвязи (см. работы И.Р. Гальперина [Гальперин, 1981]; И.Г. Кошевой [Кошечая, 2012]; Е.С. Кубряковой [Кубрякова, 1994]; В.А. Кухаренко [Кухаренко, 1973]; Л.М. Лосевой [Лосева, 2001]; Л.К. Свиридовой [Свиридова, 2004]; Ю.М. Скребнева [Скребнев, 1981] и др.).

Обычно выделяются три ведущих направления в лингвистическом исследовании текста:

1. Непосредственно языковой, когда лингвисты актуализируют структурную и семантическую характеристики текста.

2. Нарратологический, при котором осуществляется анализ текстов, относящихся к разным жанрам, путём проработки смысловых единиц текста, то есть через препозиции, когда для исследователя главными являются логические связи.

3. Семиотический, при котором ученый путём анализа текстовой символики стремится отыскать «глубинные означаемые текста» и, таким образом, попытаться разгадать особенности творческой лаборатории создателя проекта и отражение в тексте, его лексике, структуре, композиции функционирующих в языковом сознании общества семиотических компонентов, знаков. При этом исследователь пытается разобраться, являются ли знаки, реализуемые в тексте, общеязыковыми или авторскими, и каково их соотношение.

Для настоящего исследования важным является понятие композиции (построения) текста, которое представляет собой «структуру (как каркас) ораторского выступления, объединяющую все его элементы в единое целое» [Гринева, 2000, с.31]. Композиция – всеобъемлющая текстовая категория, охватывающая и объединяющая воедино содержательную и структурную сторону речевого произведения.

Степень разработанности темы диссертации определяется тем, что ораторская речь получила свою актуальную разработку в целом ряде работ в рамках теории текста, теории речевых жанров и теории межкультурной коммуникации. В диссертационных исследованиях, объектом которых является ораторская речь, рассматривались просодические характеристики [Фрейдина, 2005]; ритмико-текстологические аспекты [Данилина, 2002] и когнитивно-прагматические и риторические особенности [Чикилева, 2005; Вашталова, 2009]. Проблеме анализа структуры ораторской речи посвящены исследования Ковпак, 2004; Константиновой, 2013. Существенный вклад в изучение проблемы внесли С.В. Гринева, И.Г. Кошева, Е.С. Кубрякова, Л.Л.

Нелюбин. Вопрос о категории тождества и её реализации в литературной форме языка рассматривали Л.К. Свиридова, 2004; Ю.В. Воложанина, 2014. Однако проблема анализа структурно-смысловых компонентов в имплементации категории тождества, впервые введенным в лингвистику профессором Л.К. Свиридовой, применительно к ораторской речи в языкознании ещё не рассматривалась. Нерешенность проблем, связанных с необходимостью анализа ораторской речи в рамках категории тождества, составили объект, предмет и цель настоящего диссертационного исследования.

Объектом исследования является ораторская речь. **Предмет исследования** – формы выражения в ней категории тождества, служащие средством максимального достижения коммуникативного единства отправителя и получателя информации.

Материалом исследования явились публицистические тексты ораторской речи: от ранненовоанглийского до современного английского периода. Нами было исследовано более 5000 страниц текстов публичных выступлений. При этом мы исходили из того общепризнанного факта, что системный анализ языка предполагает сравнение языковых фактов в целях отождествления или нахождения суммы различительных признаков. В диссертации были выделены и исследованы тексты, принадлежащие к четырем основным видам ораторской речи: 1) политические речи: речи президентов, глав государств и королей (инаугурационные и прощальные речи, тематические выступления); речи политических лидеров (речи на митингах, военно-патриотические речи, парламентские речи, дипломатические речи, политические доклады); 2) академические речи: агитационные речи и лекции; 3) судебные речи: прокурорская (обвинительная) речь, адвокатская (защитная) речь, речь подсудимого; 4) религиозные речи: проповеди, соборная речь.

Такой широкий диапазон исследования, который охватывает весь новоанглийский период – с XVI по XXI вв., позволил проанализировать тексты ораторской речи с речевыми ситуациями разных типов, объединенных

обязательным выражением эмоций, на протяжении значительного хронологического среза и тем самым позволил увидеть общие тенденции их функционирования в речи.

Ораторская речь публицистического стиля исследуется нами с точки зрения обнаружения способов формирования идеи автора в процессе создания и доведения до аудитории содержательно-мировоззренческого смысла выступления. В связи с этим нам интересен не столько сам текст в единстве выражения в нём смыслов в определённых структурах, сколько однозначность выражения смысла при формулировке мысли автором, что требует рассмотрения категории тождества и выявления иерархичности в её структуре, а также её специфику с позиций совместимости с авторским ракурсом.

Целью исследования выступает изучение структурно-смысловых составляющих универсальной лингвистической категории тождества в рамках ораторской речи и их роли в достижении оратором коммуникативного эффекта.

Цель и материал исследования определили его **задачи**:

- охарактеризовать текст как единицу ораторской речи с точки зрения построения по принципу тождественного выражения идеи;
- определить виды публичной речи;
- описать рамочную структуру ораторской речи;
- определить роль вокативных предложений в структурной рамке ораторской речи;
- рассмотреть вопросы, связанные с характером ораторской речи, к числу которых мы относим авторский ракурс, сюжетную перспективу, функциональную смысловую зависимость, языковые и речевые структуры, преломление речевой ситуации в ораторской речи;
- проанализировать и определить роль категории тождества в процессе построения ораторской речи;
- дать характеристику основным типам лексических единиц;

- рассмотреть особенности смыслового и структурного построения ораторского текста;
- исследовать особенности повтора как одной из речевых форм категории тождества.

Научная гипотеза. Гипотезой данного исследования является выдвигаемое нами положение о том, что ораторская речь, будучи одной из форм научно-публицистического текста, имеет собственные отличительные особенности, которые получают свое выражение через особые виды преломления его структурно-смысловых элементов в границах категории тождества.

В связи с тем, что в настоящее время лингвистика только подходит к изучению феномена категории тождества, мы ограничили исследование эмоциональными и логическими формами выражения данной категории в рамках ораторского текста. Кроме того, специфика наполняемости таких, казалось бы, неинформативных единиц, какими выступают структуры типа интонации, просодии, повтора, вокативных предложений, позволяет предположить, что исследуемый материал в достаточно полном объеме раскрывает знаковый и значащий характер категории тождества, причины и специфику ее связи с эмоциональным фактором, и выявить иерархию составляющих ее смысловых и структурных компонентов.

Согласно выдвигаемой в диссертации гипотезе, формирование и выражение адекватного содержания происходит в категории тождества на основе ФСмЗ, действие которой выступает в роли внутреннего механизма, позволяющего категории тождества сохранять непрременную однозначность мыслительного образа на исходном и завершающем этапах его восприятия автором-оратором и коммуникантами.

Научная новизна исследования. Научная новизна исследования состоит в новом подходе к теме исследования ораторской речи. Ораторская речь рассматривается нами как целенаправленное стремление оратора добиться тождественного восприятия ее слушателями. Научная новизна

исследования определяется тем, что в нём впервые предпринимается попытка интерпретировать категорию тождества и способы её языкового выражения применительно к системе средств эмоциональной и логической окраски ораторской речи.

- 1) Впервые в ходе исследования ораторской речи были вскрыты структурно-семантические компоненты, которые создают данный вид речи, отличающий его от других видов речи.
- 2) Впервые для решения этого вопроса была привлечена к исследованию категория тождества.
- 3) Впервые рассмотрена роль речевой ситуации в условиях ораторской речи.
- 4) Впервые раскрыт характер авторского ракурса, как феномена кодирующего смысла ораторской речи.
- 5) Впервые охарактеризовано действие функционально-смысловой зависимости в условиях ораторской речи.
- 6) Впервые обозначена роль категории тождества в выражении авторского замысла и степени коммуникативного воздействия на адресата ораторской речи.

Все вышесказанное позволяет выделить речевые структуры, которые определяют степень реализации категории тождества в плане достижения наиболее тесной коммуникативной связи оратора с аудиторией.

Методологической и теоретической базой работы послужили труды отечественных и зарубежных лингвистов по изучению:

– **теории текста**: В.В. Богданова [Богданов, 1993]; И.Р. Гальперина [Гальперин, 1981]; Т.М. Дридзе [Дридзе, 1984]; В.А. Звегинцева [Звегинцев, 1976]; И.Г. Кошечкина [Кошечкина, 2012]; М.Н. Левченко [Левченко, 1982; 2003; 2013]; А.Н. Леонтьева [Леонтьев, 1974]; А.Н. Мороховского [Мороховский, 1989]; Е.А. Реферовской [Реферовская, 1983]; О.Б. Сиротининой [Сиротинина, 1994]; Л.К. Свиридовой [Свиридова, 2004];

– **теории межкультурной коммуникации:** И.И. Валуйцевой, Г.Т. Хухуни [Валуйцева, Хухуни, 2012], Т.А. ван Дейка [Дейк, 1978; 1989], Н.Н. Кошкарновой [Кошкарлова, 2011, Электронный ресурс], М.Н. Левченко [Левченко, 2015, Электронный ресурс], В.А. Масловой [Маслова, 2004]; В.В. Ощепковой [Ощепкова, 2010], Т.Г. Поповой [Попова, 2003], О.В. Спиридовского [Спиридовский, 2006; 2013], Л.В. Цуриковой [Цурикова, 1998; 2002], А.П. Чудинова [Чудинов, 2003]; К. де Ландтсхеер [Landtsheer, 1991];

– **теории речевых жанров:** М.М. Бахтина [Бахтин, 1979; 2000], С.Т. Гайды [Гайда, 1999]; И.В. Ивановой [Иванова, 2009]; Ю.М. Ивановой [Иванова, 2003]; М.Н. Кожинной [Кожина, 1999]; Л.П. Семененко [Семененко, 1996]; Дж. Р. Серля [Серль, 1986; 2; 3]; П. Сопера [Сопер, 1995]; М.Ю. Федосюк [Федосюк, 1997]; Т.В. Шмелёвой [Шмелева, 1997];

– **риторики:** Е.Л. Григорьяна [Григорьян, 2003]; Ю.М. Лотмана [Лотман, 2010, Электронный ресурс]; Ю.В. Рождественского [Рождественский, 1997]; Ю.С. Степанова [Степанов, 1981, Электронный ресурс]; И. Свитсер [Sweetser, 1990]; Л.С. Чикилева [Чикилева, 2005].

– **стилистики:** И.В. Арнольд [Арнольд, 2002], Ш. Балли [Балли, 1961; 2001], Т.Г. Винокур [Винокур, 2009]; Б. Совинского [Sowinsky, 1999]. Н.А. Богатыревой и Л.А. Ноздриной [Богатырева, Ноздрина, 2005], С. Ульманна [Ulmann, 1964] и др.;

В ходе исследования нами использовались следующие **методы:**

– метод контекстологического анализа, предполагающий анализ того или иного языкового факта в тексте и контексте;

– метод словарных дефиниций, то есть определений тех или иных явлений, связанных с предметом исследования – категорией тождества;

– описательный метод при описании, как научных теорий, так и языковых явлений;

– метод систематизации, заключающийся в закреплении полученных результатов посредством таблиц и схем;

– метод сплошной выборки при отборе материала для исследования. Нами были отобраны, подсчитаны и систематизированы речи из более 5000 страниц текстов публичных выступлений. При этом мы исходили из того общепризнанного факта, что системный анализ языка предполагает сравнение языковых фактов в целях отождествления или нахождения суммы различительных признаков.

Теоретическая значимость диссертации состоит в том, что она заполняет пробелы в исследовании ораторской речи, имеющиеся в современном языкознании. Без осознания роли категории тождества в ораторском выступлении, её структурно-смысловой специфики, на наш взгляд, невозможно мотивировать полноценное ораторское воздействие на слушателя речи и донесение до него оратором своей мысли в неизменном, изначальном виде.

Практическая ценность работы состоит в возможности использования её результатов в практике риторики и преподавания ораторского искусства в образовательных учреждениях разных типов, в первую очередь – в учреждениях высшего образования. Мы полагаем, что с помощью результатов данного исследования возможна интенсификация любого типа ораторского воздействия на аудиторию, систематизация в процессе публичного выступления тех языковых средств выражения категории тождества, с помощью которых, во-первых, создается эмоциональный тип речевой ситуации; во-вторых, происходит его соотношение с другими типами речевых ситуаций и речевых структур.

Результаты анализа могут стать базой для новых изысканий в сфере грамматики текста и сопоставительной лингвистики, а также могут быть использованы в курсах лекций и семинарских занятий по теоретической грамматике, стилистике, лексикологии, истории языка, риторике, культуре ораторской речи, ораторскому искусству, в рамках спецкурсов по речевому этикету и межкультурной коммуникации. Материал диссертации также может

привлекаться при написании курсовых и выпускных квалификационных работ по названным дисциплинам.

Апробация и внедрение результатов исследования. Основные теоретические положения, практические выводы и рекомендации, изложенные в диссертации, обсуждались на заседаниях кафедры «Теории и методики преподавания иностранных языков» факультета иностранных языков и международных коммуникаций Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова». Кроме того, апробация и внедрение результатов исследования проводились в форме публикаций в сборниках научных статей по проблеме исследования, а также докладов и сообщений на конференциях: III Международная научно-методическая конференция «Актуальные проблемы современной лингвистики и гуманитарных наук», Москва, 2011; Международная научно-методическая конференция «Актуальные проблемы лингвистики и гуманитарных наук», Москва, 2012; Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы современной науки», Уфа, 2013; Межвузовская научно-практическая конференция «Инновации в преподавании иностранных языков студентам-юристам», Москва, 2013; Международный научный семинар «Научный поиск в современной парадигме знания о языке», Москва, 2014; II Международная научно-практическая конференция молодых исследователей «Теоретические и прикладные аспекты лингвистики», Москва, 2014; Международная научно-практическая конференция «Современное состояние и перспективы развития научной мысли», Уфа, 2015. Материалы диссертации отражены в 12 публикациях общим объемом 3,5 п.л., включая три статьи опубликованных в редактируемых журналах, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ.

На защиту выносятся следующие основные положения

1. Ораторский текст принадлежит к индивидуально-стилизованному уровню взаимодействия единиц языка, представляя собой речевой комплекс, основанный на речевых ситуациях избирательности и коррективности.

2. Авторский ракурс ораторской речи является смысловым каркасом выступления, его макет, существующий в восприятии оратора и последовательно реализуемый в речи оратора в конкретных деталях и речевых ситуациях, линейном выражении от начала до конца текста.

3. Авторский ракурс связан с зависящей от него сюжетной перспективой речи, вытекающей по ходу реализации авторского ракурса в таких конкретных языковых структурах, как перевод текста из системно-языковой ипостаси в конкретно-речевую. Поэтому сюжетная перспектива объёмна и глубинно-многомерна.

4. Авторский ракурс и сюжетная перспектива связаны как план и реальное развёртывание речи, направленное на конкретные внешние условия и конкретных слушателей с их реакцией на ораторскую речь, воздействующую на её развёртывание.

5. Формой декодирования авторского ракурса и сюжетной перспективы ораторской речи является функциональная смысловая зависимость, связанная с речевой ситуацией посредством последовательного развития авторского ракурса путем реализации категории тождества, необходимой для адекватного понимания речи и её замысла слушателем.

6. Ведущим компонентом категории тождества, её начальной и завершающей степенью в ораторском тексте является название речи, которое представляет собой связанную с авторским ракурсом закодированную единицу, декодирование которой происходит в течение всей речи и обусловлено как действием функциональной смысловой зависимости, так и психологическим воздействием на слушателя при постепенном ознакомлении с идеей текста.

7. Название, выражая идею автора и, будучи опосредованно связано с сюжетной перспективой, наделено качествами рекламности и эмоциональности.

8. Категория тождества, как основа построения ораторского выступления, позволяет оратору переводить языковые элементы в речевые

структуры, выстраивая информацию таким образом, чтобы она воздействовала на слушателя не только логически, но и эмоционально.

9. Категория тождества охватывая все три уровня языковой абстракции, активно включает в себя три ступени: а) корреляция (соотношение объекта мысли с представлениями говорящего и слушающего, его оценка); б) коррективность (установление места языковых знаков в определённых структурно-семантических полях); в) элективность (выбор индивидуумом языковых структур из системы языковых единиц, в том числе синонимичных, обнаруживая таким образом свой универсальный характер.

10. Повтор лексических и фонетических элементов языка является неотъемлемым компонентом ораторской речи, служащий средством поступательного движения мысли, построенной на замкнутом характере категории тождества.

Структура и содержание работы. Структура диссертации обусловлена спецификой ее предмета и логикой раскрытия темы, а также целью исследования. В её состав входят введение, три главы, заключение, список сокращений, а также список использованной в процессе подготовки диссертации литературы и Интернет-источников.

Во введении обосновывается актуальность выбранной темы, ее научная новизна, ставятся цели и задачи, указываются методы и материал исследования, характеризуются теоретическая и практическая значимость проведенного исследования, излагается краткое содержание работы, формулируются основные положения, выносимые на защиту.

В первой главе «Текст как единица ораторской речи» проводится анализ работ, близких по тематике и направленности данного исследования. Рассматривается ораторский текст в системе текстообразующих видов речи и ораторская речь в ее системном выражении. Определяется фоностилистика организация публичной речи и описывается рамочная структура ораторской речи. Особое внимание уделено роли вокативных предложений как особому виду стилистической организации ораторской речи.

Во второй главе «Дифференциация компонентов категории тождества в ораторской речи» авторский ракурс и сюжетная перспектива рассматриваются в рамках ораторской речи. Функциональная смысловая зависимость описывается как форма декодирования авторского ракурса в ораторской речи. Обсуждается вопрос о функционировании языковых и речевых структур в ораторской речи и о преломлении речевой ситуации в ораторской речи.

В третьей главе «Особенности раскрытия категории тождества как единого целого в рамках ораторской речи» определяется роль категории тождества в процессе построения ораторской речи, выявляются основные типы лексических единиц, формирующих ораторскую речь, рассматривается вопрос о смысловом и структурном построении ораторской речи, исследуется значение повтора как одной из речевых форм категории тождества в ораторской речи

В заключении сопоставляются полученные данные, обобщаются результаты проведенного анализа и формулируются основные итоги проведенного исследования.

Список использованной литературы включает названия работ отечественных и зарубежных ученых по проблематике исследования, список словарей и энциклопедий, а также список Интернет-ресурсов.

Глава 1. Текст как единица ораторской речи

1.1. Ораторский текст в системе текстообразующих видов речи

Лингвистика текста стала одним из важнейших разделов языкознания во второй половине XX века, послужила расширению рамок лингвистики, выведению её за пределы предложения, поставке вопроса о языковой картине мира. Анализ текста позволил взглянуть на язык более широко и глубоко, начать рассматривать его с позиций связей между языковыми элементами, с позиций выражаемого целостным текстом смысла, в том числе авторских интенций.

Тексту, начиная с 60–70-х годов XX в., посвящено значительное количество публикаций – монографий, научных статей, диссертационных исследований. Соответственно существует немалое количество определений понятия текст. Л.В. Щерба под текстом представляет совокупность всего говоримого и понимаемого в определенной конкретной обстановке в ту или иную эпоху жизни данной общественной группы [Щерба, 1965]. Л. Ельмслев дает сходное определение, подчеркивая, что текст является результатом речемыслительной деятельности всех носителей языка, причем рассматривается как устная, так и письменная форма текста [Hielmslev, 1968]. Согласно В. Коку, объем текста может меняться, но здесь необходимо отметить, что, если текст выступает в качестве объекта исследования, он не может быть безграничен [Kock, 1973]. А.А. Леонтьев дает определение тексту как основной единице коммуникации, феномену реальной действительности и способу отражения действительности, построенной с помощью элементов языка [Леонтьев, 1974]. Рассматривая текст с точки зрения психолингвистики, В.В. Красных справедливо отмечает, что порождение текста зависит не только от целей и условий коммуникации, но и от ситуации, которую он отражает [Красных, 2001]. Многими лингвистами признается положение В.Г. Гака о

том, что каждый текст о чем-то сообщает [Гак, 1974]. Исходя из этого, текст является единицей не только коммуникативной, но и номинативной, причём именно номинативная сторона, то есть соотнесенность языковых элементов текста с обозначаемыми ими реально существующими или мыслимыми экстралингвистическими объектами, – важнейшая сторона текста. По мнению Л.С. Чикилевой, текстом может считаться даже часть текста, если она отвечает основным требованиям, предъявляемым к тексту, однако термин «текст» используется только по отношению к целому произведению. Отдельные же составные части такого текста обозначаются терминами дискурс или сферфазовые единства [Чикилева, 2005].

Известно, что в зарубежной лингвистике противопоставляются понятия микротекста (сверхфазового единства) и макротекста (целого, целостного текста) [Dijk, 1977, 1985, 1995], причём возникает вопрос о том, что находится в основе данного противопоставления – количественный анализ или линейная протяженность речевого произведения. Здесь необходимо отметить, что, согласно И.В. Арнольд, объектом лингвистического исследования должен быть именно целостный текст. А термин «текст» должен использоваться только по отношению к целому произведению, такому, например, как статья, рассказ или роман.

Из вышесказанного следует, что только линейная последовательность нескольких предложений, представляющая собой интонационно оформленное единство, завершённое по смыслу, является текстом и может использоваться в качестве базы для изучения закономерностей и механизмов создания и построения текста. Несомненно, что текст никогда не создаётся просто так, он коммуникативен и прагматичен, то есть, предназначен для какого-либо воздействия на адресата текста, а прагматическим в лингвистике называется функционирование языковых единиц в их отношении к участникам акта общения [Арнольд, 2002]. Текст имеет целостный смысл, и его, употребляя выражение А.И. Смирницкого, цельнооформленность, обеспечивающие выполнение текстом его основного назначения передачи и хранения

информации, создается его логической, тематической, структурной и прагматической связностью [Чикилева, 2005]. Традиционно связный текст понимается как законченная последовательность предложений, связанных по смыслу друг с другом в рамках общего замысла автора [Николаева, 1978]. Важно подчеркнуть, что важными признаками текста многие лингвисты считают смысловое единство, развернутость, последовательность, связность, логичность, законченность, структурную организованность [Лотман, 1992; Николаева, 2000; Бурая, 2008]. Согласно Н.Г. Валеевой, текст – это речевое произведение, структура которого линейна и представляет собой цепочку высказываний, обладающую определенными характеристиками: обусловленностью; целостностью, проявляющуюся в связности и законченности; композиционной оформленностью; коммуникативной направленностью; стилистической и жанровой отнесенностью [Валеева, 2010, с.155]. Текст любого жанра (художественного, научного, публицистического) как максимально объемная единица речи, является закрытой системой, языковые знаки в которой имеют завершённое положение и выражают цельность мыслей и чувств автора.

М. Холлидей писал: «Текст – операционная единица языка, подобно тому, как предложение есть его синтаксическая единица; текст может быть письменным или устным...» [Halliday, 1974]. Согласно определению лингвистического энциклопедического словаря, устная публичная речь – разновидность устной формы литературного языка, используемая в разного рода публичных выступлениях на общественно значимые темы. Вместе с разговорной речью составляет устную форму литературного языка, которая реализуется в двух разновидностях – разговорной и публичной – и противопоставляется её письменной форме. В связи с этим публичная речь представляет собой текст, в рамках которого особенно важны проявления и особенности выражения авторского начала, нацеленного на воздействие на слушателя в процессе публичного общения.

Для современной лингвостилистики важно изучение не столько средств языковой выразительности, сколько стилистическая сторона речевых произведений как единиц коммуникации. Проблеме текста как целостного объекта была посвящена очень важная в лингвистической науке монография И.Р. Гальперина «Текст как объект лингвистического исследования» (2007). В исследовании даётся авторское определение текста, обобщающее многочисленные изыскания в области его сторон и особенностей: «Текст – это произведение речетворческого процесса, обладающее завершённостью, объективированное в виде письменного документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особенных единиц (сверхфразовых единств), объединённых разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определённую целенаправленность и прагматическую установку» [Гальперин, 2007, с. 18]. И.Р. Гальперин замечает, что письменный текст – это своеобразное графическое отражение «кусочка действительности», представленное в письменном варианте языка. Текст – это не только совокупность включённых в него языковых единиц. Для текста гораздо важнее не прямая интерпретация, а поиск скрытых смыслов, ассоциаций и коннотаций, подчас прямо не заявленных и даже неосознанных.

На современном этапе выделяются следующие ведущие подходы к исследованию текста:

- собственно текстовый [Новиков 1983; Гальперин 2007 и др.], предполагающий исследование текста в системе его особенностей;
- синтаксический [Москальская 1981; Солганик 2006 и др.], для которого важнее всего синтаксические связи между компонентами текста;
- стилистический [Одинцов 2004; Крылова 2006 и др.], согласно которому выявляются стилистические особенности текста, средства языковой выразительности, их роль в создании стилистической окраски текста;
- семантический [Арнольд 1990; Тураева 2009 и др.], предполагающий внимание к выражаемым структурами текста смыслам. З.Я. Тураева

подчеркивает: «Под воздействием текста в составляющих его элементах реализуются новые, дополнительные значения, либо существующие в системе в скрытом, латентном состоянии, либо порожденные контекстом» [Тураева, 2009, с. 10–11], то есть одной из важнейших особенностей текста как структурно-семантического единства выступает способность раскрывать семантический потенциал входящих в его состав языковых единиц;

- коммуникативный [Болотнова 2009; Сидоров 1986 и др.], по которому текст – средство коммуникации и воздействия на адресата текста;

- психолингвистический [Сорокин 1988; Белянин 2000 и др.] – междисциплинарный подход, представители которого ищут истоки формирования текста и выражаемые им смыслы на стыке языкознания и психологии;

- культурологический [Сметанина 2002 и др.], или лингвокультурологический, с точки зрения которого текст – это транслятор культуры, отражение национально-культурной специфики.

Предложенное разделение опирается на различные исследовательские парадигмы, каждая из которых продолжает развиваться в современной лингвистике, поэтому данная дифференциация может быть уточнена, развита и разработана в дальнейшем.

Текст выступает объектом особой научной дисциплины – лингвистики текста, в рамках которой находит многоаспектное описание, требующее синтеза различных подходов: «со стороны синтактики он рассматривается в аспекте связности; со стороны семантики – в аспекте цельности, его содержательных параметров, а со стороны прагматики – в аспекте отношений между автором, адресатом и теми ситуациями, в которых текст используется» [Крылова, 2006, с. 218]. То есть лингвистика текста представляет собой попытку объединить в одной научной дисциплине разнообразные подходы к тексту.

Предложение как основная единицы языка, входящая в текст, и собственно текст предполагают наличие между ними промежуточного звена.

В лингвистике текста данная единица обозначается как сверхфразовое единство. М.А. Кронгауз именуется его лингвистическим конструктом, который необходим, чтобы изучить семантические механизмы, обеспечивающие связность текста, не замыкаясь на таких качествах изучаемого объекта, как его цельность, завершенность. Другие способы членения текста, такие, например, как абзац, параграф, глава и т. д., в отличие от сверхфразового единства, не являются лингвистическими конструктами. Это реальные элементы композиции текста, представляющие собой, по сути, также тексты, но ограниченные по смыслу, выражаемому содержанию, соответствующие какому-либо элементу сюжета [Кронгауз, 2005, с. 218].

Для исследователей текста актуален вопрос о границах текста и их природе. О.В. Трофимова и Н.В. Кузнецова отмечают, что границы текста, его начало и конец, не определяются причинами собственно языковыми, а зависят от описываемой в тексте, мотивирующей его создание коммуникативной ситуации [Трофимова, Кузнецова, 2010, с. 16]. Текст коммуникативен, он служит для трансляции некой информации, а «передача и распознавание смысла (информации) является фундаментальной задачей акта коммуникации, без разрешения которой акт коммуникации не может состояться» [Откупщикова, 1982, с. 30]. Исходя из этого, началом текста, его границей можно условно полагать момент перехода к новому смыслу, хотя этот момент осознается скорее интуитивно, субъективно. Концом текста в данном случае будет окончание нового смысла и переход к сообщению с другой темой [Там же, С. 17].

По мнению исследователей, к фундаментальным положениям теории текста относится, во-первых, представление о его смысловой связности, то есть выражении с его помощью нового, актуального сообщения, которое автор текста хочет донести до восприятия адресата текста; во-вторых, представление о его структурной цельности, то есть не изолированном, а связанном функционировании предложений в составе текста; в-третьих, представление о

возможности адекватного понимания входящих в текст предложений только в контексте [Там же, С. 18].

Исходя из вышесказанного, «текст представляет собой почти жёстко фиксированную, передающую определенный связный смысл последовательность предложений» [Откупщикова, 1982, с. 30], семантическая связь между которыми отразилась в различных структурных связях. Как видим, во всех рассмотренных нами определениях текста фигурируют такие понятия, как линейная последовательность предложений, наличие общей темы, смысловой связи между этими предложениями, присутствие стилистического единства и обязательность связи структурной, выражаемой при помощи различных языковых единиц: указательных местоимений, синонимов, вида и времени глаголов и др., а также наличие в тексте каким-либо образом выраженной информации об авторе и адресате текста, о ситуации, послужившей причиной создания текста.

Ещё одним, причём сущностным признаком текста, по мнению О.А. Крыловой, является авторская интенция, выраженное посредством текста намерение автора донести до своего адресата какую-то информацию, то есть «текст создается тогда, когда какое-то речевое произведение реализует определенную авторскую установку, авторское намерение, что находит выражение в целостности и связанности этого речевого произведения» [Крылова, 2006, с. 218]. Иными словами, именно автор и реализация его речевого намерения являются той движущей силой, которая служит образованию текста и запускает действие всех его свойств: смысловой цельности, структурной и стилистической связности и др.

Анализ текста как лингвистической единицы показывает её сложный характер, формирование текста как результата одновременного взаимодействия языковых единиц разных ярусов языка. Поэтому различные языковые единицы на фонетическом, морфемно-словообразовательном, лексическом, грамматическом и стилистическом уровнях проявляют свои формальные и содержательные особенности именно в тексте. С точки зрения

лингвистической природы, текст обладает качеством противоречивости: с одной стороны, он обладает, являясь лингвистической единицей, признаками, характерными для всех лингвистических единиц (иерархичность структуры, парадигматические и синтагматические связи между элементами и т.д.), с другой – обладает собственными признаками, среди которых можно отметить «как общие для всех семиотических систем цельность и связность, так и специфические ситуативность, дискретность, континуальность, синтагматичность, парадигматичность, интенциональность, воспринимаемость, информативность, интертекстуальность» [Трофимова, Кузнецова, 2010, с. 41].

Адекватное понимание феномена текста – цель современных филологических дисциплин, ориентированных на изучение данного языкового явления, так как именно текст представляет собой результат функционирования языка, результат речи. Исследующие текст науки, в число которых входят собственно стилистика, её подраздел – функциональная стилистика, а также упомянутая выше лингвистика текста, кроме того, прагматика, психолингвистика и социолингвистика, имеют своим предметом особенности и способы создания текста и зависимость текста от той или иной формы общения, диктующей свои правила текстообразования [Левицкий, 2006, с. 62]. Выявить, какая именно филологическая дисциплина является основной в исследовании текста, не только сложно, но и, пожалуй, невозможно. Каждая из них охватывает какой-то аспект функционирования текста, и только подход междисциплинарный, синтетический позволит приблизиться к адекватному пониманию феномена текста.

Любое вербальное общение является взаимодействием коммуникантов, в процессе которого они порождают (письменно или устно) и воспринимают (зрительно или на слух) тексты [Валеева, 2010]. Иногда письменную и устную формы речевого произведения связывают с понятиями текст – продукт и текст – результат, и это совпадает с точкой зрения В.В. Красных, что «текст есть продукт речемыслительной деятельности, который первый раз рождается в момент порождения его автором и может переживать последующие рождения

при восприятии его реципиентом. Текст живет именно в момент своего порождения и восприятия» [Красных, 2001, с. 210]. Для текста определяющим фактором является ситуация, которая порождает замысел текста, мотивирует его, стимулирует речевые интенции автора текста. При этом автор отбирает для текста те языковые знаки, которые адекватно передают замысел и предельно соответствуют типу реципиента, входят в систему знаков, которыми он оперирует, содержат смысловой и культурный код, позволяющие реципиенту воспринимать текст. Следовательно, автор не только создает текст, но и прогнозирует его восприятие реципиентом [Жинкин, 1982; Новиков, 2000; Белянин, 2000; Чикилева, 2005].

С точки зрения И.Г. Кошевой, «текст, являясь законченной структурой и смысловой единицей письменного вида речи, строится как единство всех входящих в него текстовых сегментов» [Кошечая, 2012, с.103]. Основываясь на взаимодействии мировоззренческих и прагматических аспектов, И.Г. Кошечая даёт, на наш взгляд, принципиально новую интерпретацию текста, представляя его в разрезе следующих пяти составляющих текст планов:

- В содержательном плане текст выражает отношение своего автора к объектам окружающего мира, мировоззрение автора, воплощённое в определенном содержании посредством функциональной смысловой зависимости.
- В семантическом плане текст – это смысловой узел и контекст, раскрытый через центральную линию и периферию.
- В композиционном плане текст имеет сюжетную перспективу как развивающуюся линию повествования, на которую нанизаны центральные звенья и в которой идёт раскрытие функциональной смысловой зависимости.
- В структурном плане текст – формально разложимое единство фраз: названия, вступления, абзацев, глав, частей, разделов, томов, выводов, заключения.
- В семиотическом плане текст представляет собой закрытую систему реализованных в речи языковых знаков, состоящую из текстовых сегментов,

сверхфазовых единств и речевых комплексов [Кошечкина, 2012, с. 103, 208, 214]. К ряду этих положений, важных для построения ораторской речи, мы еще обратимся в ходе дальнейшего исследования.

Вопрос об уровнях абстрагирования в выражении значения является одним из существенных. Известно, что в языке разделение на конкретное и абстрактное идет в плане оппозиции лексического как конкретного и грамматического как абстрактного. Прежде чем начать непосредственное исследование проблемы, являющейся предметом данной диссертации, мы считаем необходимым предложить свою интерпретацию ряда теоретических моментов, положенных в основу данной работы. Наше понимание некоторых теоретических положений в ряде случаев противоречит устоявшемуся в филологической науке, но, как нам представляется, имеет право на то, чтобы быть озвученным и доказанным в ходе дальнейшего исследования. Мы считаем необходимым особо подходить к интерпретации именно ораторского текста, поскольку, несмотря на наличие общих моментов, сближающих его с другими текстами, он имеет отличительные черты, так как сочетает в себе особенности как письменной, так и устной речи. Текст, предназначенный для ораторского выступления, нацеленный на оказание воздействия на публику, включает в себя целый спектр коммуникативных особенностей, характеризующих язык в определенный период его исторического развития. Кроме того, хочется отметить ещё два момента, обуславливающие особое положение ораторской речи в ряду других текстов.

Во-первых, ораторская речь – это изначально письменный жанр речи, поскольку она не является спонтанной, не конструируется сразу в устном виде, а запечатлевается вначале в виде текстового изложения в представлении оратора о речи, и только затем происходит создание законченного текста в структурном и смысловом плане текста, отвечающего творческому замыслу автора. Во-вторых, текст ораторской речи уже на этапе замысла конструируется с расчётом её связи с аудиторией, внимание которой должен привлекать и удерживать оратор, чтобы донести до слушателя свои цели.

Исходя из этого, уже на начальном этапе нашего исследования мы хотим утвердить триаду внутреннего построения ораторского текста, каждый из элементов которой присущ ораторской речи:

1. Письменная форма, планируемая выступающим и представленная им для озвучивания.

2. Разговорная речь как исходная составляющая, основа ораторского текста.

3. Подразумевание присутствия слушателей и их восприятия содержания текста с целью сопереживания и активного следования за мыслью оратора.

В идеальном варианте автор текста ораторской речи и оратор – это одно и то же лицо. В этом случае представленная нами триада полна. Однако, если эти личности различны, то необходимо подключение к триаде ещё одного элемента: это сам оратор – исполнитель творческого замысла автора, роль которого в донесении речи до слушателя хотя и очень значительна, но подчинена воле автора. Здесь необходимо отметить, что, в настоящее время, как правило, тексты для публичных выступлений не всегда пишутся самими ораторами. С другой стороны, авторы текстов для публичных выступлений не всегда являются ораторами, представляющими этот текст перед слушателями.

Далее мы хотим попытаться охарактеризовать текст как языковое явление, как основную языковую единицу предстоящего анализа, потенциально реализующую категорию тождества в своей структуре и семантике.

Нами уже отмечался тот факт, что, начиная с 60–70-х годов XX в., проблема интерпретации текста является предметом значительного количества публикаций. Как известно, особенное внимание к исследованию текста появилось в лингвистике после появления концепции Ф. де Соссюра о разделении языковой материи на язык и речь, при котором язык выступает как статичное явление, а речь, напротив, динамична, характеризуется постоянным развитием [Соссюр, 1977]. Этот факт сегодня общепринят в науке и комментировался многими лингвистами. К примеру, Т.П. Ломтев писал, что

«... изучение языковой действительности распадается на две части: одна из них имеет предметом язык; другая индивидуальную речевую деятельность, т. е. речь» [Ломтев, 1975, с. 51]. Текст – это реализация речи, её продукт, основанный на выборе из богатства средств языка только тех, которые необходимы, и репрезентации их в максимально адаптированном соединении содержания и формы в конкретном речевом виде.

Разработка этой проблемы в отечественном языкознании была начата в конце 40-х годов прошлого века, когда проф. Н.С. Пospelов довольно смело предположил, что «при изучении синтаксического строя связной речи <...> следует исходить не непосредственно из предложения, которое не обладает в связной речи достаточной самостоятельностью, а из такого сложного синтаксического целого, как синтаксической единицы» [Пospelов, 1964, с. 131]. Смелость утверждения состояла в его противоречии принятым тогда в лингвистике правилам анализировать предложение как наиболее крупную лингвистическую единицу. Таким образом зарождалась грамматика речи, отталкивающаяся от «грамматики предложения», кстати, актуальной в лингвистических исследованиях и сегодня, отрицающей её. Популярность «грамматики предложения» объясняется историей развития лингвистики, установленностью и бесспорностью данного явления как объекта анализа и новизной грамматики речи, привлекающей внимание учёных к тексту, а не к предложению.

Восприятие предложения как основной единицы суждения характерно ещё для античной философии, имевшей огромное влияние на лингвистику, особенно на начальных этапах её становления. На всех этапах развития языкознания, во всех лингвистических школах и учениях шли внимательные исследования предложения с разных позиций – логических, лингвистических, психологических, семантических, структурных и т.д. В ходе этих исследований был собран и обобщен настолько объёмный теоретический и эмпирический материал, что он составил прочную основу понимания грамматики предложения. Именно поэтому «и в отечественном, и в

зарубежном языкознании понятие текста как целостной единицы языка и речи, большей, чем предложение, развивалось первоначально в рамках общей теории синтаксиса, т. е. теории чисто грамматической» [Москальская, 1980, с. 30], что, естественно, не может быть полностью верным, так как текст – гораздо более сложное явление, чем просто грамматическая единица.

Профессор О.И. Москальская отмечает: «Диалектика взаимоотношения между синтаксической структурой как целым и её составляющими заключается в том, что составляющие несут в себе те структурные черты и те элементы категориальных значений, которые реализуются в синтаксической единице более высокого уровня» [Москальская, 1981, с. 57]. Структура предложения закономерно лежит в основе формирования текста в связи с чем, первоначально многие языковеды и сводили грамматику текста к грамматике предложения, однако сегодня такой подход полностью устарел. Текст требует комплексного подхода, оценки взаимодействия всех его сторон, и важно выяснить, что это за стороны.

Утвердившееся в языкознании разделение всего, что связано с языком, на язык как систему, речь как норму и значение как смысловую направленность содержания предполагает существование в системе текста как речевого произведения особым образом взаимодействующих единиц, которые, по определению профессора И.Г. Кошевой, относятся к трём уровням:

- 1) кодово-языковому;
- 2) системно-языковому;
- 3) индивидуально-стилизованному.

Предложение относится не ко всем данным уровням, а только к одному – системно-языковому, являясь структурной моделью, выражающей на уровне языка абстрактно-грамматические значения повествовательности, побудительности, восклицательности, вопросительности, являясь, кроме того, утвердительным или отрицательным. На данном этапе развития лингвистической науки главным, основным уровнем представляется третий – индивидуально-стилизированный. Действительно, предложение получает

конкретное содержание и осознанную модальность только в условиях речевой коммуникации, где, в зависимости от вида речи, оно обретает свой статус: в устной речи – это высказывание, в письменной – это фраза. В тексте фраза начинает обладать описательностью, императивностью, экспрессивностью и т.д. Подобно слову, получающему лексическое значение из комплекса своих потенциальных парадигматических смыслов только в предложении, в синтагме, предложение начинает звучать, получает конкретное, актуальное содержание в тексте.

В тексте, предназначенном для ораторского выступления, в силу его отнесенности и к сфере разговорной, и к сфере письменной речи, обычно используют устоявшееся наименование предложения – «реплика». Мы считаем эту дефиницию, служащую для квалификации предложения на третьем уровне, вполне удачной. То есть предложение в условиях речевых комплексов, по определению профессора И.Г. Кошевой, начинает выступать как фраза в письменной речи, как высказывание в устной речи и как реплика в ораторской речи. Данное разделение наглядно представлено в виде схемы на рисунке 1.

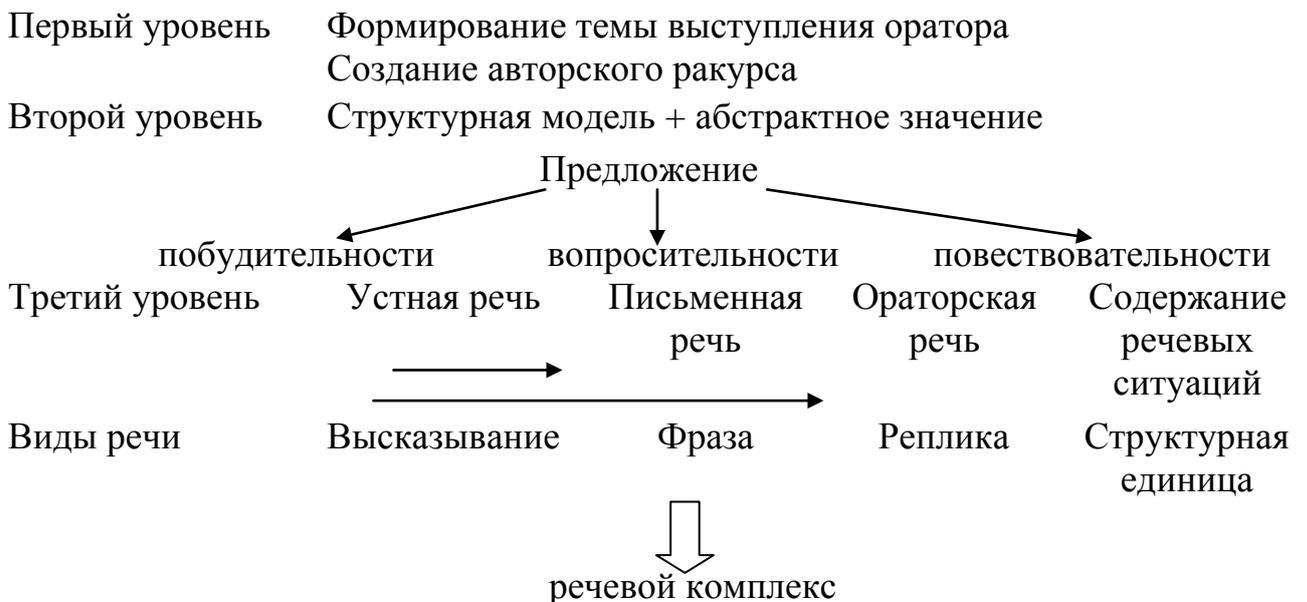

Рисунок 1 – Три уровня предложения в условиях речевых комплексов

(И.Г. Кошечкина)

Данная классификация позволяет нам перейти прямо к анализу текста.

Текст относится к системе речи и реализуется «на третьем уровне языкового обобщения в процессе индивидуально-стилизованного речетворчества» [Лосева, 2001]. Мы исходим из положения профессора И.Г. Кошевой о том, что именно текст выступает основной единицей третьего уровня, связанного с индивидуальной стилизацией, отражающего намерения говорящего, его стремление выразить свои мысли и чувства. Текст значителен по объёму, а значит, состоит из некоего комплекса структурно-синтаксических единиц, но сводить их к предложениям не следует. Предложения являются языковыми единицами второго уровня обобщения, наблюдаемого в системе языка. Являясь речевой, а значит, динамичной системой, текст обуславливает для каждой из входящих в его структуру единиц, в том числе для предложений, каждое из которых обладает только ему присущим составом синтаксических признаков, возможность варьироваться.

Если рассмотреть категориальные установки, свойственные этим трём уровням, можно отметить, что для них важно:

- 1) определение структурно-смысловой позиции как явления;
- 2) разделение таких явлений, как позиция и предложение;
- 3) дифференциация области предложения и сферы речевого комплекса.

По определению профессора И.Г. Кошевой, первый уровень является кодовым, он связан с мышлением и ему свойственно:

1) наличие и действие корреляции, которая представляет собой категорию, присущую глубинным структурам, мышлению, формированию мыслительных процессов. Именно на глубинном уровне происходит соотношение мышления и проявлений внешнего мира, их корреляция, определяющая формирование структуры предложения на более поверхностном уровне;

- 2) выражение в виде такой формализованной структуры, как позиция.

На этом уровне в ходе мыслительных процессов, происходящих в авторском сознании, формируется тема публичного выступления, авторское отношение к ней и авторская позиция, на раскрытие которой будет направлена

вся дальнейшая речь. На этом уровне формируются первые формальные структуры в результате корреляции мысли автора с возможными языковыми способами её реализации. На этом уровне создаётся авторский ракурс, от которого зависит направленность речи, её смысл и идейное содержание, выражаемая в ней проблема.

Второй уровень относится к системе языка, он характеризуется не глубиной, а большей степенью поверхностности. Ему свойственна значение коррективности и реализация мысли автора в такой формализованной структуре, какой является имеющее определённую структурную модель и абстрактное значение предложение [Жлуктенко, 1978; Кошечая, 1976; Максимчук, 1975; Чусова, 1981 и др.].

Третий уровень является нормативно-речевым. Для него важнейшим становится значение элективности, а формальное выражение мысли происходит в таких структурах, как реплика, фраза или высказывание, и служащие для формирования речевого комплекса [Герасименко, 1981; Драгайцев, 2003; Кошечая, 1976; Koshevaja, 2002 и др.]. Элективность представляет собой избирательность, необходимую как значение, присутствующее в области синонимичного ряда форм. Элективность существует на разных языковых уровнях, нас же, в силу специфики нашего исследования, интересует элективность на уровне синтаксиса, апеллирующая к синтаксической синонимии и заключающаяся в выборе синтаксической конструкции, наиболее подходящей для реализации смысла, из существующей в языке парадигмы синтаксических конструкций. Значение конструкции при этом инвариантно, то есть одинаково и равно понятно слушателям, но сама конструкция должна быть максимально удачной с точки зрения авторского ракурса.

Исходя из вышеизложенного, такая трёхъярусность является объективным явлением, которое определяет место, присущее каждой из формализованных структур в системе взаимообусловленных языковых абстракций, представленной как пирамида. То есть выделение данных ярусов

вскрывает внутренние связи, объективно существующие между этими структурами: позицией, предложением и речевым комплексом. Представим данные явления в виде пирамиды абстракций (рисунок 2).

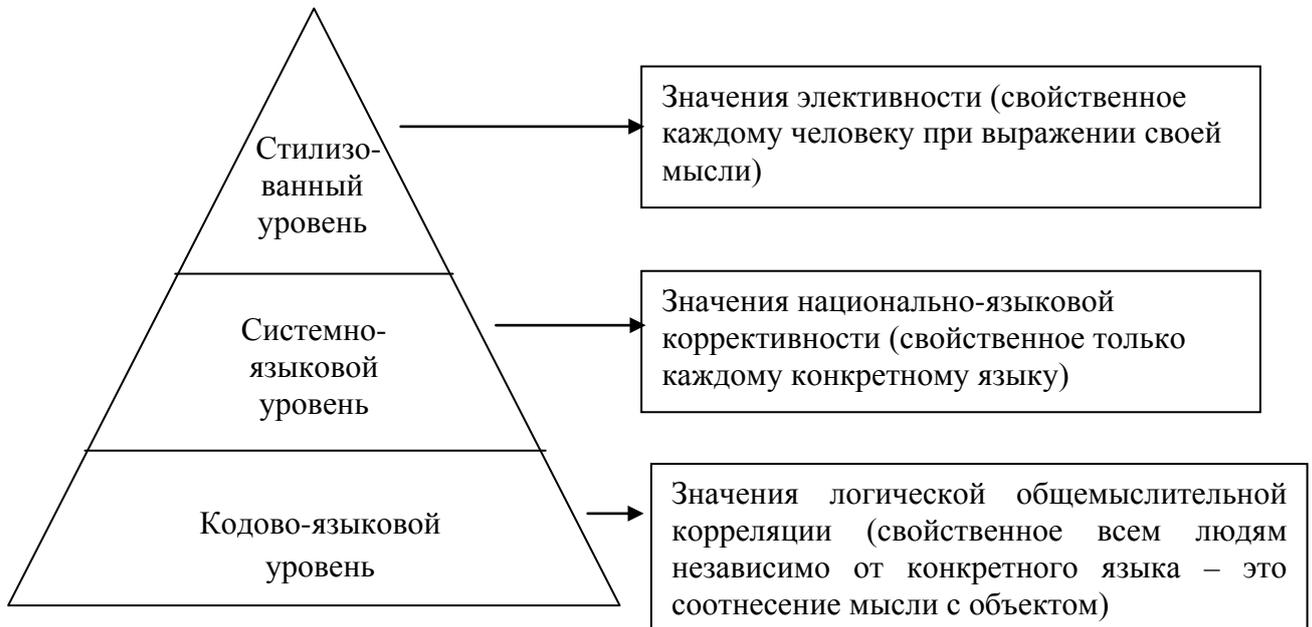

Рисунок 2 – Пирамида языковых абстракций (значения)

Выделяя три обозначенных в рисунке 2 уровня языковых абстракций, необходимо учитывать, что каждый из них ассоциируется с собственной структурной моделью. Структурная модель кодово-языкового уровня (позиция) может быть либо центростремительной, то есть мономной (типа: «*She is a teacher*»), либо центробежной, то есть биномной (типа: «*She has a teacher*») [Корбина, 2002; Кошечая, 1973; Чухранов, 1979 и др.]. Позиция является единицей логико-мыслительной и поэтому неоднократно становилась предметом описания в «универсальных грамматиках», где при этом обычно уравнивается с предложением, так как предложение воспринимается лингвистами как единица, основанная на логических правилах, законах мышления [Большая Советская Энциклопедия, 1975, с. 63, 93 и др.]. Такое понимание предложения стало традиционным.

Мы же опираемся на принципиально иную трактовку сути предложения, разработанную профессором И.Г. Кошевой. Мы согласны с её мнением о том, что предложение:

1) относится не к первому, а ко второму уровню языковых абстракций, представляя собой грамматическое явление системно-языкового свойства;

2) предложение имеет структурную модель и абстрактную семантику, определяющую выбор такой модели из совокупности возможных. Количество моделей безгранично, и их выбор происходит уже в речи;

3) предложение может быть национально специфично построено. К примеру, односоставным предложениям русского языка (мономная модель), таким, как «*Вечерело*», «*Темно*», соответствуют двусоставные в английском языке (биномная модель). Ещё один пример: мономная модель предложения, имеющая только один главный член – подлежащее (типа: «*Ночь*», «*Улица*», «*Фонарь*», «*Аптека*») вполне допустима в русском языке, выполняет в ряде случаев важные семантические и стилистические функции, но абсолютно не свойственна английскому языку.

Таким образом, коррективность реализуется в предложении, где наблюдается единство всех имеющихся в языке форм и категорий. В предложении реализуется конкретная структурная модель и наблюдается одномерно-замыкательная линия связи: «содержание – форма». Это синтаксическая схема, не зависящая от речевой ситуации. Именно в пределах данной схемы предложение передает временные, причинные, обстоятельственные и прочие отношения, но передает их одномерно, только в данной реализованной в речи модели, без отсылки к другим потенциально возможным. Данное положение значимо для нашего дальнейшего исследования. Ведь именно вышесказанным обусловлено то, что в предложении выражается определенная относительно законченная мысль [Кошечая, 1976; Кошечая, 1983 и др.].

Мономная модель характеризуется таким свойством, как центростремительность, то есть существует как один объект типа: «*She is a teacher*». Биномная модель обладает центробежностью и включает в себя два или более объектов: «*She has a teacher*».

Биномная модель гораздо продуктивнее с точки зрения формирования предложения в ораторской речи: наличие нескольких объектов порождает многомерность формы и служит усилению выразительности синтаксической конструкции. Но такая многомерность свойственная уже не предложению, а иной единице – речевому комплексу [Кухаренко, 1973]. Речевой комплекс – это структурная единица, функционирующая не в языке, а в речи; в системе языковых абстракций она следует за предложением. С точки зрения структуры пирамида языковых абстракций выглядит следующим образом (рисунок 3).

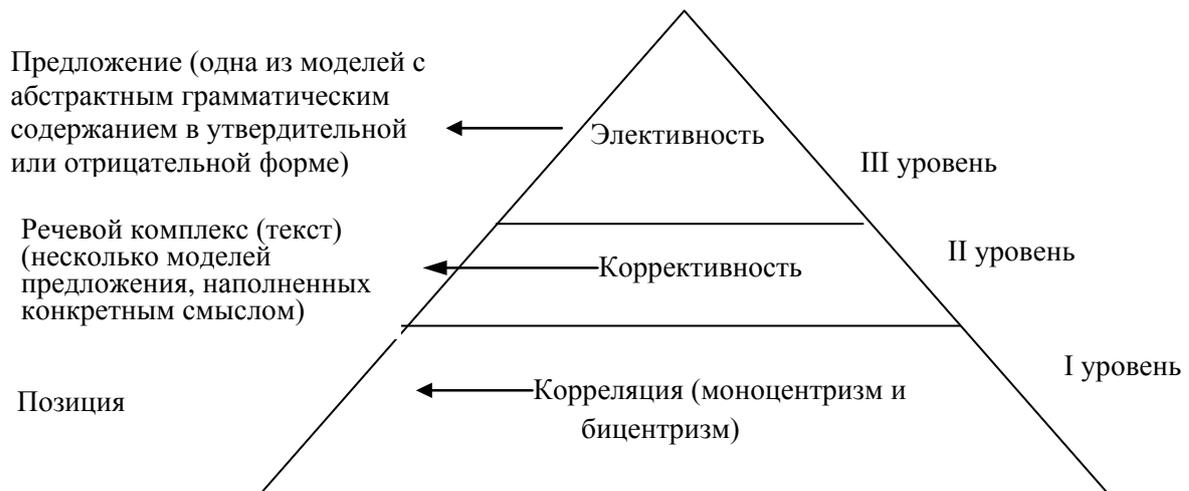

Рисунок 3 – Пирамида языковых абстракций (структуры)

Речевой комплекс, в отличие от предложения, обладает свойством многомерности, используемым для передачи смысла посредством речевого комплекса. Данная многомерность основывается на речевой ситуативности, то есть обуславливается речевой ситуацией.

Для нашего исследования одним из основных является положение о том, что относительную законченность мысли, включающей речевую ситуацию, выражает речевой комплекс, являющийся, в отличие от предложения, структурной единицей третьего, то есть индивидуально-речевого уровня языкового абстрагирования. На иллюстрацию данного утверждения нацелена схема на рисунке 4.

Рисунок 4 – Уровни абстракции предложения

Таким образом, значение коррективности, свойственное единице языковой системы – предложению, сохраняется и в речевом комплексе – единице речевого уровня. Коррективность реализуется под влиянием речевой ситуации. При этом и предложение, и речевой комплекс могут иметь утвердительную или отрицательную семантику.

Но мы также подчеркиваем, что в речевом комплексе главная роль принадлежит элективности как значению, реализуемому в речевой ситуации посредством волеизъявления языковой личности, что будет более подробно рассмотрено далее.

Речевая ситуация, исходя из сказанного, является определяющим фактором при формировании в речи речевого комплекса, и, несомненно, она определённым образом воздействует на коммуниканта. Важно рассмотреть природу этого воздействия.

Воздействие речевой ситуации на коммуниканта может быть двух типов с точки зрения проявления эмоций: эмоциональным или неэмоциональным.

Мы предполагаем, что выбор и формирование речевого комплекса в конкретной речевой ситуации значительно зависит от эмоционального фактора, от воздействия на говорящего эмоций либо отсутствия данного воздействия. Поэтому выбор коммуникантом определенного речевого комплекса, как эмоционального, так и неэмоционального, не будет произвольным. Как отмечает профессор Л.К. Свиридова, во-первых, он всегда определяется речевой ситуацией, в которой находится говорящий, и, во-вторых, он призван дать адекватную характеристику исходному значению, то есть подтвердить его тождество даже независимо от переключения внимания на эмоциональный взрыв [Свиридова, 1998].

Для речевого комплекса характерно такое единство формы и содержания, которое можно описать как многомерное. В предложении, как сказано выше, содержание получает одностороннее выражение в одной из свойственных языку грамматических моделей (повествовательной, вопросительной, побудительной, восклицательной / невосклицательной и т.п.). В речевом же комплексе, напротив, отношения многомерно-глубинные и возникают они с опорой на многомерно-глубинные связи самой речевой ситуации. Поэтому в речевом комплексе как единице речи могут взаимодействовать сразу несколько структурных моделей, реализованных и в утвердительном, и в отрицательном виде. В речевом комплексе, в отличие от предложения, представлено отражение речевой ситуации, которая динамична, связана с жизнью.

Речевые комплексы эмоционального и неэмоционального наполнения отличаются. Неэмоциональный речевой комплекс демонстрирует многомерную адекватность формы и содержания. Вопрос же о том, способен ли эмоционально наполненный речевой комплекс осуществлять в речи ту же функцию, остаётся пока открытым и интересует нас с точки зрения возможности в нём в этом случае выразить тождество значения, характеризующего законченную мысль.

Мы предполагаем и даже можем выдвинуть гипотезу, согласно которой выделение среди речевых комплексов только эмоционально наполненных и неэмоциональных является спорным. По-видимому, существуют также некие промежуточные структуры, то есть смешанные речевые комплексы, включающие элементы как эмоционального, так и неэмоционального характера.

Необходимо отметить, что в диалогической речи наиболее часто представлены эмоциональные речевые комплексы, необходимые для организации непосредственного устного общения. Монологическая речь, являющаяся предметом нашего исследования, более разнообразна в данном плане и, как свидетельствует проанализированный нами языковой материал, часто имеет эмоциональное и смешанное наполнение. Для оратора, конструирующего выступление с целью оказания воздействия на публику, значимы как эмоциональные, так и неэмоциональные речевые комплексы.

Предметом нашего исследования является текст, то есть мы выходим на уровень языковых единиц, находящийся за пределами речевых комплексов и сверхфразовых единств. Но анализ исходных текстовых единиц, то есть речевых комплексов также важен и обязателен для нас. Мысль о том, что попытка отыскать речевые структуры, зависящие от речевой ситуации, и выяснять степень их связи с эмоциональным фактором, представляется весьма и перспективной, и нужной, высказывали многие исследователи [Драгайцев, 2003; Жучкова, 1994 и др.].

При анализе ораторского текста нас наиболее интересует способ структурного выражения мысли, которая формируется у адресата (оратора или автора) при корреляции с адресатом (слушателем). Для воспроизведения мысли в речевые структуры от говорящего требуется одновременное преодоление всех трех уровней языковых абстракций – переход от корреляции как формы мыслительной связи к коррективности как языковому способу формирования мысли и далее к элективности как выбору в речи необходимой для выражения мысли и наиболее приемлемой для этого структуры. Кроме

того, для выражения мысли основными, и мы хотим подтвердить это нашим анализом, являются два условия:

- присутствие волеизъявления говорящего (независимо от того, является ли это одиночный коммуникант при монологе или несколько коммуникантов в условиях диалога или полилога);

- наличие строго однозначной выраженности того, что было зафиксировано в начале мыслительно-логической корреляции, с тем, что наблюдается на выходе при задействованности фактора речевой элективности [Свиридова, 2004].

Иначе говоря, оба названных обстоятельства реализуются на уровне речи как две основополагающие коммуникативные категории:

- во-первых, категория волеизъявления;
- во-вторых, категория тождества.

Если, как нам представляется, категория волеизъявления определяется внутренней интенцией говорящего субъекта и прямо обусловлена объектом, с которым устанавливается коррелятивная связь, то категория тождества, как мы покажем далее, выступает как явление совсем иного свойства. Категория волеизъявления имеет коммуникативную природу, так как изъяснение воли говорящего субъекта направлено непосредственно на объект речи; категория тождества обладает лингвистической природой. С её помощью мыслительные и языковые структуры переводятся в речь. При этом её внутренние (содержательные) и внешние (структурные) функции многообразны. Действие категории тождества, во-первых, направлено на перевод первого и второго уровней языковых абстракций в третий, речевой, уровень, а во-вторых – на сохранение адекватности мысли, идеи на начальном и конечном этапе формирования речи. Категория тождества представляет собой сложную лингвистическую (полагаем, имеющую кодирующий характер) процедуру, в результате которой мысль молниеносно и синхронно проходит через все три уровня логико-лингвистических абстракций. Природа тождества, одновременно глубинная и поверхностная, состоящая в осуществлении связи

между уровнями языковых абстракций, на данный момент еще не раскрыта полностью в лингвистике и требует анализа на базе значительного языкового материала.

Неслучайно, Ф. де Соссюр говорил о том, что язык – это самое загадочное дитя человечества [Соссюр, 1977]. Нами в данном исследовании делается попытка рассмотреть функционирование механизмов категории тождества на материале текстов публичных выступлений, близких одновременно и к разговорному языку, и к письменной речи. Смешанный, разговорно-письменный, характер этих текстов даёт нам возможность проанализировать процесс создания текста в трех аспектах:

- 1) с точки зрения близости ораторского текста к разговорной речи;
- 2) с точки зрения выражения тождества, характерного для письменной формы речи;
- 3) через анализ наполняемости языковых единиц, являющихся неинформативными (междометий, ритма, интонации и др.) определённым содержанием, что демонстрирует кодовую сущность лингвистической категории тождества, то есть её кодовый характер по отношению к мысли, к языку и речи.

Особое место ораторского текста в системе текстов современного русского языка обуславливает уникальность объекта нашего исследования и требует дальнейшего рассмотрения с различных точек зрения, в том числе, в системном выражении.

1.2. Ораторская речь в ее системном выражении

В данной главе особое внимание будет уделено вопросу о функциях и специфике ораторского монолога. Зарождение риторики как искусства слова и как дисциплины связано с периодом демократии в Афинах около V века до н.э. Первые этапы ораторского искусства связаны с философией и ораторской

деятельностью софистов – «первых европейских интеллигентов», как называл их А.Ф. Лосев. При этом риторика на первых этапах своего становления была не столько теоретической дисциплиной, сколько наукой об обучении речевому мастерству – риторической педагогикой [Михальская, 1996, с. 17]. Слово «риторика» греческого происхождения, как и сама наука, называемая данным термином. Оно восходит к древнегреческому глаголу *rheo* – «говорю, лью, теку», от которого образовалось существительное *rhetor* – «ритор», «оратор». Данное слово, в свою очередь, и дало название науке – *rhetorike* (риторика) или *rhetorike techne*, то есть мастерство / искусство ораторской речи.

Риторическая педагогика, система обучения красноречию возникли и расцвели в Афинах в связи с тем, что искусство говорить стало восприниматься как неременный компонент хорошего образования свободного человека. Так, изначально, ораторское искусство и свобода существовали вместе. Подлинно образованный человек, «наилучшим образом воспитанный для философии и словесности», «вдруг, в любом месте метнет <...>, точно могучий стрелок, какое-нибудь замечательное изречение, короткое и сжатое, и собеседник окажется ничуть не лучше ребёнка», – говорится в знаменитом диалоге Платона «Протагор». Связь риторики и свободы наблюдалась в дальнейшем на всех исторических этапах. Там, в тех обществах, где свобода не являлась ценностью, искусство риторики не развивалось, там же, где свобода воспринималась как неотъемлемое право гражданина, процветало и ораторское искусство как наука, учебная дисциплина, прикладное умение и т.д.

Ораторский стиль речи вызывал интерес ученых на протяжении многих сотен лет, оставаясь актуальным и в настоящее время. Распространение в современном языке устных форм коммуникации и интерес к явлению дискурса как совокупности тематически и культурно-взаимосвязанных текстов обусловили необходимость более внимательного рассмотрения ораторской речи [Бурая, 2008, с. 232]. Умение выступать перед публикой,

оказывая на неё эмоциональное и интеллектуальное воздействие, многими исследователями трактуется как важный компонент человеческой деятельности, как показатель коммуникативной компетенции индивида. Публичное выступление представляет собой одну из важнейших форм речевой деятельности [Миськевич, 1989]. Н.М. Шанский отмечает: «Ораторская речь – это речь публичная, то есть обращённая к многочисленной аудитории. В ней особенно усилена такая черта публицистического стиля, как направленность на убеждение, воздействие на ум, на чувства слушателей, побуждение их к активным действиям. Ораторская речь отличается особой композицией, использованием определённых выразительных и изобразительных средств» [Шанский, 1982, с. 234–235]. К публицистическому стилю относит ораторскую речь и О.Б. Сиротинина, мотивируя это функцией воздействия [Сиротинина, 1983, с. 9]. По её мнению, с письменной речью публичную речь сближает не только монологичность, но и подготовленность, предварительная продуманность. Н.Н. Кохтев считает ораторскую речь важнейшим видом речевой деятельности человека, и отмечает, что анализ публичной речи с точки зрения взаимодействия в её структуре различных элементов даёт возможность лучше осознать многие характеристики построения устного текста и функционирования в его структуре языковых единиц [Кохтев, 1992, с. 30].

В системе жанров устной публичной речи обычно называют доклады (сообщения), лекции, проповеди, консультации, беседы, поздравления и другие выступления. Согласно И.Р. Гальперину, стилистически все эти жанры соответствуют устной разновидности публицистического стиля речи – ораторскому стилю [Гальперин, 1958]. Любопытный случай, когда говорящий, готовился оно заранее или нет, выносит на суд публики свои собственные мысли, является ораторским выступлением. Для ораторского мастерства важными являются две составляющие – построение речи и её произнесение, неразрывно связанные между собой. Ещё В.В. Виноградов обращал внимание на дифференциацию ораторской речи по функциям и по жанрам. [Виноградов,

1971, с. 130]. Он писал, что «особый интерес представляют формы ораторской речи, обращенные к многолюдной аудитории <...> публичные лекции, религиозные проповеди, речи политические и судебные» [Виноградов, 1980, с. 120–121]. И.С. Тихонова отмечает, что любое устное выступление в присутствии слушателей может называться ораторским, так как оратор, внушая присутствующим свои идеи, одновременно стремится донести до слушателей какое-то содержание, аргументированно доказать какую-то мысль, убедить и развлечь аудиторию. По мнению И.С. Тихоновой, эта особенность речи наиболее заметна в таких жанрах, как политические речи, произносимые в ходе парламентских дебатов, обращения к народу политиков в период избирательной кампании; речи общественных деятелей, известных во всём мире, – ученых, миротворцев, писателей, спортсменов, борцов за права человека; монологи в суде – выступления судей, обвинителей (прокуроров), защитников (адвокатов); религиозные проповеди, особенно произносимые известными проповедниками; а также лекции, читаемые в артистической манере, и нацеленные на эмоциональное воздействие на слушателей [Фрейдина, Тихонова, 2007, с. 62]. Мы представили виды ораторской речи с точки зрения субъекта и цели их произнесения в таблице 1.

Таблица 1 – Виды ораторской речи

Политическая речь	Речи президентов Речи глав государств Речи королей	Инаугурационные и прощальные речи Тематические выступления
	Речи политических лидеров	Речи на митингах Военно-патриотические речи Парламентские речи Дипломатические речи Политические доклады
Академическая речь	Агитационные речи Лекции	
Судебная речь	Прокурорская (обвинительная) речь Адвокатская (защитная) речь Речь подсудимого	
Религиозная речь	Проповедь Соборная речь	

Интерес к изучению ораторской речи в нашей стране возник еще в XX веке. Среди ее исследователей ученые В.Н. Андреев, Г.З. Апресян, И.А. Зимняя, А.А. Леонтьев, А.К. Михальская, Е.А. Ножин, Ю.В. Рождественский, Н.Н. Кохтев.

В XXI проблеме рассмотрения ораторской речи посвящены исследовательские работы Т.М. Жуковской, А.С. Константиновой, Е.Н. Сагайдачной, О.Э. Сухаревой, О.П. Шевченко, Е.Л. Фрейдиной и др.

Сказанное выше позволяет выделить три аспекта исследования:

– нормативно-стилистический (состоящий в исследовании ораторской речи с позиций нормативного использования в ней единиц всех уровней языка);

– функционально-стилистический (связанный с исследованием функционирования и оптимального использования в ораторской речи различных средств языка с целью более эффективного построения речи, донесения до слушателей её содержания);

– психолингвистический (предполагающий подход к ораторской речи с точки зрения психологии, с целью выявления соотношения между содержанием речи и намерением оратора, а также исследование психологических аспектов воздействия речи на слушателей, особенностей ее восприятия слушателями).

В отечественном языкознании значительно количество диссертационных исследований, посвященных изучению публичной речи. Так, например, Л.С. Чикилева исследует когнитивно-прагматические и композиционно-стилистические особенности публичной речи [Чикилева, 2005]; Н.В. Чернышкова определяет особенности публичной речи во французской и русской традициях новейшего времени (на материале публичных политических выступлений) [Чернышкова, 2007]; Н.А. Ковпак описывает взаимодействие средств вербального и невербального воздействия с целью реализации смысла академической публичной речи (фонетическое исследование на материале британских публичных выступлений) [Ковпак,

2004]; А.Е. Смулянский рассматривает публичную речь как источник формирования историчности [Смулянский, 2010] и т. д.

Современная риторика, отражая наиболее актуальную проблему речевого общения в современном мире – проблему обеспечения наилучшего взаимопонимания между людьми, конструктивного решения возникающих конфликтов, прежде всего, решает задачу объединения участников общения. Поэтому как неременное требование к успешной речи сегодня вводится еще одно условие – гармонизация отношений говорящего и адресата. Итак, современная риторика – это теория и мастерство эффективной (целесообразной, воздействующей, гармонизирующей) речи. Современная общая риторика нацелена на исследование общих закономерностей речевого поведения индивиду, проявляющиеся в различных коммуникативных ситуациях, разных сферах речевой деятельности, а также на практическую сторону применения риторической теории с целью сделать речь наиболее эффективной. Прежде всего, современная риторика интересуется речью устной.

Ядром, центром современной общей риторики является тот путь от мысли к слову, который в классической традиции описывался как совокупность трех этапов: изобретение содержания, расположение изобретенного в нужном порядке и, наконец, словесное выражение. Особый раздел общей риторики – теория и практика публичной речи. Этот раздел очень важен. Ведь свободное владение словом, которое даёт риторика, не только продукт демократического развития политической системы, но и неременное условие демократии. Теория и практика ораторской речи получила в отечественной традиции название оратории.

Как отмечает Н.Н. Кохтев, публичная речь представляет собой монолог, проявляемый как особая форма устной речи. Этот монолог есть развернутое высказывание одного коммуниканта, законченное по смыслу, причём все его языковые и коммуникативные компоненты зависят от главной мысли основной цели говорящего [Кохтев, 1992].

По суждению Л.С. Чикилевой, ораторскому монологу свойственны особые функции, среди которых выделяются информативная, функция разъяснения, апеллятивная функция, функция оценки объекта речи, функция призыва к чему-либо, функция побуждения к действию, императивная функция. Какая-то из названных функций может реализовываться в конкретной ораторской речи более ярко, чем остальные. При этом главной всё же является апеллятивная функция – нацеленность речи на убеждение и побуждение к действию / отсутствию действия [Чикилева, 2005]. Следует, кроме того, отметить, что каждая разновидность ораторской речи может иметь свои важнейшие функции и приоритетные стилистические средства для реализации данных функций.

Цель публичного выступления состоит собственно в том, чтобы, убеждая, воздействовать на мысли, чувства, волю людей для достижения оратором определенной, поставленной им перед собой в ходе подготовки и произнесения речи цели. В данном случае имеет место волюнтаривно-личностная функция. Личность оратора, его харизматичность, авторитет, который уже имеется у оратора перед аудиторией, имеет влияние на слушателей и восприятие ими содержания речи.

Успешность выступления перед аудиторией требует от оратора целого комплекса разнообразных умений: ориентироваться в конкретных условиях общения; уметь планировать свою речь, привлекая при этом ресурсы памяти и интеллекта; уметь выбрать содержание для речи именно по этой теме и в данной аудитории; найти адекватные языковые и риторические средства для реализации этого содержания; способность спланировать и обеспечить обратную связь, то есть психологические умения оратора, его способность предугадать и увидеть реакцию аудитории на речи, смоделировать изменения в содержании и форме речи в зависимости от этой реакции. Возникает возможность учитывать индивидуальные особенности слушателей, быстро реагировать на характер восприятия речи, на степень внимания слушателей и корректировать свое выступление. Оратор имеет возможность более

дифференцированно отбирать информацию для речи, учитывая особенности аудитории: степень её подготовленности к восприятию информации, интересы, психологические установки. Иногда оратор получает возможность познакомиться с аудиторией заранее, узнать её, преодолевая таким образом фактор анонимности, но чаще знакомство идёт прямо в процессе речи, и оратор должен быть готов живо реагировать.

Публичная речь обладает характерными особенностями, определяющими её композиционно-стилистическую структуру. Она характеризуется однонаправленностью, состоящей в том, что оратор обращается к слушателям и говорит для них. Ораторский монолог чаще всего бывает рассчитан на большую по количеству слушателей аудиторию, что определяет некоторые его особенности: он развернут, строится строго по требованиям логики, полон содержательно, а также нормативен – соответствует нормам русского литературного языка.

Логическое развитие содержания является основной чертой ораторского монолога. Высказывание оратора должно быть убедительно, все основные понятия должны быть ясными, утверждения – правильными, не допускающими противоречий, переход от одной мысли к другой должен быть последовательным, изложение аргументированным.

С учетом многогранности ораторского монолога нами выделяются несколько его уровней, которые отражают рациональную и эмоционально-образную стороны речи, связанный с мышлением, восприятием выступления слушателями [Чикилева, 2005].

К этим уровням относятся следующие:

- Идеинный центр, отражающий рациональную сторону речи: он связан с постановкой проблемы, основными выражаемыми в речи мыслями, способами и последовательностью раскрытия темы, ее интерпретацией оратором и другими содержательными составляющими.

- Логико-теоретический уровень, который, относясь также к рациональной стороне речи, включает в себя теоретические понятия, их

логическое обеспечение, систему доказательств, используемых оратором для раскрытия выдвинутого им тезиса.

- Уровень фактического материала, то есть того содержания, которое предлагается образному или практическому восприятию слушателей и является базой для интерпретации в речи.

- Эмоционально-оценочный уровень, представляющий собой предполагаемую оратором и осуществляемую слушателями эмоциональную оценку ораторской речи.

- Ассоциативно-образный уровень, влияющий на образное восприятие речи слушателями, предполагающий апелляцию к имеющимся у индивида образам и включение их в канву речи.

Названные уровни не существуют обособленно, они связаны между собой возможностью взаимных переходов от одного к другому.

Для ораторского монолога обязательна направленность на публику, то есть риторический текст нацелен на конкретных слушателей, обладающих определенным социально-стилистическим статусом. Это определяет и уровень содержания речи, и её структурно-стилистические черты. Оратор учитывает при произнесении речи массу факторов, связанных с особенностями слушателей: их образовательный уровень, демографический состав, национальность, количество слушателей, их психологические особенности, религиозные взгляды, степень однородности аудитории, особенности ситуации речи. К примеру, возраст или национальный состав слушателей предполагает выбор определённой темы, иллюстративного материала, примеров. Оратор должен учитывать даже то, в каком помещении будет происходить выступление, в какое время дня, каким будет освещение, есть ли средства усиления громкости (микрофоны) и т.д. Утром пригодятся интересные, яркие примеры, заразительные шутки, которые помогут окончательно разбудить аудиторию. Вечером, в конце рабочей недели, оратору придётся учитывать, что мысли о предстоящих выходных могут отвлекать слушателей. По психологическому «закону края» лучше

запоминаются первое и последнее выступления (если ораторов было несколько) и начало и конец выступления (если оратор один), что также необходимо учитывать в процессе подготовки речи. Если количество слушателей не велико, то стиль выступления более живой, менее официальный. В обратном используется, как правило, более официальный и строгий стиль.

В этом отношении особого внимания заслуживает точка зрения Л.С. Чикилевой, систематизирующей главные принципы, на которых строится ораторский монолог: связность, целесообразность, ориентированность, однонаправленность, организованность, тематическая заданность и подготовленность, развернутость, непосредственность, временная протяженность и необратимость, прагматизм, динамичность, индивидуальность, полимичность, оценочность, фактуальность, информатизм, связь теории с жизнью, логичность [Чикилева, 2005, с. 183]. По мнению Г.Я. Солганика, эгоцентричность, субъективность и адресованность речи являются ее важнейшими качествами, которые проявляются в любом высказывании как субъективно-модальное значение [Солганик, 1981]. Принципиальное отличие ораторской речи от текстов других типов связано с особой ролью в ней произносящего речь субъекта – оратора, стремящегося оказать на слушателей речевое, эмоциональное и интеллектуальное воздействие.

В известном смысле ораторский монолог представляет собой разновидность внутреннего разговора, или спора. В этой связи актуализируются следующие его характеристики:

- Организованность и связность. Оратор обдумывает предстоящую речь, стремится заранее её организовать в соответствии со своими интенциями. Организованность реализуется посредством смысловой и структурной связности и цельности, в первую очередь композиционной, выражаемой как преемственность между частями речи.

- Целесообразность. Оратор сознательно, исходя из своих целей, выбирает вид и род речи, её композиционную форму. Целесообразность

диктуется экстралингвистическими, не связанными со словесной тканью речи условиями.

•Ориентированность. Ораторская речь ориентирована на конкретных слушателей, обладающих социально-профессиональными особенностями, что отражается на её структурно-стилистических особенностях. Оратор стремится заранее учесть возможные возражения и сомнения со стороны аудитории, предугадать вопросы, сделать всё для того, чтобы речь была понятна конкретной аудитории с её образовательным уровнем. Оратор должен быть готов также корректировать речь в процессе произнесения, в зависимости от реакции слушателей на её положения.

•Однонаправленность. Ораторская речь характерна преимущественно однонаправленностью речевого акта, так как это монолог, однако, эта однонаправленность имеет свою специфику, монолог только внешний, а оратор может вступить со слушателями, самим собой или воображаемым оппонентом в диалог, чаще всего имплицитный, неявный. Отсутствие монотонности – это то, что делает ораторскую речь лучше воспринимаемой.

Известный в области судебного красноречия оратор П.С. Пороховщиков говорил о том, что человеческая речь была бы совершенной, если бы могла передавать мысли с такой же точностью, как зеркало отражает световые лучи. Но это идеальное отражение содержания мысли в языке не только недостижимо, но и не нужно. В каждом из типов текста мысль отражается по-особому, к примеру, в ораторской речи используются многочисленные приёмы привлечения внимания слушателей к мысли, на первый план восприятия выносятся именно та мысль, которая будет способствовать более тесному контакту с аудиторией.

Необходимо отметить, что в течение последних лет теоретические воззрения на социально-психологические механизмы формирования текста выступления существенно изменились. Сегодня в теории риторики позиционируется мысль о том, что установка на слушателя, желание оратора воздействовать на его восприятие придаёт публичному выступлению сходство

между монологом и диалогом, заставляет ораторскую речь занять даже какое-то промежуточное положение между этими двумя речевыми формами.

В ораторском монологе применяются средства создания диалогизма. К примеру, в монологе на английском языке часто используются реплики *you see, you know, Well*, а также разделительные вопросы. Это необходимо оратору, чтобы установить контакт со слушателями и вызвать у них сопереживание в процессе монологического, казалось бы, общения. Слушатели оратора демонстрируют невербальные средства реакции на услышанное – средства позы, мимики, жестов, а также используют специфическое средство одобрения оратора – аплодисменты. Таким образом, в процессе речи устанавливается контакт, предполагающий взаимодействие двух коммуникативных сторон при преобладании речевой деятельности со стороны оратора.

Эффективность речи определяется как деятельностью самого оратора (речевой деятельностью), так и реакцией на выступление слушателей, от степени установления контакта. Взаимодействие между оратором и слушателем можно разделить на эксплицитное (открытый, чаще заранее запланированный диалог со слушателями) и имплицитное (скрытый диалог, проявляемый в структуре речи, через вопросно-ответную форму, риторические вопросы, паузы и т.д.). Эксплицитный диалог нередко начинает речь, а затем она продолжается с помощью имплицитного взаимодействия. В результате речь преобразуется в соавторство оратора и слушателей.

Одним из распространённых ораторских приёмов является вопросно-ответный ход, в ходе которого оратор задаёт вопрос и сам на него отвечает. Это ораторский диалог, хотя слушатели и молчаливы. Вопрос задаётся от лица слушателей, это и реплика-стимул, побуждающая к высказыванию, определяющая тему дальнейшего диалога, стимулирующая восприятие. В результате у слушателей складывается впечатление участия в диалоге, и реакции аудитории на вопрос – ответный ход могут быть различны: внутреннее несогласие, одобрение, возражение. Если вопросно-ответный

приём смоделирован оратором правильно, то аудитория может включиться в диалог, при этом возможен переспрос, прерывание, подхват, досказывание. В этом случае важно активное восприятие оратором реакции слушателей, что сближает ораторский монолог с диалогом устным, снижает степень его официальности, сообщает ему экспрессивность и непринужденность.

Мы полагаем, что для ораторского монолога характерны следующие черты, сближающие его с диалогом и одновременно отграничивающие эти два типа текстов друг от друга:

- Развернутость, полнота содержания и структуры. Ораторский монолог имеет целью точное, подчинённое законам логики изложение мысли, что отличает монолог от диалога, в котором внешняя логика может нарушаться, так как многое ясно из контекста.

- Непосредственность. При произнесении ораторской речи между оратором и слушателями нет технических и иных посредников – промежуточных средств контакта (компьютерная связь, телефонная, письма, записки и т.д.), что делает контакт более живым, а возможность взаимопонимания – большей.

- Временная протяженность. Признак временной протяженности – это непрерывность речи во времени, продолжение речи до тех пор, пока она не будет завершена, что позволяет считать речь цельным и стройным в содержательном и композиционном плане произведением.

- Динамичность. Поскольку ораторская речь посвящена отражению какой-либо ситуации (ситуаций), передаёт содержание, оформленное в соответствии с правилами композиции, она динамична, представляет действия в их развитии, являясь действием и сама.

- Модальная оценочность и фактуальность. Фактуальность выражается в ориентации на сообщение какой-либо информации, каких-либо фактов, позиционируемых как верные, правдивые. Модальность выражает отношение говорящего к тому, о чём он говорит, оценку им объективной действительности.

- **Оценочность.** Оценочность передается в выражении в речи отношения оратора к объекту речи, принятие или непринятие им сообщаемого, положительное или отрицательное восприятие излагаемых фактов, что отражается на структуре речи.

- **Полемичность.** Публичная речь полемична по своей природе, нацелена на экспрессивное убеждение, аргументацию высказанных оратором положений. Полемичность речи представляется как наиболее адекватная форма обсуждения вопросов, имеющих социально-политическое значение. Можно выделить два вида полемичности: имплицитную и эксплицитную. Первый вид полемичности более распространён, поскольку оратору часто приходится убеждать аудиторию в своей правоте неявно, не акцентируя внимания на всей глубине возможных противоречий. Эксплицитная полемичность вторичная, она связана с обязательной для ряда разновидностей речей открытой защитой своих взглядов и опровержением доводов оппонентов. При этом оппонентов можно подразделить на реальных и нереальных. Реальный оппонент персонифицирован, назван, он участвует в полемике, даже не присутствия при ней, от его имени формулируются положения, которые затем опровергаются. Нереальный оппонент имплицитен, скрыт, но полемика с ним не менее явна для слушателей, на которых оратор пытается воздействовать с помощью статистических данных, различного рода примеров и доводов.

- **Прагматизм.** Публичная речь имеет прагматический аспект, так как она нацелена на осуществление на слушателей определенного практического, реально наблюдаемого воздействия. Оратор стремится влиять на мышление и поведение слушателей, стимулируя их действия в нужном оратору направлении, вызывает ответные реакции.

- **Индивидуальность.** Ораторской речи свойственна индивидуальность, проявление особенностей личности оратора, который стремится воздействовать на аудиторию. Оратор перед слушателями всегда один, и как

бы он ни старался организовать диалогическое взаимодействие, именно его личность будет влиять на слушателей в наибольшей степени.

Таким образом, ораторскому монологу обычно свойственны такие черты: развернутость, непосредственность, временная протяженность, динамичность, модальная оценочность и фактуальность, полемичность, прагматизм, индивидуальность. Данные свойства определённым образом отражаются на внешней организации ораторской речи, способы которой и будут рассмотрены нами далее.

1.3. Фоностилистическая организация ораторской речи

Публичная речь, обращенная к большой аудитории, относится к хорошо подготовленной речи, написанной заранее или тщательно продуманной. [Бурая 2009, с. 248]. Восприятие аудиторией публичной речи и ее воздействующая сила напрямую зависят от комплекса лексико-фонетических средств, который применяют ораторы, в первую очередь от интонации. Понятие интонации, ее структуры, определение ее места в системе языка и особенностей функционирования входят в круг наиболее дискуссионных вопросов лингвистики. Противоречивость интерпретаций интонации обусловлена тем, что она является важным средством формирования различных коммуникативных единиц. По определению А.М. Антиповой, интонация представляет собой «сложное единство следующих компонентов: речевой мелодики, фразового ударения, временных характеристик (длительность, темп, паузация), ритма и тембра (качества голоса)» [Антипова, 1979, с. 5]. Важными элементами в структуре интонации служат мелодика (движение основного тона речи), фразовое (логическое) ударение и ритм речи. В фонологическом плане интонация рассматривается в работах О.С. Ахмановой, Р.И. Аванесова и А.А. Шахматова, которые указывают на ее основные компоненты: мелодию, паузы, изменение регистра, силу голоса и

темп. По определению Л.В. Щербы, интонация – это мелодия, то есть музыкальное движение голоса во время речи. [Щерба, 1957] Таким образом, большинство исследователей считают компонентами интонации изменение высоты тона, фразовое ударение, ритм, темп и тембр.

Несмотря на то, что изучение интонационных характеристик публичной речи не входило в основные задачи нашей работы, при проведении исследования была сделана попытка выявить характер интонационного оформления ораторских выступлений политического характера. Можно сказать, что публичные выступления политических ораторов, не принимая во внимание особенности отдельного выступления и обобщая интонационные характеристики, имеют следующие особенности.

Тембр не имеет четких физиологических параметров и не может быть измерен. Но так как тембр является фоностилистической характеристикой, то необходимо отметить, что у каждого оратора тембр значительно отличается. Ораторы звучат величественно, самоуверенно, озабоченно и в то же время лично заинтересованно. Кроме того, необходимо отметить, что преобладают следующие терминальные тоны: нисходящий (высокий, средний), восходящий (высокий, средний), нисходяще-восходящий, восходяще-нисходящий.

Нисходящий тон наиболее типичен для ораторского стиля. Нисходящий тон любого уровня выражает «определенность» и «компетентность». Утверждения, произнесенные с нисходящим тоном, звучат категорично и взвешенно, с высоким нисходящим тоном – эмфатично и очень лично.

Например, в обращении к студентам МГУ президента США Рональда Рейгана 31 мая 1988 года: «...*It's 'time to 'remove the barriers that keep people (apart) I am proposing an increased exchange program of High School students between our countries*» [Reagan, 1988].

Восходящий тон любого уровня выражает «неопределенность» и «некомпетентность». Восходящий тон в начальных фоноабзацах часто

употребляется в американском варианте английского языка для привлечения внимания аудитории.

Например, в программной речи губернатора штата Нью-Йорк Марио Куомо на Демократическом съезде в 1984 году в Сан-Франциско: «...*The part where some people can't pay their mortgages and the most young people can't afford one, where students can't afford the education they need and middle-class parents watch the dreams they hold for their children evaporate...*» [Cuomo, 1984].

Восходяще-нисходящий тон несет в себе чувство законченности, завершенности и определенности. Другое значение, которое обычно ассоциирующееся с восходяще-нисходящим тоном, – «побуждение». Оратор говорит чопорно, самодовольно и самоуверенно.

Например: «...*Mr. Gorbachev and I first began working on this in 1985, in our discussion today we agreed on working up to several thousand exchanges a year from each country in a near future*» [Reagan, 1988].

В речах политических лидеров преобладают ступенчатая и скользящая шкалы. Представляется интересным наблюдение ступенчатой, скользящей и скандентной нисходящей шкалы в отдельно взятых речах. Они звучат не только ясно, точно и законченно, но и категорично, взвешенно и серьезно. Иногда, даже черство, вызывающе и назидательно. Ступенчатая шкала звучит в утверждениях самоуверенно, необедительно, укоризненно.

Например: «...*The part where some people can't pay their mortgages and the most young people can't afford one, where students can't afford the education they need and middle-class parents watch the dreams they hold for their children evaporate...*» [Cuomo, 1984].

Скользкая шкала добавляет немного категоричное значение утверждению, помогает выразить заботу и личную заинтересованность. Фразы с данной интонацией звучат участливо и убедительно обнадеживающе.

Например: «...*Our discussion, of course, had been focused primarily on many of the important issues of the day...*» [Reagan, 1988].

Увеличение громкости произнесения слога, замедление темпа речи делают ударение эмфатическим. Цель оратора – оказать влияние и эмоциональное воздействие на слушателей; эмфатическое ударение достаточно часто используется в публичной речи. Громкость относится к понятиям относительной интенсивности. При достаточном контроле над голосом громкость может изменяться в соответствии с шумом и акустикой в помещении и в зависимости от акцента, который оратор намерен привнести в отдельный аспект или идею. Время от времени для контрастности громкость может быть уменьшена или повышена, чтобы выделить слова или фразы крайней важности для определенного психологического эффекта.

Например, в инаугурационной речи Франклина Делано Рузвельта в 1937 году: «...*Its 130 million people are at peace among themselves; they are making their country a good neighbor among the nations...*» [Roosevelt, 1937].

Термин «темп» определяется соотношением скорости высказывания и паузации. Скорость речи может быть нормальной, медленной и быстрой. Темп речи или скорость речи политика умеренно медленная. Оратор замедляет речь, чтобы выделить логически важные слова и важные коммуникативные центры. Отрывки высказывания, имеющие особое значение, произносятся медленнее. Менее значимые абзацы обычно произносятся быстрее.

Например, в агитационной речи Томаса Дьюи, кандидата в президенты США в 1944 году: «*We stand today on one of the strange promontories of human history, with the shadows of a dismal stormy night behind us, and the first gray streaks of dawn in the sky beyond us...*» [Dewey, 1944].

Паузы очень важны во время выступления. Они могут быть различными; долгота пауз зависит от синтаксической и семантической значимости отрывка, максимальная долгота пауз имеет место на границах отрывков. Политики редко прибегают к кратковременным паузам, обилие которых может свидетельствовать о неуверенности и нерешительности ораторов. Паузы между смысловыми отрывками определенно длинные. Так как интонационная группа в публичной речи достаточно длинная, то возникает необходимость в паузах, чтобы

перевести дыхание. Целью паузы может быть и оказание психологического воздействия на аудиторию, в таком случае говорят о «риторической паузе».

Публичные обращения должны быть правильно ритмически организованы. Ритм – это лингвистическое понятие, реализуемое в лексических, синтаксических и просодических средствах, а главным образом в их сочетании.

Например: «...*A shining city is perhaps all the President sees from the portico of the White House and the verandah of this ranch where everyone seems to be doing well...*» [Cuomo, 1984].

Итак, ядра информационных центров, а также эмфатические центры на протяжении практически всех речей оформлены в большинстве случаев как средние и высокие восходящие или средние и высокие нисходящие тоны широкого диапазона. Соотношение предъядерных и ядерных частей информационных центров характеризуется разноуровневым произнесением. Громкость произнесения довольно высокая и отмечается вариация темпа – от медленного к довольно быстрому и наоборот. Большое количество эмфатических пауз играют специфическую роль синтаксических пауз.

В таблице 2 мы показали динамику описанных выше средств интонации в политической речи в зависимости от тех или иных содержательных, эмоциональных факторов.

Таблица 2 – Инварианты фоностилистических характеристик публичной политической речи

Средства интонации	Динамика средств интонации в политической речи
1	2
<i>Предъядерные модели</i>	изменяются значительно; преобладает использование широких диапазонов в пределах фоноабзаца; очень высокий уровень в начале интонационных групп
<i>Терминальный тон</i>	в основном выразительный, особенно на эмоционально подчеркнутых семантических центрах; в промежуточных группах преобладает нисходяще-восходящий тон; противопоставляются различия формальных сегментов речи и менее формальных (иллюстрации, примеры, шутки)

Продолжение таблицы 2 – Инварианты фоностилистических характеристик публичной политической речи

Средства интонации	Динамика средств интонации в политической речи
1	2
<i>Громкость</i>	чаще всего резко возрастает, начиная от форте до фортиссимо; иногда наблюдаются случаи уменьшения громкости с целью придать словам и фразам первостепенное значение, и произвести определенное психологическое воздействие на аудиторию
<i>Темп</i>	умеренно медленный, оратор замедляет речь, чтобы выделить коммуникативно важные центры; менее важная информация влечет за собой увеличение скорости подачи информации
<i>Паузы</i>	определенно длинные между абзацами; большое количество прерывающих дыхание пауз; паузация обычно имеет место в семантически и синтаксически значимых отрывках; сегменты между паузами довольно короткие, таким образом, во фразах могут присутствовать паузы разной длины. Другой характерной особенностью этого интонационного средства довольно часто является остановка перед выделением смыслового центра. Пауза служит в качестве средства выделения слов и фраз; внезапные паузы-заминки происходят для получения эффекта кажущегося спонтанности; «риторическая пауза» часто используется для оказания влияния на аудиторию
<i>Ритм</i>	правильно организованная речь; в пределах речевых отрезков ритмические группы меняются, что производит акустический эффект строгой ритмической организации речи

Фоностилистические средства – элементы интонационной структуры речи, которые наиболее активны в ораторском тексте в силу его устного характера, непосредственного воздействия с его помощью на восприятие слушателей. Рассмотрим элементы рамочной организации ораторского текста, также важные с точки зрения воздействия на аудиторию.

1.4. Рамочная структура ораторской речи

Ранее, говоря о речи, мы провели деление ораторской речи на устную и письменную. Несомненно, устная речь отличается от письменной своей спонтанностью и некоторой небрежностью, вызванной неподготовленностью. Но необходимо отметить, что устная ораторская речь, напротив, требует специальной подготовки, использования письменных источников, тщательности продумывания содержания и формы. Подготовка обязательно влияет на структуру речи, в первую очередь, на последовательность расположения элементов содержания речи, на композицию речи, строение и соотношение её частей. С точки зрения Н.Н. Кохтева, можно выделить пятичастную развернутую композиционную структуру ораторской речи: 1) зачин, 2) вступление, 3) содержание (главная часть), 4) заключение, 5) концовка. Эта структура может быть полной, развёрнутой, и свёрнутой, что приведёт к отсутствию некоторых из названных частей, одной или нескольких, кроме, естественно, основной – содержания [Кохтев, 1992, с. 43]. Согласно Е.Л. Фрейдиной, любое речевое произведение, включая устную речь и, естественно, речь ораторскую, имеет начало, середину и конец. Традиционная структура речи включает следующие элементы: 1) вступление, в котором оратор добивается внимания слушателей, знакомит их с темой выступления; 2) основная часть, которая содержит основные идеи, доказательство выдвинутых положений, и 3) заключение (концовка), где происходит краткое повторение основных положений выступления и делаются выводы [Фрейдина, 2007, с.17]. По мнению профессора И.Г. Кошевой, у текста существует определенная структурная рамка типа: «название-заключение» – в письменной, «приветствие-прощание» – в устной речи. Внутри такой структурной рамки обнаруживается смысловая часть, подверженная динамизму, который определяет движение от начального центра через промежуточные центры к конечному центру. Внутренняя наполняемость смысловой части, как ядра рамочной структуры, равна запросу

об информации. При этом стилистически запрос может иметь любую выраженность, включая обращение к определенному кругу лиц [Кошечкина, 2011, с. 238].

По форме выражения мысли речь распадается на монологическую и диалогическую. Для нас особенно важна форма диалога, причём диалог рассматривается нами как структура, предполагающая обязательное единство трёх составляющих: зачина, ядра и завершения [Кошечкина, 2011, с. 241]. Данные компоненты образуют структурную речевую рамку диалога, в котором позиции ограничителей выполняют зачин и завершение, а ядро представляет собой медиальную часть, в которой содержится сообщение, представлена информация, предназначенная слушателям. Зачин играет стимулирующую роль для общения, служит установлению контакта для последующего общения. Завершение (заключение) определяет реакцию участников коммуникации на состоявшийся процесс общения и перспективы общения дальнейшего. Описанная речевая рамка диалога представлена нами на рисунке 5.

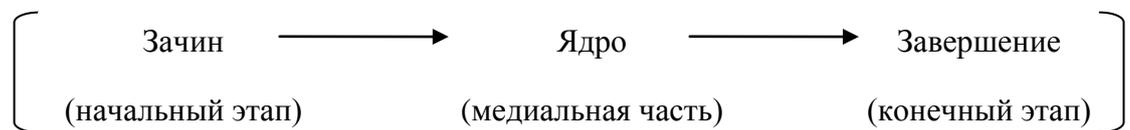

Рисунок 5 – Структура речевой рамки диалога

Особенности зачина могут зависеть от многих факторов: темы выступления, продолжительности речи, свойствами аудитории, степенью заинтересованности слушателей в восприятии речи, необходимостью привлечения внимания слушателей. Зачин может определять, как будет произнесена вся речь.

Например, в речи судьи Стивена Бреера в 2002 году зачин в содержательном смысле зависит как от информации, представленной в речи, так и от ситуации её произнесения: «*Mr. Chairman, Members of the National Commission on the Public Service, Although I appreciate your having invited the*

Chief Justice and me to testify today, I am not very happy to be here. The presence of the Chief Justice of the United States, and my own, suggest that something has gone seriously wrong with the judicial compensation system that the Constitution's Framers foresaw. That system, designed to help secure judicial independence, plays a key role in helping to ensure fair treatment for all Americans and to protect our basic liberties» [Breyer, 2002].

В главной части (содержании) излагается основной материал и используются доказательства, представленные как развернутая цепочка рассуждений.

Например: *«A few facts may help explain why I am not overstating. First, the real pay of federal judges has declined dramatically in the past several decades. Between 1969 and 1999 real pay for federal trial court and appellate court judges has declined by about 25%; during the same period of time, the real pay of the average American worker increased by 12.4%. [...] Second, the salaries of top executives in large non-profit organizations are now significantly higher than those of federal judges. As you can see, the average nonprofit CEO's salary as of three years ago was about 20% higher than that of a Supreme Court Justice and about 35% higher than that of a federal district judge. [...] Finally, for completeness, I have made a few foreign comparisons. As you can see, increases in judicial compensation in Canada and Great Britain have far exceeded 4 the increases in the cost of living in those countries in recent years, while in the United States the opposite is true» [Breyer, 2002].*

В заключении речи подводятся итоги всему сказанному, суммируется произнесённое, обобщаются те мысли, которые высказывались в основной части речи.

Например: *«In my own view, based upon my own experience in government, salary differences do matter; and continuous cuts in the salaries of those who lead an organization will over a period of time sap an institution's strength, lowering*

morale, injuring its reputation, diminishing its power to attract and to retain well-qualified workers» [Breyer, 2002].

Размер, продолжительность рамочных элементов речи (заклучения и концовки) могут быть разными в зависимости от ряда условий произнесения речи: её темы, общей продолжительности, особенностей аудитории, вида речи, даже от того, в какое время суток произносится выступление (вечером, когда все устали и хотят побыстрее освободиться, длинные рамочные элементы способны стать раздражающим фактором для аудитории). Есть общие требования по соотношению продолжительности частей ораторского выступления, например, 2 : 5 : 1, но устанавливать такое соотношение нужно индивидуально. И заключение, и концовка могут (и должны) содержать этикетные формулы, а заключение – формулы призыва к действию или размышлению, пожелания и т. п.

Например: *«Again, I appreciate the opportunity to address this issue. And I am happy to answer any questions. Thank you» [Breyer, 2002].*

Для ораторского выступления важно также, что этот процесс имеет коммуникативную основу. Как известно, «грамматика языка... основывается на связи языка и мышления; грамматика речи включает в эту связь ещё и коммуникацию» [Кошечкина, 2012, с. 3]. Коммуникация предполагает межличностный контакт между оратором и слушателями, порождение и передачу оратором и восприятие слушателями сообщения, цель же коммуникации – налаживание адекватных отношений между субъектом и объектом речи. Коммуникативный процесс можно представить в виде схемы на рисунке 6.

Рисунок 6 – Схема коммуникативного процесса

Учитывая, что речь делится на внутреннюю и внешнюю [Кошечкина, 2012, с. 38], можно оценить процесс кодирования. Внутренняя речь характеризуется кодированием информации на начальной стадии её восприятия и декодирование как обратный процесс на конечной стадии. Внешняя же речь – это собственно процесс наблюдаемой субъектами речи, в ходе которого происходит передача информации от говорящего к слушающему в процессе коммуникации. Процессы внутренней и внешней речи мы изобразили на рисунке 7.

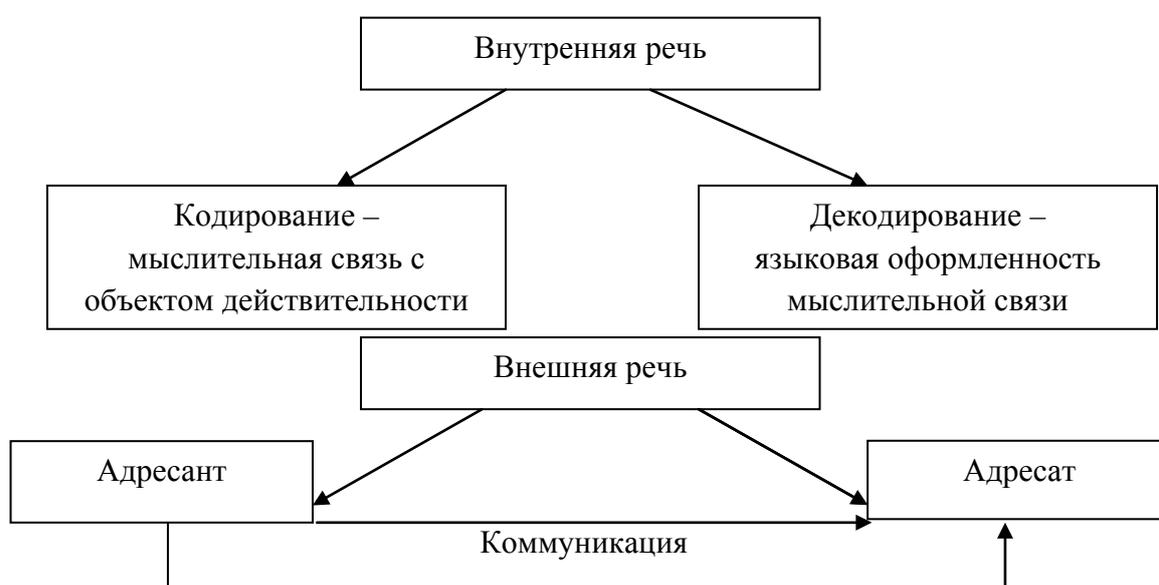

Рисунок 7 – Внутренняя и внешняя речь

Когда слушатель воспринимает речь, происходит декодировка слов в соответствующие понятия, а затем происходит обратный процесс – понятие обретает словесную оболочку. Данные действия происходят незаметно для языковой личности, на уровне внутренней речи, в то время как личность наблюдает передачу информации на уровне внешней речи. Неразрывная связь внутренней и внешней речи представлена нами на рисунке 8.

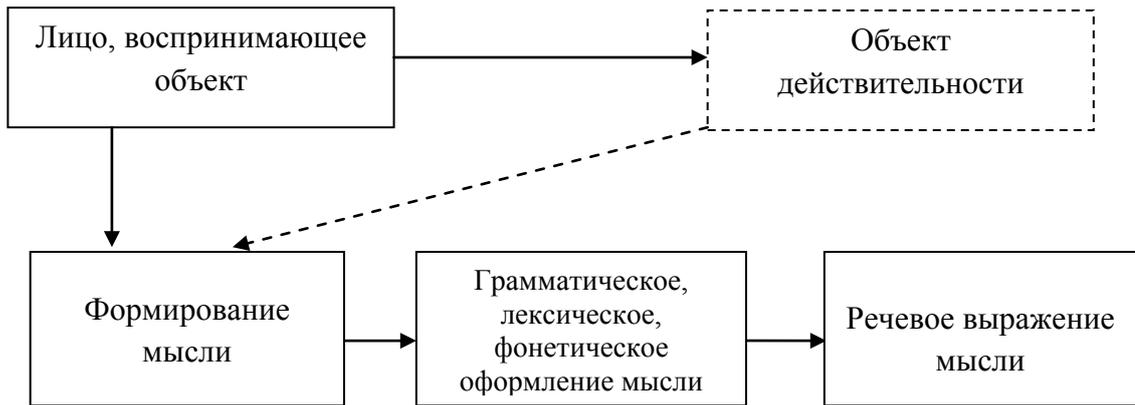

Рисунок 8 – Согласованное действие внутренней и внешней речи

Внешняя речь представляет собой систему, в которой проявляет себя категория коммуникативной связи. В основе данной системы лежит оппозиция: «коммуникант (1, 2-е лицо) – некоммуникант (3-е лицо)» [Кошечкина, 2008, с. 113]. Адресант сообщения (говорящий) грамматически оформлен как 1-е лицо, или «I»; получатель информации грамматически выступает как 2-е лицо – «you, we». Схематически это может быть отображено: I ↔ You, We. Лицо, не участвующее в коммуникации, или некоммуникант (3-е лицо) потенциально может занимать позицию и говорящего, и слушающего. Непосредственное включение коммуникантов в речь, её порождение и восприятие и формирует линию первичного приближения: I ↔ You, We. Схематически коммуникация по данной линии представлена на рисунке 9.

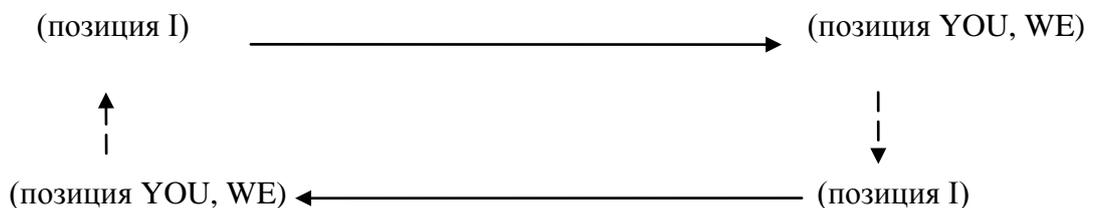

Рисунок 9 – Коммуникация по линии первичного приближения

В центре первичного приближения находится оратор. С помощью пунктирных стрелок на рисунке 9 показана возможность потенциального перехода субъекта из позиции адресата «You, We» в позицию адресанта «I».

Линия вторичного приближения связана с формой 3-го лица, т. е. с обозначением позиции некоммуниканта, не включённого во взаимодействие говорящего и слушающего. При использовании обращения линии вторичной и первичной коммуникации могут объединиться. В этом случае говорящий (позиция I) обозначает слушающего (позиция You, We) с помощью 3-го лица (He, She, It, They). Данный процесс изображён на рисунке 10.

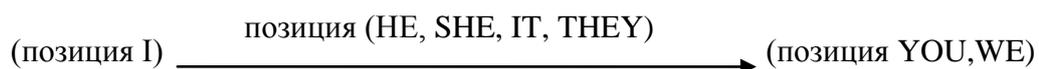

Рисунок 10 – Объединение линий первичного и вторичного приближения

Соответственно создается два различных взаимоисключающих центра – центр первичной приближенности, построенный на выражении максимально конкретизированной количественной информации, и центр вторичной приближенности, как бы исключенный из такого представления и построенный на фиксации количественно абстрактного результата. Таким образом, с одной стороны существует личность (или объект), представленный значением именительности и создающая центр первичного приближения. Он выступает как первичный, т.к. идентифицируется с кем-то, представленным в языке как относительно неделимое целое. В этом отношении выделение личности как смыслового центра психологически обусловлено самим процессом ассоциативного восприятия мира. Значение какого-то лица или объекта, взятого в любой степени абстракции, но воспринятого как нечто приближенное к говорящему, создает модель личного предложения. Подлежащее таких предложений, независимо от того является ли оно именем или его эквивалентом и наименоывает определенные объекты, которые могут быть лицами, явлениями или процессами. Таким образом, в основе создания синтаксической модели первичного приближения лежит, с одной стороны, выражение какой-то статичной определенности, вокруг которой группируется действие. С другой стороны, репрезентация семантического понятия определенности проявляется через строго фиксированную синтаксическую

модель, которая может иметь, естественно несколько синтаксических вариантов. Однако объединяющим их признаком является, во-первых, само наличие подлежащего, а во-вторых, его определенно-личностный характер, который создает центр первичного приближения. Такой центр строится на обязательном соотнесении с детонатом как объектом, который может быть более или менее конкретно соотнесен с подлежащим и наименован им. Таким образом, здесь имеет место не только обобщенное значение, но и его конкретизированная направленность на объект, который определенным образом психологически запечатлен – он выступает либо как видимый, либо как слышимый, либо как воображаемый. Такого рода соотнесение с объектом являются сопутствующим признаком любого личного подлежащего и потому становятся отличительной чертой центра первичного приближенности к говорящему.

Для ораторской речи и её коммуникативной рамки важно учитывать необходимость создания условий для ситуации первичного приближения коммуникантов. Одним из речевых средств для этого должны стать вокативные предложения, которые мы и рассмотрим далее.

1.5. Вокативные предложения в структурной рамке ораторской речи

Долгое время в лингвистике существовало мнение о том, что при построении устной речи не требуется соблюдать строгих правил и норм, что устная речь свободнее в своём формальном выражении, чем речь письменная. Несомненно, устная речь отличается от письменной речи своей спонтанностью, вызванной неподготовленностью. Но отнести этот факт к ораторской речи в полной мере нельзя: она требует подготовки и обращения к письменным источникам.

Нашей целью является исследование вокативных предложений как относительно закрытой речевой структурно-семантической группы языковых

единиц, служащих организации процесса речевой коммуникации на примере ораторской речи. Из данной цели вытекают следующие задачи: рассмотрение видов вокативных предложений, относящихся к сфере речевой деятельности индивидуумов; определение позиций форм приветствия, обращения, представления, пожелания и прощания в рамочной структуре ораторского монолога на материале английского языка.

Как было указано выше, в своем исследовании мы придерживаемся точки зрения профессора И.Г. Кошевой, согласно которой существует определенная структурная рамка типа: «название-заключение» – в письменной, «приветствие-прощание» – в устной речи. Мы считаем, что в своей структурной части ораторская речь состоит из трех компонентов: зачина, где фигурируют формы обращения, приветствия, представления; ядра, содержащего информативное сообщение; и завершения, где используются формы прощания, пожелания, иногда соединенные с формами обращения. Здесь необходимо отметить, что академик А.А. Шахматов был первым, кто ввел в лингвистику термин «вокативные предложения», первым, кто выделил данный тип предложений в отдельную структурную разновидность, а к их числу отнес предложения, единственным членом которых являлось обращение, то есть имя лица, к которому обращена речь [Шахматов, 1941, с. 86]. Однако понимание вокативных предложений в настоящее время значительно расширилось, так как в их состав, кроме обращений, согласно профессору И.Г. Кошевой, стали включать приветствия, представления, пожелания и прощания [Кошечкина, 2011, с. 239].

Приветствие – это форма диалогической речи, образующая ее зачин, и таким образом объединяющая людей на период их коммуникации. Оформление устного вида ораторской речи начинается с приветствия. Являясь своеобразным «зачином» диалогической коммуникации, приветствия сочетают в себе ряд чисто языковых моментов с социологическими, которые преломляются в зависимости от:

- 1) темпоральной обусловленности приветствия временем (суток);
- 2) уровнем обобщения, в разной степени присущим приветствиям разного типа.

Использование приветствий в ораторской речи имеет особое значение. Приветствия целиком относятся к индивидуально-речевому уровню, так как они открывают диалог.

Например, в речи Сюзан Б. Антони, будучи осужденной за голосование в 1872 г.: «*Friends and fellow citizens: I stand before you tonight under indictment for the alleged crime of having voted at the last presidential election, without having a lawful right to vote. It shall be my work this evening to prove to you that in thus voting, I not only committed no crime, but, instead, simply exercised my citizen's rights, guaranteed to me and all United States citizens by the National Constitution, beyond the power of any state to deny*» [Anthony, 1872].

Прощание так же, как и приветствие, представляет собой форму диалогической речи, но имеет, что очевидно, противоположное направление, указывая не на начало, а на завершение диалога и ведя коммуникантов к окончанию акта речевого общения.

Например, в прощальных речах американских президентов Джорджа Буша «*And so, my fellow Americans, for the final time: Good night. May God bless this house and our next President. And may God bless you and our wonderful country. Thank you*» [Bush, 2009] и Дуайта Дэвида Эйзенхауэра «*Now, on Friday noon, I am to become a private citizen. I am proud to do so. I look forward to it. Thank you, and good night*» [Eisenhower, 1961].

Необходимо отметить причины, по которым оказывается возможным объединение этих разнонаправленных языковых значений в единую форму. Во-первых, формы приветствия и формы прощания являются устойчивыми языковыми единицами и получают свое раскрытие в речи. Во-вторых, для них характерны общность речевых функций – и приветствие и прощание выступают взаимосвязанными и взаимообусловленными компонентами в

формировании диалогических единств. Кроме того, в ряде случаев им присуща взаимозаменяемость. Немаловажно, что формы приветствия и прощания характеризует способность создавать своеобразную речевую рамку диалога. Они открывают его в начале и закрывают в конце.

Например, в речи 36-го президента США от Демократической партии Линдона Джонсона: «*Good evening, my fellow Americans:...*», «... *Thank you for listening. Good night and God bless all of you*» [Lyndon, 1968].

В диалогическом общении ведущая роль принадлежит говорящему, так как именно он производит начальную реплику речи – зачин, за которой может последовать (а может и не последовать) ответная реплика – реакция со стороны адресата. По мнению И.Г. Кошевой, «язык в его речевом проявлении – эгоцентричное явление» [Кошева, 2012, с.164]. Это означает, что именно говорящий, то есть в условиях публичного выступления – оратор начинает диалог, а затем следит за его течением. Ораторская речь представляет собой речевую ситуацию, рамками которой ограничено публичное коммуникативное пространство, и ведущим элементом данной ситуации является именно оратор. Ораторская речь одновременно монологична и диалогична. Внешне это монолог, а на самом деле, по сути взаимодействия участвующих в речи субъектов, выступление – диалог адресанта и адресата, предполагающий с обеих сторон реакцию на слова собеседника. В течение ораторского выступления чередуются стимул к ведению беседы (со стороны оратора) и ответная реакция на информацию, сообщаемую говорящим (со стороны слушателя).

При создании и функционировании рамочной конструкции ораторского выступления, представляющей собой зачин в начале и завершение в конце речи, побуждающим элементом для рамки является наличие адресата, то есть необходимость для адресанта направить ему информацию. Адресат, его особенности определяют суть рамочной конструкции. Говорящий – исходный отправитель информации, первое лицо «I». Завершение речи предполагается со стороны слушающего «you», как адресата информации и, значит, рамочная

конструкция диалога основывается на рассмотренной нами выше коммуникативной связи из двух конститuentов $I \leftrightarrow you$, грамматически объединённых формой первого лица множественного числа «we». В процессе коммуникации отправитель и получатель информации (субъект и объект речи) постоянно меняются местами, при этом общая для субъекта и объекта речи линия направления диалога выражается в грамматическом значении «we».

Как было сказано выше, ядро или медиальная часть речи – это её важнейший компонент, помещающийся между зачином и завершением рамочной конструкции. Медиальная часть – содержательная, в ней содержится основная информация, важная для данной речевой ситуации. Обращения сами по себе не формируют предложения, поэтому они являются составным компонентом константы вокативности и реализуют лишь направительное значение.

Например, в речи на эшафот Сиднея (Алджернона) в 1686 году: «*Men, Brethen, and Fathers; Friends, Countrymen, and Strangers:...*» [The world's famous orations, v.III, 1906, с.142].

Такой тип вокативных предложений, как обращение, анализируется нами как составляющий компонент структурной рамки ораторской речи, включающей зачин, ядро и завершение.

Например, в инаугурационной речи Джона Ф. Кеннеди в 1961 году: «*Vice-president Johnson, Mr Speaker, Mr Chief Justice, President Eisenhower, Vice-president Nixon, President Truman, reverend clergy, fellow citizens:...* In your hands, *my fellow citizens*, more than mine...And so, *my fellow Americans*, ask not what your country can do for you; ask what you can do for your country. *My fellow citizens of the world*, ask not what America will do for you, but what, together, we can do for the freedom of man» [Kennedy, 1961].

Положение обращения в рамочной конструкции ораторского выступления – не обязательно в начале зачина. Напротив, именно то, что вокативные предложения могут быть разнообразно расположены в структуре

рамочной конструкции ораторской речи, разнообразит речь и её композицию, помогает оратору привлечь внимание слушателя к тому или иному элементу речи.

Например, в речи Лорда Сэндвича в Палате лордов 22 ноября 1770 года: «*My lords, I am heartily for the previous question, and thoroughly convinced with respect to the injustice of the accusations, which in the course of the debate have been urged against his Majesty's ministers...besides, my lords, let me ask when the patriots themselves were in power...besides, my lords, is the body descendant of a Whig, to be employed in the first departments of the state...what weight, what regard, my lords, is due to the reasonings of such wretched politicians...*» [English historical documents, 1957, с. 204–206].

Можно заметить, что употребление форм обращения возможно во всех трёх частях речи: рамочных частях – зачине и завершении, и медиальной части. Такая позиция выделяет этот тип вокативных предложений на фоне остальных типов, которые обычно имеют в ораторской речи определённую позицию, определённое место, где они ожидаемы. Композиционно закреплённая за ними позиция делает их менее выразительными.

В прощальной речи Дуайта Д. Эйзенхауэра от 17 января 1961 года приветствие занимает начальную позицию, при этом обращение выступает средством структурного раздвижения границ данного вокативного типа синтаксической связи, указывая на кого именно оно направлено: «*Good evening, my fellow Americans*» [Eisenhower, 1961]. Как обращение – сигнал начала диалога, начала взаимодействия субъектов общения, так соответственно прощание выступает сигналом завершения диалога, причём сигналом однозначным, невариативным. Обращение также может входить в пространство прощания, если говорящий стремится выделить адресата сообщения (прощания) среди других присутствующих при этом коммуникантов. Употребление в ораторской речи такой своеобразной формы вокативного типа предложений как представление заслуживает особого

внимания. Это совершенно особый вид воспроизведения объективно-временных отношений. Представление всегда коммуникативно-направлены, но направленность предполагает наличие настолько очевидного адресата, что его название обычно опускается в ораторской речи ввиду избыточного информативного характера.

Например, во второй петиции к королю на втором Континентальном Конгрессе 8 июля 1775 года лидер группы Джон Дикинсон начинает свою речь следующим образом: «*We, your Majesty's faithful subjects of the colonies of New Hampshire, Massachusetts Bay, Rhode Island and Providence Plantations, Connecticut, New York, New Jersey, Pennsylvania, the counties of New Castle and South Carolina, in behalf of ourselves and the inhabitants of these colonies, who have deputed us to represent them in general congress, entreat your Majesty's gracious attention to this our humble petition*» [English historical documents, 1955, с. 847]

В своем обращении на Национальном съезде Демократической партии Элизабет Глейзер выражает настоящую данность представления, передавая ее синтаксически путем особо ущербного плана в силу отсутствия всех других морфологических и лексических форм репрезентации времени «*I'm Elizabeth Glaser. Eleven years ago...*» [Glaser, 1992].

В заявлении профессора Аниты Хилл перед Юридической комиссией Сената представление предшествует зачину диалога, в то время как обращение служит структурным расширителем конструкции: «*Mr. Chairman, Senator Thurmond, members of the committee: My name is Anita F. Hill, and I am a professor of law at the University of Oklahoma...*» [Hill, 1991].

Пожелание как тип вокативного предложения также занимает важное место в рамочной структуре диалога. Это, на первый взгляд, конструкция, схожая с приветствием и прощанием как типами вокативных предложений. Однако приветствие в таких конструкциях органично сочетается с пожеланием. Приветствие может осуществляться в самых разнообразных

формах, многие из которых представляют собой доброе пожелание, выраженное посредством слова «good», например, «*good morning*» как пожелание доброго утра, аналогично «*good afternoon*» или «*good evening*». Иными словами, формы вокативного предложения-пожелания имплицитно присутствуют в позициях зачина – как в речи «Против вступления в войну с Ираком» Барака Обамы: «*Good afternoon. Let me begin by saying that although this has been billed as an anti-war rally, I stand before you as someone who is not opposed to war in all circumstances*» [Obama, 2002] или завершения рамочной конструкции как в речи Джорджа Буша – младшего, произнесенной в Овальном кабинете 11 сентября 2001 года: «...*Thank you. Good night. And God bless America*» [Bush, 2001].

Кроме того, пожелания могут выступать без комбинирования с приветствием, как независимый тип вокативных предложений. Например, в обращении американского президента Рональда Рейгана к студентам МГУ в 1988 году пожелание расположено в структуре медиальной части сообщения и служит цели выражения эмоции говорящего, представляет собой эмоциональный посыл: «*I know you must be very busy this week, studying and taking your final examinations. So, let me just say zhelayu vam uspekha [I wish you success]. Nancy couldn't make it today because she's visiting Leningrad, which she tells me is a very beautiful city, but she, too, says hello and wishes you all good luck*» [Reagan, 1988].

Положение вокативных предложений в организационной структуре ораторского выступления, в том числе в рамочной конструкции речи разнообразно, как и их разновидности, и служит установке коммуникативной связи между оратором и его слушателями, которая будет способствовать успеху всего выступления.

Выводы по главе 1

В исследовании мы исходили из того, что в современной лингвистической науке доминирует антропоцентрическое направление в исследовании текста, согласно которому именно человек, как языковая личность, создающая текст, определяет его особенности и черты, определяет языковые средства, составляющие текст, систему их структурного взаимодействия и выражение посредством их смысла.

В результате проведённого в данной главе анализа было выявлено:

1. Текст ораторской речи – особое явление среди других разновидностей текстов. В нём сочетаются особенности устной и письменной речи: позиционируясь как устная форма речи, ораторская речь является подготовленной и создаётся как письменная.

2. Для ораторской речи характерно предложение-реплика, результат максимальной абстракции в системе предложений текста. Ораторскому тексту как речевому комплексу свойственно сочетание речевых ситуаций избирательности (элективности) и коррективности.

3. Речи ораторов на всем своем протяжении являются очень выразительными и экспрессивными. Используемые оратором интонационные средства являются эффективным приемом в создании эффекта «прямого разговора».

4. Будучи монологическими по форме, речи ораторов, использующих темпераментный ораторский стиль, характеризуется, как правило, имплицитным диалогом.

5. Диалогическая составляющая ораторского текста является, как правило, скрытой, имплицитной, но она обязательно подразумевается, а текст речи изначально конструируется как предполагающий сложный двусторонний процесс общения со слушателями.

6. Различные формы вокативных предложений не только являются языковыми знаками, используемыми для зачина, медиальной части и

завершения коммуникации, но и, что важно, им свойственна определенная позиция, которая формирует рамочную структуру ораторской речи. Формы приветствий-прощаний, образуя рамочную структуру ораторской речи, открывают и закрывают ее.

7. Приветствия-прощания представляют особый интерес в стилистическом отношении, так как, включая в себя отправителя и получателя информации, формы приветствия-прощания придают ораторскому монологу диалогический характер.

8. В структуре ораторской речи формы приветствия и прощания создают структурную её рамку.

9. Пожелания могут использоваться в каждой из трёх составляющих структурной рамки текста выступления, но при этом в позиции зачина и завершения они имеют только косвенную выраженность.

10. Обращение в ораторском тексте также может располагаться в любой части: начальной, медиальной, конечной; оно максимально мобильно внутри речевой рамки ораторской речи по сравнению с другими разновидностями вокативных предложений.

Глава 2. Дифференциация компонентов категории тождества в ораторской речи

2.1. Авторский ракурс и сюжетная перспектива в рамках ораторской речи

Построение публичной ораторской речи, несмотря на то, что каждая из речей неповторимо индивидуальна, имеет некоторые типологические общие черты. Это обусловлено тем, что основная идея речи членима, она распадается в тексте на ряд структурных элементов, каждый из которых представляет собой своеобразный центр, вокруг которого комбинируется предназначенный для раскрытия данной идеи отрезок текста речи. Чтобы понять суть содержательной стороны выступления, необходимо выделить такие узловые моменты, с помощью которых, с одной стороны, кодируется идея (её элемент), а с другой – определяется общая направленность сюжетной перспективы текста речи. Создавая ораторскую речь, автор выделяет некоторые наиболее важные моменты – своего рода опорные пункты (основные идеи), описание которых необходимо для наиболее полной репрезентации общего замысла ораторского выступления, то есть для образного описания идеи. Последнее предполагает конкретизацию языковых способов, с помощью которых максимально близкий контакт с аудиторией должен быть установлен именно в момент передачи слушателям кодового выразителя каждого компонента идеи.

В ораторской речи особого внимания, по нашему мнению, заслуживает авторский ракурс, понимаемый как особый психолингвистический комплекс, основанный на прямом или несобственно-прямом обращении говорящего к слушателю. Авторский ракурс, как понятие, ввела в лингвистический обиход профессор И.Г. Кошечая, понимающая под авторским ракурсом макетно-содержательную основу текста [Кошечая, 1983; Свиридова, 2004; Koshevaja, 1982 и др.], которая может представлять собой и максимально сжатую идею текста, и значительное по объёму речевое произведение с большим или меньшим количеством включенных в него деталей. Авторский ракурс, не

затрагивая и не изменяя значительно главную линию повествования, дополняет ее рядом авторских деталей, то есть мысленно конструирует предельно реальную картину в реальном времени и пространстве. Авторский ракурс делает отвлечённое вначале, на этапе замысла речи, ораторское выступление конкретным. В воображении автора появляется постепенно становящийся всё более чётким макет его будущего выступления, от первого до последнего слова, взгляда или поступка, в строгой логической последовательности, подчинённой замыслу автора. Исходя из этого, на наш взгляд, можно выделить следующие особенности авторского ракурса:

1. Представление оратором сюжетной линии речи с сужающимся или расширяющимся множеством деталей, которые в процессе подготовки текста будут превращаться в речевые ситуации более или менее широкого плана.

2. Оценка этих деталей с определённой авторской, личностной, мировоззренческой позиции, которую автор будет пытаться передать в ходе выступления, через рассуждения и доказательства слушателю, привлекая его в свой мировоззренческий лагерь, стремясь сделать его своим единомышленником, вызвать интеллектуальное и эмоциональное сопереживание.

Иными словами, авторский ракурс – это содержательный каркас публичного выступления, который автор речи (оратор) представляет себе в целостном плане до его образной воплощенности в текст и независимо от интерпретации речевых ситуаций. Поэтому авторский ракурс представляет собой линейную репрезентацию содержания всего подготовленного оратором выступления. Авторский ракурс включает реальные границы рассматриваемого в ораторском выступлении явления или объекта, представление о действительном начале и действительном конце создаваемого ораторского текста. Причем для автора ораторского текста начало и конец текста присутствуют в реальном времени и пространстве, являются их компонентами.

Таким образом, авторский ракурс – это отражение того содержания, о котором автор желает сообщить слушателю, ради которого и создаёт своё ораторское произведение. Но при этом представление автора об этом объекте двойко; оратор видит объект: 1) таким, какой он есть; 2) таким, каким он должен, по его мнению, предстать в ораторском выступлении. И этот второй план, хотя и тесно связан с первым, полностью ему не соответствует, выходя за пределы авторского ракурса и образуя сюжетную перспективу речи. Структуру авторского ракурса мы представили в виде схемы на рисунке 11.

Рисунок 11 – Авторский ракурс

Авторский ракурс – это содержание планируемого и создаваемого автором ораторского текста, которое разворачивается в линейном, синтагматическом плане, как непосредственное следование событий (компонентов выступления) друг за другом. Авторский ракурс – это то содержание речи, которое автор представляет себе наиболее адекватным, удерживает в голове и стремится воплотить посредством создаваемой им сюжетной перспективы.

Авторский ракурс является содержательной базой, направляющей мысль оратора, которая позволяет ему, чётко представляя себе каркас выступления, быть последовательным, не отклоняться от перспективно развивающейся

линии действия на несущественные элементы. Поэтому авторский ракурс линейно одномерен, реализован в линейной последовательности единиц.

Сюжетная перспектива – это явление совершенно иного плана; по определению И.Г. Кошевой, она – явление, производное от авторского ракурса и одновременно зависимое от него. Благодаря сюжетной перспективе, оратор формирует архитектуру публичного выступления, к примеру, производит необходимую ему структуризацию текста, располагая компоненты, нацеленные на раскрытие содержания речи, в определённой последовательности.

Иными словами, в противоположность авторскому ракурсу, который линейен, синтагматичен, сюжетная перспектива обладает объёмом и многомерностью. Вписывая в канву речевой ситуации определённые виды речевых комплексов, сюжетная перспектива опирается не на реальное время, а на художественное. В результате в ходе речи происходит разворачивание действия, происходящего не в реальном, а в художественном пространстве. Сюжетная перспектива по-иному параметрирована по сравнению с авторским ракурсом. Она налагается на авторский ракурс, но может модифицировать, изменять объект рассмотрения независимо от него, а в зависимости от моментов в изложении сюжета, с помощью которых автор может достичь максимального внимания и заинтересованности со стороны слушателя, привлечь его внимание. Сюжетная перспектива в сопоставлении с авторским ракурсом – это не планируемое, а реальное развёртывание речи, зависящее от внешних условий произнесения текста оратором и восприятие его слушателями. На рисунке 12 мы представили сюжетную перспективу схематически.

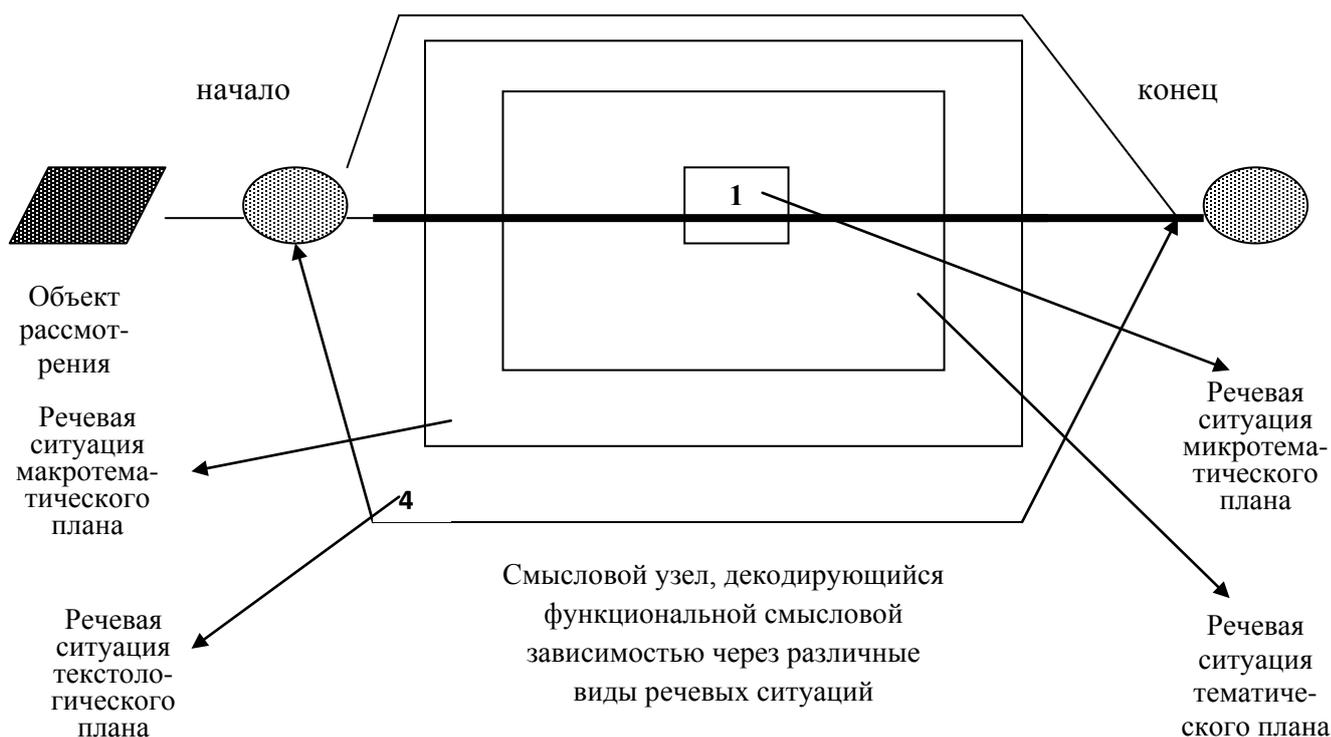

Рисунок 12 – Сюжетная перспектива

В содержательном плане именно смысловый узел (СУ), собственно, и способствует раскрытию реального семантического пространства и семантического времени, поскольку в нём сконцентрированы та текстологическая речевая ситуация (соответствующая всему ораторскому тексту), которая является составным элементом категории тождества и которая способствует воплощению художественного пространства и художественного времени в качестве основы всей речи, всего выступления в целом.

Соотношение авторского ракурса и сюжетной перспективы, рассмотренное нами, позволяет заметить, что текст – это служащее выражению какой-либо идеи (проблемы) структурно-семантическое единство, основанное на категории тождества начала и конца текста, а также на сюжетной перспективе, которая позволяет автору в медиальной части ораторской речи проектировать различное, в той или иной степени удачное расположение каждого смыслового узла текста по отношению к центральным

звеньям речи, её ядру и инвариантам. Для сохранения адекватности исходной идеи текста, которая выражена в зачине и в завершении речи, оратор не может выйти за пределы категории тождества. Поэтому можно говорить об иерархической, подчинительной связи авторского ракурса и категории тождества. На наш взгляд, авторский ракурс реализуется в речи оратора, где на него оказывают влияние два фактора:

1. Смысловая составляющая текста, ограничивающая действие функциональной смысловой зависимости.

2. Интенции автора, осуществляющего выбор знаков языковой системы на втором уровне абстрагирования.

Таким образом, авторский ракурс в ораторской речи ограничивает функциональную смысловую зависимость, подчиненность которой авторскому ракурсу проявляется посредством сосредоточения мысли на таких узловых моментах авторского ракурса, какими являются инвариант, ядро, центральное звено и смысловой узел. Кроме того, функциональная смысловая зависимость отталкивается от авторского ракурса, поскольку, что мы покажем ниже, лишь инвариант выражает ее одномерно.

2.2. Функциональная смысловая зависимость как форма декодирования авторского ракурса в ораторской речи

Авторский ракурс зависит, как это было показано нами выше, от речевых намерений автора текста, который соединяет необходимые для выражения смысла речи слова и словосочетания в реальные высказывания, следующие требованию обязательной адекватности смыслу, то есть основывается на потенциальном и реальном действии категории тождества.

Иными словами, автор реализует свое волеизъявление в определенном наборе смысловых отрезков ораторского текста: в репликах-фразах, в

отдельных высказываниях, образующих целостные речевые комплексы. Далее автор объединяет получившиеся речевые комплексы в высказывания.

Но авторский ракурс при построении текста постоянно коррелируется, то есть, соотносится с сюжетной перспективой, поскольку именно она является тем основополагающим фактором, который формирует текст как реальное произведение на глубинно-речевом уровне, основываясь, соответственно, на всех перечисленных выше моментах.

Следовательно, сюжетная перспектива строится, вытекая из волеизъявления автора, его модальности убеждения, поэтому она имеет направленность от говорящего оратора к слушателю (аудитории при публичном выступлении оратора). В этом плане модальность убеждения превалирует над другими модальностями, она является ведущей движущей силой сюжетной перспективы, своеобразным рычагом, приводящим ее в действие.

В ходе творческих процессов создания и восприятия текста наблюдается не столько уравнивание, сколько обязательная материализация сущности двух образующих его категорий: с одной стороны, категории тождества, а с другой стороны, категории волеизъявления, модальности убеждения. Связи данных компонентов речевой структуры весьма разнообразны и неоднозначны. Авторский ракурс зависим от категории волеизъявления, взаимодействует с ней, но при этом он подчинен категории тождества. Сюжетная же перспектива взаимодействует с категорией тождества, но находится в зависимости от категории волеизъявления, то есть авторского ракурса.

Авторский ракурс кодирует содержательную составляющую ораторского выступления через его наименование и основные смысловые ступени сюжетной перспективы: инварианты, ядра, центральные звенья и смысловой узел. Функциональная смысловая зависимость способствует декодированию данной сюжетной перспективы через связь каждой смысловой ступени непосредственно с речевой ситуацией. Но только речевая ситуация,

реализуемая в тексте, может послужить полному раскрытию смыслового узла и соотнести тождество в начале речи, при её замысле, с окончанием речи. Именно оратор, его ценностные установки определяют в составе функциональной смысловой зависимости различные элементы отношения к действительности – этические, эстетические, правовые, религиозные и др. Целевая установка реализуется в ходе выступления оратора и раскрывается в зависимости от его ораторского дарования, от способностей опять же через единство функциональной смысловой зависимости и авторского ракурса. В связи с этим именно посредством упорядоченного раскрытия авторского ракурса в границах функциональной смысловой зависимости сущность категории тождества реализуется наиболее полно. Можно сказать, что эта категория реализует себя в их динамичном взаимодействии, где философское кредо автора воплощает себя однонаправленно. Прямолинейность авторского ракурса и моностатичность его мировоззренческой целевой установки обязательно сочетается с многомерностью интерпретации описываемых событий.

Иными словами, декодирование авторского ракурса посредством действия функциональной смысловой зависимости, а также расширение функциональной смысловой зависимости в речевых ситуациях способствуют реализации в тексте всей многомерности и полиаспектности замысла оратора в пределах категории тождества.

Итак, содержательная организация текста требует, с одной стороны, жесткие рамки категории тождества, а с другой – наличия декодирующей смысл функциональной смысловой зависимости. Действие последней выполняется через обязательную опору на сюжетную перспективу и связано как с расширением речевых ситуаций, так и с их распределением в рамках текста, от смены их позиций, зависящего от интенций автора. Все это служит тому, чтобы, во-первых, оратор мог однозначно выразить в тексте свою мировоззренческую позицию, во-вторых, появилась возможность через ретроспективный возврат к определённым мыслям речи вникнуть в них, по-

новому оценить их, и, в-третьих, таким образом декодировать сущность названия и зачина текста [Кошечкина, 1983].

На речевом уровне функциональная смысловая зависимость является базой категории тождества с точки зрения адекватности способов выражения смысла в речевом произведении целостному замыслу автора [Свиридова, 2004]. Раскрытие категории тождества на уровне речи обосновывает применение функциональной смысловой зависимости (ФСМЗ) в качестве замыкающего ключа, так как категория тождества обуславливает связь начала и конца текста речи, объединенного через название и воспринимаемого как целостное речевое произведение. Именно это триединство формирует текст как наиболее объемную по смыслу и адекватно оформленную структурно единицу речи. Название речи представляет собой условно закодированную автором величину, задуманную с целью объединения начала и конца текста.

Функциональная смысловая зависимость, как следует из вышесказанного, декодирует содержание авторского замысла. В процессе своего действия она определяет отбор требуемых автору языковых знаков, но не их расположение. Функциональная смысловая зависимость не способствует архитектонике выражения смысла в сюжетном развёртывании речи и поэтому не соприкасается с сюжетной перспективой.

На речевом уровне содержание текста раскрывается посредством соотношения инвариантов, ядер, центральных звеньев, сходящихся в смысловом узле. При этом особенно значим чрезвычайно важный для ораторского выступления принцип эмоциональности, так как способен даже нарушить логику построения сюжета и войти в оппозицию с категорией тождества. Являясь чувственно-сенсорной категорией, эмоциональность опережает проявления личности, связанные с волеизъявлением. В тексте ораторской речи эмоциональность может применяться автором в качестве одного из способов выстраивания сюжетной перспективы, которые способствуют формированию композиции, захватывающей внимание слушателя. При этом сама речевая ситуация распадается на три основные

фазы, внутри которых эмоционально-психологическая амплитуда проявляет себя по-разному:

1. Экспрессивная фаза речевой ситуации. Она наступает сразу после эмоционального всплеска, когда психологическая напряженность наиболее высока. На этой фазе амплитуда замедленна, в связи с чем речь представляется как заторможенная и прерывистая, что часто проявляется в появлении обрывающихся незавершенных фраз-переспросов типа: «What?», «Ah!», «No!».

2. Разъясняющая фаза речевой ситуации характеризуется тем, что напряженность первой фазы в ней постепенно уменьшается и переходит затем в объяснительную речевую ситуацию. На этой фазе скорость подачи информации стабилизируется, и она постепенно приближается к нормальному темпу речи.

3. Завершающая фаза речевой ситуации наступает по мере уменьшения начальной экспрессии, когда речь теряет свою особую эмоциональную нагрузку, тон речи становится более спокойным, естественным, эмоциональность уменьшается, и речь плавно подготавливает к переходу от эмоционального типа речевой ситуации к нейтральному [Эмоционально-психологический фактор в категории тождества, 2013, с. 60–63].

Следует отметить, что речевые ситуации переживаются людьми всегда, и это не может не отразиться на их речи. Существует даже такое мнение, что любое высказывание эмоционально, что в речи нет эмоциональной нейтральности [Danes, 1987, с.274].

Термин функциональная смысловая зависимость был введен профессором И.Г. Кошевой, а мы в данном исследовании впервые прилагаем его к анализу ораторской речи. Функциональная смысловая зависимость, представляя собой содержательную базу смысла ораторской речи, зарождается на первом уровне создания речи, когда она служит для кодирования смыслового объекта речи и является величиной кодового ряда. На втором уровне языковых абстракций она устанавливает те смысловые поля, которые

служат для отражения содержательной стороны объекта и поэтому являются от него зависимыми. На третьем уровне функционирование ФСмЗ в речи проявляется в выборе автора словарной единицы из доступного ему семантического поля, а также в выборе грамматической формы или интонационного варианта, с помощью которых, как он считает, ему удастся наиболее верно и полно осуществить коррелятивную связь со значением и оценкой, данными изначально объекту речи. На третьем уровне, который является элективно-речевым, автор речи выбирает нужные ему лексические единицы из каждого синонимичного ряда, в процессе чего становится ясным уровень речевой одарённости автора, объединяет данные единицы и таким образом завершает действие ФСмЗ. Описанный нами процесс показывает, как функциональная смысловая зависимость даёт автору ораторской речи возможность провести кодирование смысла речи на первом уровне её создания, сопоставить основные закодированные элементы смысла с семантическими полями, набором грамматических моделей и интонационных вариантов языка на втором уровне, а на третьем – отселекционировать, выбрать среди этих полей, моделей и фонетических рисунков те элементы, которые представляются ему наиболее соответствующими его умонастроению и отвечающими требованиям построения именно данной речи.

Сюжетная перспектива в ораторской речи является той открытой формой связи оратора с аудиторией слушателей, которая позволяет ему находить наиболее точные языковые средства для построения речи и продумывать ораторские приёмы подачи смыслового содержания выступления, способные увлечь аудиторию.

Авторский ракурс является той содержательной основой, которая неизменно определяет речевые действия автора, имея в виду который, автор по своему замыслу строит все ораторское выступление. Авторский ракурс представляет собой единство кодирующей и декодирующей частей текста ораторской речи. Кодирующая часть представлена через целевую установку, в которой идейно-мировоззренческая позиция автора, его волеизъявление

получают свое специфическое преломление, обретают конкретную форму и убеждающую силу. Если кодирующая форма, представляя собой творческий замысел автора речи, выражает его в виде кодовых центральных звеньев, то декодирующая форма сохраняет их кодовый характер за счет по возможности их максимально точной языковой дешифровки. Соответственно, идея, оставаясь неизменной в своей основной сути, получает детализацию посредством фона, приближающего ее к реципиенту либо в сюжетном смысле, либо в эмоционально-психологическом воздействии на него, либо в форме соединения с мнением самого автора [Королева, 2013].

Декодирующая часть авторского ракурса реализуется через функциональную смысловую зависимость, которая способствует раскрытию кодирующих структур посредством четырёх типов речевых ситуаций, сформулированных И.Г. Кошевой: микротематической, отсылающей к инварианту; тематической, реализуемой смысловым ядром; макротематической, связанной с центральным звеном речи, и текстологической, опирающейся на всё содержание и все идеи данного текста. Эти речевые ситуации содержат в себе речевые комплексы всех возможных по степени эмоциональности четырёх типов – эмоциональные, нейтральные, итоговые и смешанные. Посредством данных речевых комплексов выражаются в тексте речи построенные автором реплики. Как видим, авторский ракурс прочно связан с категорией тождества в своих основных частях: как в глубинной кодирующей, так и в поверхностной декодирующей. Исходя из этого, можно отметить включение в категорию тождества определения интенций автора и того значения, которое через авторский ракурс становится присуще ФСмЗ.

Соотношение категории тождества и сюжетной перспективы имеет иной характер. Сюжетная перспектива обладает свойством одномерности, то есть её действие не имеет глубинной стороны. Она касается архитектоники, относится к построению, композиции всего ораторского выступления, так как оказывает воздействие на построение внутреннего макета произведения с помощью

размещения речевых ситуаций в соответствии с намерением автора добиться максимальной заинтересованности слушателя в рассмотрении представленной в речи темы и решении проблемы. Иначе говоря, сюжетная перспектива, нацеленная на создание наиболее привлекательного для слушателей построения ораторской речи, является своего рода «зигзагом», который уводит от смыслового тождества, но в конечном итоге возвращает к нему. Поэтому ее можно считать инструментом в постепенном формировании категории тождества в тексте ораторской речи.

Как уже было сказано, название речи является одним из определяющих моментов в организации действия в ней категории тождества. Рассмотрим это положение более подробно далее.

2.3. О связи категории тождества с названием ораторской речи

Создание письменной формы текста ораторской речи начинается с необходимости дать этому тексту название, которое должно быть законченным словесной выражением определенной идеи, ради которой и создаётся речь. Название ораторской речи, в зависимости от использованных в нем языковых единиц, как правило, является именным названием, как например “*The Fourth Republic*” в речи Шарля де Голя или глагольным “*No going back*” в речи Гарольда Макмиллана, хотя не исключены и смешанные названия как, например, в речи Маргарет Тэтчер “*The lady's not for turning*”.

Указанные виды названий в ораторской речи имеют структурное расширение. Наибольшей частотностью отличается структурное расширение именного центра внутри себя, которое приобретает характер глубинного плана (ср. “*Address*” или “*Inaugural Address*”, где во втором названии происходит смысловое раскрытие именного центра за счет сочетающегося в нем лимитатора).

В названиях ораторской речи чаще всего используются существительные “*The Issue*” Юджина В. Дебса или “*The Crisis*” Керри Чепмен Кетт, иногда соединенные предлогами или союзами “*Television and the Public Interest*” Ньютона Н. Миноу или “*Faith, Truth and Tolerance in America*” Эдварда М. Кеннеди. Глаголы, используемые в названиях, обычно употребляются в форме повелительного наклонения как в речи “*Let us continue*” Линдона Бейнса Джонсона или “*Stand Up for America Rally*”» Бетт Чепман. В названиях ораторской речи также нередко используются словосочетания именного и глагольного плана “*Remarks on the 40th Anniversary of D-Day*” Рональда Рейгана или “*First Inaugural Address*” Вудроу Вилсона; предложения “*We shall fight on the beaches*” Уинстона Черчиля. В зависимости от составляющих его единиц (компонентов) название в ораторской речи может быть: 1) однокомпонентным с расширением, при использовании единиц только одного грамматического статуса, как правило, существительных (“*The cult of the individual*” Никиты Хрущева); 2) двухкомпонентным (при использовании союзов и предлогов “*Freedom or death*” Эммелин Панхерст), двухкомпонентным с расширением “*Growth and Poverty Reduction*” Ненси Бердсэл; 3) многокомпонентным (при использовании единиц разного грамматического статуса “*Words that altered the consciousness of a nation*” Франклина Делано Рузвельта; многокомпонентным с расширением “*An ideal for which I am prepared to die*” Нельсона Манделлы.

Название для ораторской речи – это её начальный структурный элемент, предполагающий наличие в закодированном виде той информации и той идеи, которые будут представлены в речи: например, речь Эдмунда Берка в высшем суде в феврале 1788 года в Вестминстере “*At the Trial of Warren Hastings*” или речь Генри Клея 8 января 1813 года: “*Speech on the New Army Bill*” и т.д. Название представляет собой кодовую единицу ораторского текста и содержит в себе стержневую содержательную идею всей ораторской речи, дешифровка которой идет в ходе произнесения речи, при последовательном развертывании

её содержания. Это обстоятельство позволяет заключить, что название должно представлять собой свернутую дефиницию всего содержательно-идеологического замысла автора, который, будучи связанным и в значительной степени опираясь на психологическую составляющую создания и восприятия текста, является ядром авторского ракурса. Хотя нам представляется, что этот замысел не ассоциируется с тем, как расположено в структуре текста содержание, исходя из чего, он лишь опосредствованно связан с сюжетной перспективой. Данная связь имеет своим основанием психологическую составляющую, пронизывающую строй и восприятие ораторского текста.

Отметим ещё раз, что название – это опять-таки не весь текст, а лишь его кодовая идея. Это очень важный структурный элемент текста, но это не весь текст, а только лишь его элемент, нуждающийся в дешифровке, для осуществления которой необходимо, во-первых, ввести в понимание текста психологический аспект. Значит, само название не обладает изначальной связью с психологическим фактором в обоих его выражениях: смысловом и дистрибутивном. Вследствие этого можно заявить, что название объединено с сюжетной перспективой ораторского текста не прямо, а вторичной связью.

Если рассмотреть название с точки зрения его кодового смысла, наличия в нём кодового содержания, станет возможным отметить:

1. Для названия речи обязательны социальная и мировоззренческая стороны, так как в нём сконцентрирована в наиболее акцентированном виде общая идея ораторской речи.

2. Нельзя ставить знак равенства между названием и словом, так как слово, как правило, а потенциально – всегда, имеет одно или несколько лексико-семантических вариантов и может быть по-разному понято до ознакомления с текстом ораторской речи, его содержанием, идеями, проблемами, становящимися ясными только после ознакомления с полным текстом речи.

3. Название нельзя приравнять и к эллипсису, даже если он представлен в форме слова: “*The Issue*”, так как эллипсис обладает свойством параллельности речевой ситуации, а также может следовать за нею, в то время как название занимает позицию перед речевой ситуацией.

4. Не равно название и такой единице, как словосочетание, раскрывающее лишь одну из сторон входящих в него лексем. Например: “*The Federal Constitution*” или “*The British Treaty*”, название же концентрирует в себе всю смысловую суть текста, все компоненты его содержания.

5. Предложение также нельзя уравнивать с названием. Раскрывая сущность объекта, оно даёт ему однозначную характеристику типа: “*Our attitude towards Great Britain*” в речи Джона Рэндольфа в 1806 году, а в названии этот же объект предстаёт в закодированной форме, концентрирующей все его многомерные связи и отношения, которые далее обнаруживаются в тексте.

Непосредственное отношение к структуре любого, а в особенности ораторского текста, имеет вопрос о рекламной и эмоциональной сущности названия. Как единица текста, имеющая кодовый характер, название, являясь структурным элементом текста публичной речи, имеет отношение не к грамматике языка, а к грамматике речи. Именно поэтому оно не может быть равным ни одной из структурных форм, посредством которых потенциально выражается. Как отмечено выше, в названии ораторской речи могут использоваться следующие структурные формы языка:

1. Отдельные слова: “*Address*”, “*Conciliation*”, “*Reconstruction*”.

2. Словосочетания типа: “*Organising Resistance*”, “*1984 Democratic National Convention Address*”.

3. Предложения различных синтаксических моделей, среди которых главенствующую позицию занимают не вопросительные или восклицательные, а повествовательные и невосклицательные: “*Truth Shall Make You Free*”.

Слово – это свернутая дефиниция понятия, раскрыть которое возможно только в предложении, поэтому название не может быть равно этой единице. Если название употребить вне предложения, то оно, на первый взгляд, является эллипсисом, то есть неполным предложением с нулевыми компонентами, в котором опущены члены предложения, называемые нулевыми. Но эллипсис потому и допускает опущение, что нулевые члены предложения оказываются понятными в контексте параллельно наблюдаемой ситуации, вначале предшествующей эллипсису, а позже сопутствующей ему, пока смысл не будет полностью раскрыт. В названии речи слово, которое приобретает форму эллипсиса, на самом деле эллипсисом не является. Признаки названия совершенно иные:

во-первых, в названии, структурно представляющем собой слово, выступающее как эллипсис, нулевые члены предложения отсутствуют, так как отсутствует контекст, из которого они могут быть (и должны быть) ясны;

во-вторых, в слове-названии, являющемся, естественно, многозначным, не представляется возможным выявить доминантную сему;

в-третьих, следующий за названием контекст (собственно речь или её начальная часть) не является ему параллельным, более того – он даже не имеет с ним точек соприкосновения. Это положение особенно явно в орфографически-пунктуационной традиции, условной, но логичной и зафиксированной сводом правил правописания, – помещать название текста отдельно, на особую строку и отделять его от текста, следующего далее, с помощью трех способов:

- а) после названия нет точки;
- б) текст речи после названия начинается с красной строки;
- в) текст начинается с заглавной буквы.

Эти моменты, при всей их привычности для носителя языка, обладающего хотя бы минимальной пунктуационной грамотностью, весьма значимы. Запрет на постановку после названия точки указывает на смысловую связь названия с текстом, который нацелен на его раскрытие. Красная строка в

начале текста свидетельствует о последовательной, а не параллельной связи названия и текста. Употребление заглавной буквы в начале текста при отсутствии точки в предыдущем сегменте текста подтверждает самостоятельность названия и указывает на его особый статус.

Последовательная связь предполагает отсутствие внутреннего разделения, которое свойственно эллипсису как слову при его параллельном использовании внутри речевой ситуации. Поскольку только целый текст раскрывает название, то его декодировка осуществляется лишь при условии полного знакомства читателя с содержанием текста. В этом случае можно отметить наличие центростремительной связи текста с названием. Если текст не воспринят слушателем полностью, полной дешифровки может и не быть. Этот принцип центростремительного возврата к названию при его смысловой дешифровке распространяется на все названия. Иными словами, имеет место вначале центробежная связь – от названия к речевым ситуациям, а затем – обратная центростремительная связь: от речевых ситуаций к названию.

Текст, создаваемый для ораторского выступления, представляет собой синтезированное единство двух частей, из которых он состоит: 1) кодирующая часть (она показана в названии) и 2) декодирующая (она заключена в текстологической ситуации, то есть самой фактуре текста).

Текстологическая ситуация, как отмечалось, во-первых, охватывает текст полностью, то есть автором зашифровано в названии всё содержание, во-вторых, представляет собой единое дешифрующее целое.

Мы полагаем, что свойства кодировки и декодировки имеет не только название, представляющее собой эллипсис, с одной стороны, и текстологическая речевая ситуация, с другой стороны, но и название, представленное во всех структурных моделях: в словосочетании, в полном предложении, которые так же декодируются с помощью речевых ситуаций текстологического плана. Словосочетание лимитирует значение, раскрывая одну из сторон объекта, выделяя как наиболее значимый один из признаков явления. Поэтому все речевые ситуации, объединенные в максимально

объемном текстологическом плане, дают ту сумму частичных лимитированных представлений, которые в итоге формируют текстологическую ситуацию наиболее широкой и объемной, равной идее автора, заложенной им в речь.

Но обратимся теперь к автору (оратору). Если внутри многомерной текстологической ситуации оратор может свободно варьировать элементы текста с перемещением сюжетных линий и этим привлекать, заинтриговывать и вести за собой внимание слушателя, то название обычно обладает краткой формой, например, название речи принцессы Дианы “*Responding To Landmines*”. Однако фактор заинтересованности, согласно которому заголовок должен привлечь к себе слушателя, остается. Автор не может пройти мимо этого момента. Поэтому не случайно в названии проявляется рекламность, неявная, ненавязчивая, но отрицать её наличия нельзя.

Ср., например, “*Gay Rights March On Washington*” Урваши Вейд или “*A Whisper of AIDS*” Мэри Фишер и т. д. А если в названии присутствует рекламность, то, естественно, должна быть и эмоциональность, которая обязательна в рекламе, построенной на регулярном использовании эмоциональности с целью моментального влияния на психику воспринимающей личности.

Иначе говоря, для названия, функционирующего как кодовая единица, психологический момент не является обязательным, однако в названии присутствует социальная и мировоззренческая позиции автора, так как оно направляет слушателя на определенное восприятие, на ожидание некоторых сюжетных моментов.

В качестве примеров можно рассмотреть названия “*On Colonial Possession*” или “*The Slavery Question*” как характеристики человека с социальной точки зрения или выделение главного момента, или “*In Defence of his Colleagues*” как указание определенного поведения в обществе, которому должен следовать человек.

Таким образом, имеющее кодирующую сущность название связано с авторским ракурсом, так как ему оказывается присущ социальный фактор, лежащий в основе авторского ракурса и формирующий его.

Рассмотренный нами фактический языковой материал не даёт нам выявить непосредственную связь названия ораторской речи с сюжетной перспективой. Последняя является дистрибутивной организующей структурой и, как и авторский ракурс, основана на двух моментах, включает их в себя: момент создания текста и момент «интриги», то есть психологической заинтересованности, когда автор (оратор) стремится заинтересовать слушателя, привлечь его внимание содержанием речи. Так как название не связано непосредственно ни с одним из данных моментов, то можно заявить об отсутствии его непосредственной связи с сюжетной перспективой текста.

При этом наш анализ фактического материала показал, что можно назвать лингвистическое явление, с которым название как важнейшая часть текста непосредственно связано. Это функциональная смысловая зависимость, связь названия с которой имеет, по нашему мнению, свои отличительные черты. Во-первых, является квинтэссенцией, основным стержнем, базисной составляющей всего авторского ракурса; во-вторых, концентрирует в себе самую функциональную смысловую зависимость, как бы входящую в текст с самого начала и именно посредством названия; в-третьих, проходит через весь текст, формируя его как единый содержательно-психологический узел, где психологическая составляющая наслаивается в ходе развития действия на функциональную смысловую зависимость и позволяет ей связать текст в единое неразрывное целое. Позицию названия речи в системе порождения и восприятия текста мы представили в виде схемы на рисунке 13.

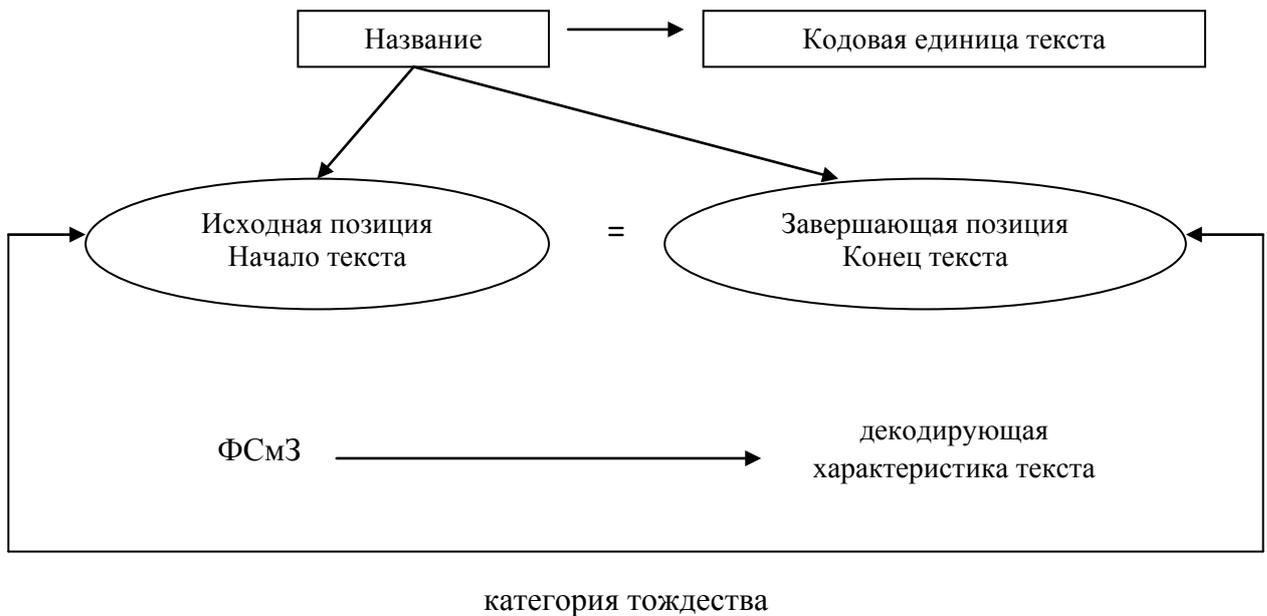

Рисунок 13 – Связь названия и функциональной смысловой зависимости

Действительно, если мы берем такое название, как “*Inaugural Address*”, то начало ораторской речи, связанное с формальным, торжественным статусом, остается таким же в конце текста.

Например, в инаугурационной речи Джеймса Абрама Гарфилда, двадцатого президента Соединенных Штатов Америки, произнесенной 4 марта 1881 года, в зачине речи:

«*FELLOW CITIZENS, – We stand today upon an eminence which overlooks a hundred years of nation life – a century crowded with perils, but crowned with the triumphs of liberty and love*»

и в завершении речи:

«*And, now, my fellow citizens, I am about to assume the great trust which you have committed to my hands. I appeal to you for that earnest and thoughtful support which makes this government – in fact as it is in law – a government of the people*»

При этом в медиальной части (ядре) самой речи затрагиваются различные темы, на первый взгляд не связанные с темой выступления.

Например, упоминается о принятии первой письменной конституции США: «*It is now three days more than one hundred years since the adoption of the first written constitution of the United States, the articles of confederation and*

perpetual union. The new Republic was then beset with danger on every hand» или об освобождении от рабства: «The elevation of the negro race from slavery to the full rights of citizenship is the most important political change we have known since the adoption of the constitution of 1787».

Кроме того, оратор говорит о развитии промышленности, сельского хозяйства, транспортной системы: *«The interests of agriculture deserve more attention from the government than they have yet received. ...Our manufactures are rapidly making us industrially independent, and are opening to capital and labor new and profitable fields of employment. ...Our facilities of transportation should be promoted by the continued improvement of our harbors and great interior waterways, and by the increase of our tonnage on the ocean»*

Однако в завершении оратор сводит свою речь к формальным фразам, закономерным для инаугурационной речи президента: *«I shall greatly rely upon the wisdom and patriotism of Congress, and of those who may share with me the responsibilities and duties of the administration; and, above all, upon our efforts to promote the welfare of this great people and their government. I reverently invoke the support and blessing of Almighty God»* [Orations from Homer to William McKinley, vol. XXII, 1968, с. 9437–9447].

Ещё один вопрос, рассмотреть который необходимо при анализе названия речи: существует ли связь между ФСмЗ и сюжетной перспективой? Наличие у функциональной смысловой зависимости такой связи с авторским ракурсом и с названием текста как одним из его проявлений несомненно, так как название подаёт ФСмЗ, а затем раскрывает его в конкретных речевых ситуациях. Исходя из того, что авторский ракурс – это основная идея ораторской речи, основанная на закодированной социально-мировоззренческой основе, то функционально-смысловая зависимость – это содержание речи в ее деталях, существующее в плане декодирования названия и всех кодовых структур, присущих авторскому ракурсу. А сюжетная перспектива – это то местоположение в тексте речевых ситуаций, которое без непосредственной связи с названием или функциональной смысловой

зависимостью, направляет с точки зрения психологического воздействия слушателя на восприятие развертывания содержания речи.

Образ речи зреет сначала как содержательная и социальная идея в понимании автора, который затем кодирует его через инвариант, ядро, центральные звенья и смысловой узел, мысленно выстраивает и текстово формирует текст речи с установкой на психологическое воздействие двух типов – дистрибутивное и содержательно-мировоззренческое. После этого следует создание речевых ситуаций, происходящее на основе функциональной смысловой зависимости, и в данных речевых ситуациях преломляется и раскрывается идея автора в максимальном соответствии с категории тождества.

В этих условиях психологическое понимание сути речи ограничивается только границами сюжетной перспективы, так как функционально-смысловая зависимость не участвует непосредственно в распределении текстовых ситуаций в речи, хотя опосредствованно с их созданием связана.

Итак, в границах категории тождества наблюдается определённое соотношение авторского ракурса, сюжетной перспективы, названия ораторской речи и функциональной смысловой зависимости при организации текста для ораторского выступления. Связь названия наиболее проявляется в его отношениях с авторским ракурсом, а не с сюжетной перспективой, так как в нём закодирована узловая идея текста речи и оно не имеет зависимости от распределения смысловых акцентов (инвариантов, ядер, центральных звеньев) внутри смыслового узла речи. Начало ораторского текста и его завершение всегда находятся на одной линии и в непосредственной связи с авторским ракурсом. Наиболее подвержена позиционным перемещениям смысла середина (медиальная часть) текста, которая из-за этого более всего связана с сюжетной перспективой.

Для дальнейшего исследования необходимо провести анализ языковых и речевых структур, к посредству которых прибегает автор при создании текста ораторского выступления.

2.4. Функционирование языковых и речевых структур в ораторской речи

В данном исследовании мы поддерживаем утверждение профессора И.Г. Кошевой о разделении грамматики на две составляющие: грамматику языка (грамматику системы) и грамматику речи (коммуникативную грамматику). Каждая из них обладает собственными целевыми установками.

1. Грамматика языка оперирует моделями предложения; грамматика речи определяет конкретное языковое содержание этих моделей, которое каждый раз устанавливается языковой личностью и зависит от конкретной речевой ситуации.

2. Грамматика языка стабильна в своих моделях: она предполагает наличие определённого набора моделей предложения; грамматика речи напротив, изменчива: она допускает изменение моделей предложения, к примеру, их упрощение, связанное с опущением некоторых структурных элементов.

Коммуникативная грамматика в определённой мере смыкается с грамматикой текста или с более широким по предмету исследования разделом языкознания – лингвистикой текста. В последней в настоящий момент выделяется три направления: собственно лингвистика, нарратология и семиотика. Лингвистика оперирует понятиями структурной и семантической характеристик текста. Нарратология в ходе анализа текстов разных жанров через «препозиции» (т. е. смысловые единицы текста) стремится к установлению типов логической связи между элементами текста. Семиотика через символику, присутствующую в каждом тексте, ставит своей целью определить «глубинные означаемые текста», чтобы посредством этого попытаться понять творческую лабораторию автора, прогнозировать его замысел и способы реализации этого замысла на основе психосоциального анализа.

Такая дифференциация относительно анализа ораторского текста представляется нам малоэффективной, так как текст создан конкретным автором, выбравшим для передачи содержания определённые языковые

средства, то есть в тексте ораторской речи запечатлена некая идея, созревшая в мыслях и чувствах языковой личности. В связи с этим текст является зависимым от авторской позиции, которая основана на объективно действующей в языке категории тождества, служащей переводу языковых структур в речь. По определению профессора Л.К. Свиридовой, категория тождества, опирающаяся на присущее речи свойство элективности, создает речевые структуры либо как подвижный пласт речи (ее разговорная форма), либо как неподвижный фиксированный пласт (ее письменная форма, создающая текстообразующие структуры).

Поэтому при анализе текста, предназначенного для ораторского выступления, невозможно ограничиться психосоциологическим или логикопсихосоциологическим анализом. Анализ должен опираться на конкретный языковой материал, начинаться и завершаться им. При этом интерпретация языкового материала должна вестись комплексно, с рассмотрением и логического, и психологического, и социологического факторов. Такой анализ позволяет определить и структурные единицы речи, и семантический характер текста, выделяя в нем варианты и инварианты, ядро и фон, центральные звенья и периферию, смысловой узел и контекст. Более того, он служит интерпретации содержательного, композиционного и семиотического планов текста, раскрывая его внутренне синтезированную сущность, вытекающую из многомерности языкового знака.

Категория тождества представляет собой объективное лингвопсихологическое явление и этим отличается от явления элективности как субъективного лингвопсихологического явления. Элективность, основываясь на языковых формах, не равна ни одной из них. Она лишь специфически взаимодействует с ними, влияя на выбор формы из возможных. Элективность выступает как явление, присущее речи вообще и поэтому определяющее употребление каждого из знаков системы языка в ораторской речи. Процесс функционирования речи является вторичным явлением по отношению и к элективности, и к тождеству, в связи с чем обуславливает

наличие собственного инвентаря речевых средств: форм и категорий. Грамматика речи, представляя собой средство передачи полностью законченной мысли, может функционировать в двух формах: устной и письменной, каждая из которых обладает специфическими чертами, но при этом обе основываются на передаче полностью законченной мысли. В качестве минимальной структуры, с помощью которой выражается мысль, выступает речевой комплекс, который может быть по-разному представлен: в устной речи – через высказывание, в письменной – через фразу, или предложение).

Восприятие мира и его осмысление находятся в естественном единстве, которое закономерно вызывает и обуславливает нерасторжимое единство языка и речи. Взаимосвязь данных явлений имеет не только системный, но и, что более важно, – саморегулирующий характер.

Разделение языкового материала на язык как систему, речь как норму и реализацию данной системы, и значение как смысловую направленность содержания даёт возможность отступить от традиционного разделения грамматики на морфологию и синтаксис, выделив вместо нее предложенную И.Г. Кошевой классификацию на «смысл – систему – речь». Рассмотрим данные три элемента.

Под смыслом подразумевается кодово-языковой уровень обобщения, который выступает как наиболее глубинный и выражается посредством позиции (формализованной структуры).

Под системой понимается системно-языковой уровень обобщения, выступающий как инвентарный и характеризующийся посредством предложения (наиболее емкой формализованной структуры).

Под речью понимается коммуникативный (или индивидуально-стилизированный уровень) характеризующийся такой формализованной структурой как речевой комплекс.

Под речевой ситуацией мы понимаем коммуникативно направленную говорящим сферу, в которой разворачивается описываемое им действие.

Иными словами, речевая ситуация – это реально существующий или искусственно созданный автором и обобщенный им фрагмент действительности, ее слепок, часто именуемый объектом мысли. В тексте границы речевой ситуации закрываются полной исчерпанностью действия в его пространственных и временных рамках.

Таким образом, становится бесспорным такое качество объекта мысли и ораторской речи, как многоплановость (многоаспектность), способная раскрыть данный объект и линейно-плоскостном, и в глубинно-объемном аспектах. Индивидуальность восприятия каждой речевой ситуации даёт автору текста возможность сугубо личной, собственной интерпретации описываемого в ораторской речи объекта мысли.

Речевая ситуация выступает в качестве той внешелингвистической величины, которая порождает принцип речевой экономии и лежит в основе эллипсисов, способных быть равными целому предложению и даже сложному предложению или составному речевому комплексу.

В своем исследовании мы придерживаемся положения И.Г. Кошевой, согласно которому основной структурной единицей грамматики речи выступает речевой комплекс [Кошечая, 2012, с. 35]. Логически он строится на темо-рематических отношениях, объединенных определенной микротемой, которая дает законченное представление в формах языка речевой ситуации. Речевой комплекс, как уже отмечалось, имеет два типа своего выражения: письменную и устную формы и предполагает наличие определенной речевой ситуации.

Основными отличительными чертами устной речи, как известно, являются:

- определенная небрежность, допустимая в рамках разговорной разновидности литературного языка;
- экспрессивность;
- наличие большей или меньшей степени проникновения в речь эллиптических структур.

Письменная форма реализации речевого комплекса базируется на фразе и обычно представляет в структуре текста предложение. Но так как её основой является также обязательное отражение речевой ситуации, фраза приобретает определенные смещения, не позволяющие идентифицировать её с предложением. Необходимо отметить, что в речи используются главным образом отношения:

- причины и следствия, передаваемые посредством обособленных обстоятельств и сложноподчиненных предложений;
- формы и содержания: выражаемая автором мысль получает имплицитное выражение в определенной грамматической структуре, через подлежащее, сказуемое, второстепенные члены предложения;
- необходимости случайности (где она передается через модели императивного и восклицательного предложения, оформляющие ту пресуппозицию, которая предшествовала появлению речевых комплексов);
- возможности и действительности (где она выражается через противопоставление изъявительных и сослагательных предложений).

Но, если соотношение формы и содержания нарушено, то предложение в речи может выступать в форме эллипсиса (например, «*Doing well, I suppose?*»), в этих случаях пресуппозиция характеризует не столько процесс мышления, сколько речевую ситуацию, определённым образом увиденную говорящим.

Благодаря этому фразы часто имеют парцеллированную оформленность, то есть включают базисную часть и парцеллят, причём базисная часть обычно совпадает с предложением. Назначение же парцеллята сводится к тому, чтобы на основе действия принципа языковой экономии отметить именно тот компонент базисной части, который является инвариантным. Инвариант должен быть однозначно понят коммуникантами, он подлежит логической интенсификации и стилистически выделяется особой грамматической моделью. Возникает необходимость обратиться к определённому слову базисной части. Такое выделение смысла в устной ораторской речи сопровождается вариативностью интонации и помещением логического

ударения на наиболее важное в смысловом отношении слово. В письменной речи все дальнейшее повествование разворачивается именно вокруг парцеллята. Поэтому интонационное выделение слова приводит к тому, что в речевом комплексе образуется определенная законченность смысла – своего рода смысловая ось. Она является микротематической, позволяющей установить формальные границы речевого комплекса. Такая микросемантическая ось притягивает к выделенному интонационно слову одну или несколько фраз, делает выделенное слово и интонационным, и содержательным центром. И таким образом формируется либо простой речевой комплекс, равный одной фразе, либо сложный, представляющий собой комбинацию несколько фраз с возможным многоступенчатым расширением каждого типа и его переходом в сферхфазовое единство. В этом смысле речевой комплекс – это базовый в структурном и содержательном отношении микроэлемент текста.

Итак, в смысловом отношении в основе речевого комплекса лежит инвариант. Это семантически ведущий базовый компонент функциональной смысловой зависимости. Он включает наиболее важное содержание и выполняет при этом роль объединяющего центра, для понимания сути которого требуется речевая ситуация как некоторое количество дополнительного текстологического описания. Кроме того, одним из наиболее эффективных средств его раскрытия выступает парцелляция, в основе которой определённая прерывистость логических связей, и говорящий должен представить сообщение, являющееся исходным смысловым плацдармом его мысли, а затем переходить к непосредственному замыканию связей. Функция парцеллята имеет ретроспективную нагрузку. Соединение его с требуемым по смыслу словом базисной части как бы идентифицирует инвариант в сознании коммуникантов и уже на глубинном уровне создает тот смысловой центр, через который должна пройти смысловая ось микротемы. Без парцеллята такой инвариантный смысловой центр трудно выделить: идентификация может быть затруднительной, так как утрачивается та логическая связь, ради

которой собственно и создается речевой комплекс. Следовательно, парцелляция – структурное разъединение, но смысловое слияние двух фраз, служащее для наибольшей четкой идентификации инварианта. Это понимание, на наш взгляд, очень важно для проведения нашего исследования. Кроме того, нам необходимо рассмотреть характер преломления речевой ситуации в тексте публичного выступления.

2.5. Преломление речевой ситуации в ораторской речи

В основе языковой семантики, как известно, лежит обобщение, которое обнаруживается, в первую очередь, посредством слова. В связи с этим мы считаем необходимым описать те принципы, с опорой на которые совершается объединение слов в определенные относительно замкнутые ряды, или классы.

Так как для нашего исследования наиболее актуальной является та классификация лексических единиц, которая рассматривает слово не на уровне языка, а на уровне речи [Кошечкина, 1982; Нелюбин, 1990; Свиридова, 1998 и др.], то мы считаем необходимым рассмотреть её более подробно как раскрывающую характер использования лексем в речевой ситуации и, таким образом, наиболее подходящую для нашего исследования. По мнению учёных, занимающихся проблемой речи, для лингвистической науки сегодня интересна не столько сама классификация единиц словарного состава языка, сколько проблема рассмотрения данных единиц в контексте речи, где наблюдается их использование в различных типах речевых комплексов [Бенвенист, 1974; Венкович, 1996; Драгайцев, 2003; Жучкова, 1994; Кошечкина, 1999; Лосева, 1989 и др.].

Итак, анализируя языковую материю в системе ее функционирования в речи, мы исходим из элективности (или избирательности) как субъективно-речевого фактора, который, с одной стороны, обоснован существованием в языке некоторого количества лексических единиц (так называемого

вокабуляра), а с другой стороны, детерминирован столь же определенной системой структурных моделей предложения и фонетических рисунков речи.

Весь этот языковой инструментарий является объективной частью системы каждого национального языка, но применяется коммуникантами в речи субъективно, как правило, в явной зависимости от отношения говорящего к объекту, его эмоционального состояния, а также от его культурного уровня, словарного запаса, языковой компетенции. Если исключить второй фактор, как зависящий от степени эрудиции индивида, то первый фактор оказывается универсально-стабильным. И именно из него вытекает элективность, позволяющая языковой личности проводить свой собственный выбор языковой единицы из имеющихся в языковой системе синонимичных структур.

Поэтому элективность – это сфера стилистического варьирования знаками языковой системы, составляющими единое семантическое поле.

В языке, конечно, представлены некоторые языковые знаки (к примеру, родовые, падежные, количественные и другие формы), которые в силу обязательности своего использования обосновывают нулевую, или нейтральную элективность, но они характерны чаще всего для сферы грамматических форм. В общем же элективность, что будет показано ниже, является составляющим элементом, речевым смысловыразителем категории тождества и выступает как первичная в связи с самим процессом речи. Элективность реальная и объективна, характер её действия неизменен: она присуща каждому говорящему, так как необходима для отражения того явления действительности, которое было определено и в процессе корреляции. Но элективность субъективна в силу её индивидуального применения каждым говорящим. Поэтому ей свойственен свой инвентарь речевых средств, передающих семантику. Эти средства подлежат систематизации и классификации, на которые и направлен наш последующий анализ.

Следовательно, в противоположность второму системно-языковому уровню, который мы считаем инвентарным, служащим для номинации, третий уровень обнаруживает ряд отличительных черт:

- Во-первых, это уровень стилизованного речетворчества.

- Во-вторых, на этом уровне имеется возможность речевого изображения объекта мысли и одним словом, и целой словесной группой разного объёма – от речевого комплекса до целого текста.

- В-третьих, речевой ситуации свойственна неоднородность в выражении того значения, которое намерен транслировать говорящий.

- В-четвертых, речевая ситуация, будучи неоднородной, допускает существование в ней инварианта, который раскрывается в многочисленных вариантах.

Как уже указывалось ранее, инвариант речевой ситуации может обладать устойчивостью в течение речевого произведения, обращая его в целостное структурно-семантическое единство и охватывая весь текст.

Таким образом, инвариант, реализуясь в бесчисленном наборе речевых ситуаций (бессчётном, так как точное количество ситуаций невозможно установить никакими закономерностями языка), зависит от того, какой выбор сделает автор речи (оратор), а именно – от способности оратора наилучшим образом выразить в тексте языковое значение, и от сформированности его представления о том, каким образом он может достичь своей цели.

В этой связи необходимо сказать немного подробнее о том, как мы понимаем речевую ситуацию и речевой комплекс в качестве единиц определённо речевого уровня и как трактуем их отличие от слова в качестве единицы системно-языкового уровня.

Речевая ситуация, описанная посредством различных единиц речевого уровня, независимо от ее расширяющегося или суженно-исходного характера, выступает как смысловая и структурная основа ораторской речи. Можно выделить: 1) микротематическую, то есть исходную речевую ситуацию, или ситуацию речевого комплекса; 2) тематическую речевую ситуацию; 3)

макротематическую речевую ситуацию; 4) завершающую или текстологическую речевую ситуацию, охватывающую все типы речевых ситуаций и демонстрирующую всестороннее многоплановое, а потому глубинное раскрытие инварианта.

Итак, речевая ситуация трех первых разновидностей – открытая, и лишь текстологическая речевая ситуация представляет собой ситуацию закрытого типа. Остающийся неизменным инвариант в речевой ситуации каждого типа является своего рода содержательным стержнем, вокруг которого постепенно формируется и расширяется вариативная часть как его многомерная периферия. Исходя из этого, вполне естественно то, что у речевой периферии в ораторском тексте появляется свой логически расширяющийся характер.

Иначе говоря, инвариант реализуется оратором посредством определенного количества речевых ситуаций именно затем, чтобы реализовалась категория тождества, и вся речь получила своё завершение, то есть стала понятна слушателю.

Выводы по главе 2

На основе проведённого в данной главе исследования можно сделать следующее заключение.

1. Речевая ситуация представляет разворачивающиеся в её ходе события поэтапно. Слово, будучи дефиницией объекта или понятия, по своей природе, как правило, полисеманлично, то есть отражает в своей смысловой структуре этапы раскрытия того понятия, явления или объекта, дефиницией которого служит. Многозначность слова фиксируется словарями, при этом лексико-семантические варианты слова подлежат исчислению.

2. Речевая ситуация, в противоположность слову, не многозначна, а многомерна. Она не может быть представлена в своих перечисленных значениях, но может быть описана.

3. Описание речевой ситуации предполагает существование некой структурной рамки, то есть речевой ситуации начинательного типа (вводящего инвариант); или микротематического и макротематического, или завершающего, равного целому тексту.

4. Каждый из этих типов характеризуется обязательным представлением целого набора речевых значений, выражение которых в конкретной форме, в речи осуществляется оратором (автором) на основе элективности, то есть значение выбирается им из сферы речевого инвентаря, благодаря присутствию в языке синонимичных структур на разных языковых уровнях.

5. На уровне речи наблюдается плеоназм как дублирование некоего элемента семантики в границах отрезка речи или текста, законченного по семантике и полного по структуре. В ораторском тексте временами может присутствовать избыточность содержания, заключающаяся в том, что на третьем речевом уровне декодирование закодированного на первом логико-мыслительном уровне происходит многократно.

6. В ходе такого декодирующего воспроизведения исходно закодированного смысла автор прибегает, главным образом, к конвенциональному плеоназму, то есть тот повтору, который не требует от оратора перестройки стандартов языковой системы, используя их как готовые и закрепившиеся нормы языка. Наряду с конвенциональным плеоназмом, в речи создается и плеоназм неконвенциональный, то есть такой, который появляется в тексте оратора впервые и ведет (если он имеет затем повторяющийся характер) к трансформации языковых норм.

7. Авторский ракурс, являясь содержательным каркасом публичного выступления, используется автором до его реальной воплощенности в конкретном тексте и независимо от интерпретации в имеющихся речевых ситуациях.

8. Вследствие этого в авторском ракурсе получает линейную репрезентацию смысл всего публичного выступления и предполагает наличие у рассматриваемого в тексте речи объекта реальных границ, действительного начала и действительного конца.

9. Авторский ракурс, являясь смысловой основой текста речи, направляющей мысль оратора в течение всей речи, позволяет автору выступления, хорошо представляющему себе каркас речи, следовать её основной перспективно развивающейся линии, не отвлекаясь на несущественные детали.

10. Сюжетная перспектива выступает как явление иного плана, хотя при этом тесно связана с авторским ракурсом – производна и зависит от него. Благодаря действию сюжетной перспективы, автор формирует архитектуру ораторского выступления и производит свою собственную разбивку текста на структурные элементы, размещая части речи, связанные с последовательным раскрытием содержания, в речевые ситуации различных типов – микротематические, тематические, макротематические и даже текстологические.

11. Декодирование авторского ракурса в ходе речи через действие функциональной смысловой зависимости и ее расширение в речевых ситуациях позволяют воплотить в ораторской речи всю многомерность и полиаспектность замысла оратора в рамках категории тождества.

12. Название ораторской речи представляет собой кодовую единицу текста, которая является одновременно и начальной, и завершающей ступенью реализации категории тождества.

13. На начальной ступени происходит кодирование названия, связанное с авторским ракурсом; на завершающей ступени – его декодирование, представленное действием функциональной смысловой зависимости и распознаванием смысла текста слушателем в течение всей речи.

14. Название имеет как центростремительную, так и центробежную связь с текстом ораторской речи, так как в процессе ознакомления с речью и

последующего продумывания её содержания слушатель соотносит содержание речи с её названием.

15. Название наделено качеством рекламности, поскольку оно в определенной степени эмоционально, а эмоциональность является фактором психологического воздействия на слушателя.

16. Так как идея, выражаемая оратором в речи, наиболее внятно и однозначно выражается им посредством авторского ракурса, то можно заключить: авторский ракурс, авторская идея закодированы автором в названии.

17. Дешифровка названия происходит через восприятие и обдумывание всех речевых ситуаций, образующих в ходе смыслового развертывания ту общую текстологическую ситуацию, которая, собственно, и равна содержанию всего произведения.

18. Название речи является важнейшим элементом категории тождества, так как его основа – закодированная автором ораторской речи её идея, и название как раз реализует содержательную однозначность идеи.

19. На следующих этапах происходит дешифровка названия через функциональную смысловую зависимость, но в психологическом аспекте дешифровка связана с сюжетной перспективой, в ходе которой автор может по-разному располагать речевые ситуации.

20. Обладающее кодовой природой название основной своей функцией имеет выразить идею автора. Оно опосредствованно соотносится с сюжетной перспективой, хотя и не связано с нею непосредственно.

21. Название – тот мостик, через который автор речи (оратор) выходит на ФСмЗ, начинающую действовать в границах текста и раскрывающую идею автора текста. Именно поэтому название выступает как ступень категории тождества – начальная и завершающая. Собственно, то исходное смысловое содержание, которое в зашифрованном виде представлено автором в названии, оказывается сконцентрированным в нём.

22. По мере того, как в тексте речи раскрывается фабульная сторона, выраженное в названии содержание посредством высказываний проблематичного и асертативного характера в конце текста получает свое завершение.

23. Название декодируется через функциональную смысловую зависимость и должно обладать тождественностью в своей исходной и конечной позициях.

Глава 3. Особенности раскрытия категории тождества как единого целого в рамках ораторской речи

3.1. Роль категории тождества в процессе построения ораторской речи

Обратимся к анализу объекта мысли, представленного в ораторской речи, в его восприятии отправителем и получателем информации как коммуникантами. В ходе коммуникации, в том числе в ходе ораторского выступления, коммуниканты постоянно меняются местами: адресант информации (субъект речи) становится ее адресатом и, наоборот, адресат (объект речи) – адресантом. Категория тождества играет определённую роль в формировании этого процесса. В нашем исследовании мы придерживаемся концепции профессора Л.К. Свиридовой о сущности категории тождества, лежащего в основе каждого акта речи в тексте оратора [Свиридова, 2004]. Категория тождества призвана представить идентификацию объекта мысли то ли для самого говорящего, который приходит к ее окончательной смысловой оценке в рамках речи, то ли для коммуникантов, которые в результате восприятия речи, а также обязательного при этом диалога или полилога (явного или неявного) также стремятся получить однозначное представление об объекте выступления. Поэтому категория тождества характеризуется, на наш взгляд, следующими признаками:

1. Её инвариантом является идентичность значения.

2. В её основе лежит накопление информации, предназначенной для осмысления и оценки определенного объекта мысли самого разного плана – от конкретного до абстрактного.

3. Категория тождества своими структурными компонентами имеет одинаковые в семантическом плане структуры языкового инвентаря, присущими и отправителю информации, активно владеющему ими, и получателю этой информации, способному их воспринять, хотя осознанно, возможно, ими не владеющему.

4. Пространством, в котором реализуется категория тождества, является речь, в область которой переходят активные структуры, отобранные отправителем информации из поля синонимичных единиц системы языка.

Итак, категория тождества обладает двумя сторонами, двумя планами: внутренней содержательной природой, выступающей как совокупность информации об объекте речи, и внешней знаковой стороной, связывающей сферы языка и речи через предпочтение говорящим тех или иных структур и перевод их из сферы языка в сферу речи с целью максимально точного выражения смысла.

Можно обобщить, что категория тождества, являясь по своей сути интралингвистической, обладает экстралингвистической заряженностью, так как направлена от объекта действительности к языковой личности, оценивающей этот объект и селекционирующей языковые структуры в соответствии с собственным субъективным выбором. При этом язык представляет собой антропоцентричное явление (так как обуславливается речевой деятельностью говорящего субъекта, его ментальностью, интеллектом, целевыми установками) и всегда связан с окружающим говорящего миром, выступая даже как его слепок. Поэтому категория тождества соответствует всем основным критериям, позволяющим отнести ее к категориям лингвистической природы. На ней можно признать три важнейшие функции:

- Перевод структур языковой системы в структуры уровня речи.
- Оценка инварианта с точки зрения информации.
- Способность идентифицировать инвариант при его оценке – на начальном и завершающем уровне.

Категория тождества являет собой предельно обширную и максимально глубокую лингвистическую категорию, пронизывающую все три уровня языковой абстракции и служащую для соединения объекта внешнего мира, описанию и представлению которого посвящена речь, с индивидом, воспринимающим данный объект, посредством перевода единиц языка в

единицы речи. Категория тождества призвана выражать и передавать слушателю умонастроение и речевые интенции оратора. Поэтому в неё объединяются все три уровня языковых абстракций:

1) корреляция, представляющая собой первый этап введения объекта в область мышления (на этой ступени происходит начальная оценка объекта и вырабатывается реакция на него, как правило, чувственно-экспрессивная);

2) коррективность, состоящая в процессе упорядочения языковых знаков, которые как бы становятся «приписанными» к определенным семантико-грамматическим полям либо в ядре, либо на периферийных слоях. Они «одеваются», по утверждению английского фонолога Г. Свита, в различные звуковые убрания [Sweet, 1931].

3) элективность, в ходе действия которой языковые структуры, выбранные языковой личностью из языковой системы, оказываются в контексте речевой коммуникации. Здесь они становятся составляющими речевых ситуаций и испытывают на себе влияние той транзитивной зависимости от коррелятивно выбранной линии связи с исходным объектом мысли, которая определяет всю речевую ситуацию либо как описательно-субстантивную (Tsbt), либо как оценочно-качественную (Tql), либо как процессно-динамичную (Tv), либо как пространственно-временную или количественную (Trel).

Действие категории тождества оказывается наиболее ярко выраженным в условиях речевой ситуации. Данная категория и соотносит мысль с объектом речи (которым, как уже отмечалось, может стать и понятие, и состояние, и действия личности, и т. д.), но и ведет коммуникантов к тем уже выбранным ими из системы единиц, понимание которых формирует образ объекта мысли. В отношении ораторского выступления источником такого образа объекта служит словесный синтез.

Итак, можно оттолкнуться от того бесспорного факта, что для передачи адресату речи своей мысли в монологе коммуникант отбирает определенное слово или семантическую комбинацию слов, с помощью которых им создается

требуемый образ. Это могут быть слова междометного типа, передающие мгновенную чувственно-экспрессивную реакцию на происходящее (типа *Ha!*, *Tchah!*, *Ack!*, *Ah!*, *Eek!*, *Ha-ha!*, *Hamana-hamana!*, *Ho-ho!*, *Ick!*, *Lah-de-dah!*, *Pff*, *Yikes*); могут быть слова, наиболее близко соотносящиеся с этим характеризуемым объектом (типа *bafo-bafo* – о походке живого подвижного человека маленького роста; *boho-boho* – о походке полного, тяжело ступающего человека; *wudo-wudo* – о небрежной походке).

Такое слово направляется либо к собеседнику как адресату информации, либо в условиях монолога к самому говорящему для его дальнейшего более углубленного обдумывания и осмысления. Причем, как правило, даже в условиях диалога такое слово обычно объясняется самим говорящим сразу после его произнесения. В связи с этим получается изображённая нами на схеме (рисунок 14) зависимость.

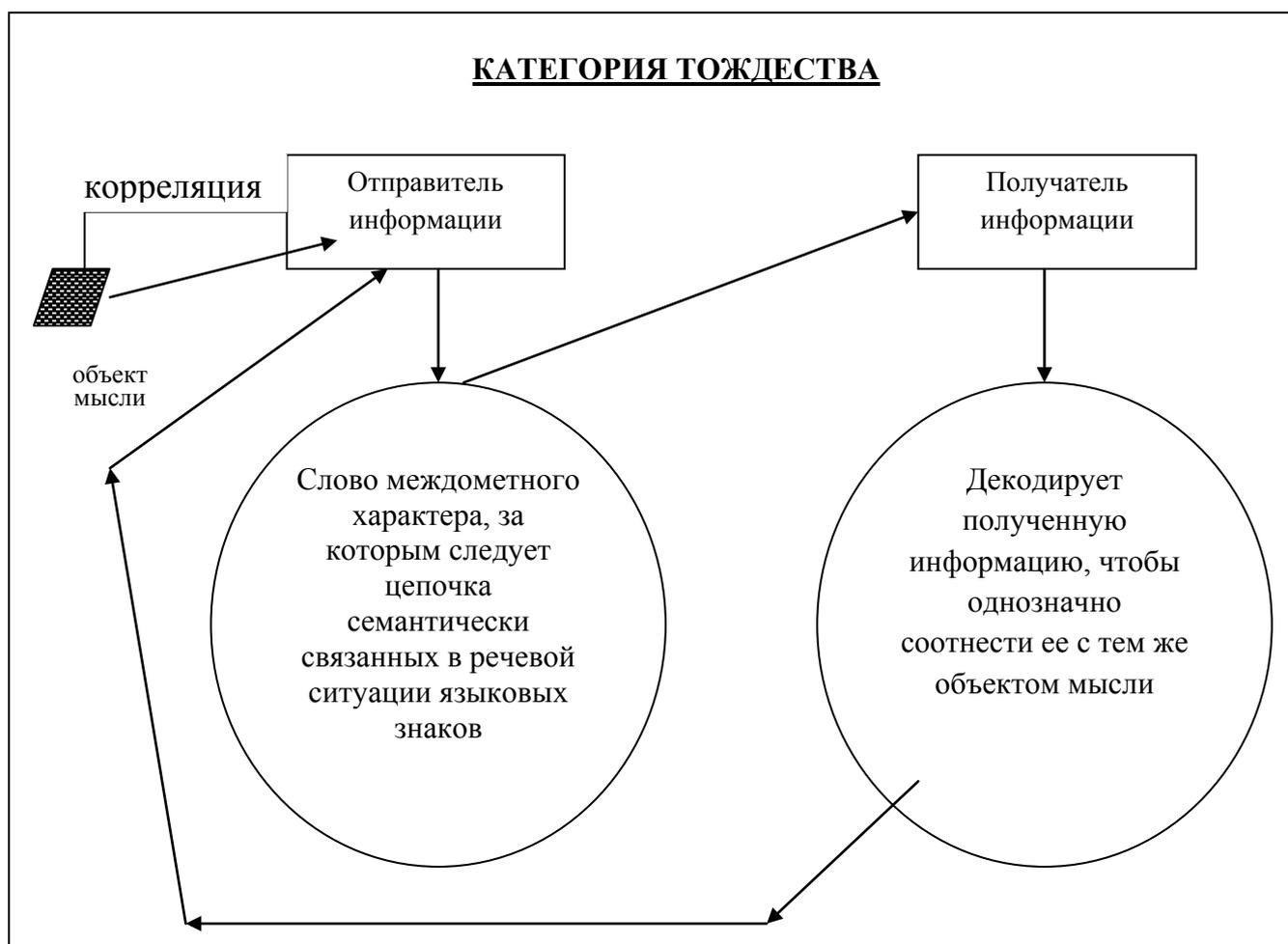

Рисунок 14 – Категория тождества

В данных условиях категория тождества, выступающая в речи на базе коррелятивной связи с объектом мысли, вводит в свою сферу ряд этапов возвращения к этому объекту, потому что получатель первоначальной информации после ее декодирования не просто возвращается к объекту мысли, а главное – сообщает свое осмысление (или видение) объекта исходному отправителю данной информации. Отправитель обретает новое видение объекта речи посредством новой последовательности связанных друг с другом по смыслу знаков, которые вновь подвергаются декодированию, призванному сформировать адекватное понимание объекта мысли, его всё более верной идентификации. В этот момент первая ступень коррелятивного сопоставления с объектом может быть завершена, однако сам процесс завершённым пока не является. Обычно первый этап воплощение коррелятивного значения имеет тенденцию к переходу и чаще всего переходит к последующему этапу, причём таких этапов может быть даже несколько даже в пределах одной речевой ситуации.

Это значит, что категория тождества обладает различным радиусом действия, определяемым тем, однократно или многократно возвращается автор сообщения (источник информации) к объекту своей мысли. Если возвращение многократное, то наблюдается следующее:

- расширение базы информации, известной об объекте мысли;
- попеременное изменение мест исходных отправителя и получателя информации, так как каждый из них, получая сообщение, вначале декодирует его, а затем кодирует в ответе встречную информацию, и так происходит необходимое количество раз.

Это же наблюдается и в пределах монолога, в ходе которого каждый отрывок сказанного должен быть соотнесен с последующей информацией.

Таким образом, категория тождества, отталкиваясь из значения корреляции, теснейше соприкасается со значением коррективности, а далее, осуществив отбор какой-то части языкового материала, как бы сливается со

значением элективности. При этом данное слияние многократно пресекается поступлением новых сведений.

Описанный нами процесс трёхступенчатого действия категории тождества осуществляется до тех пор, пока не произойдёт окончательное соединение третьего речевого уровня абстракции с первым. В данном случае категория тождества, наконец, исчерпает себя, и объект мысли получит полную идентификацию, полное и точное своё выражение средствами речи. Процесс действия категории тождества многоэтапен. Он может затронуть лишь какой-либо частный момент и полностью закончиться в рамках одной речевой ситуации, но может обладать и весьма значительной длительностью, быть представленным рамками целого текста, законченной ораторской речи. Данный аспект необходимо учитывать оратору, так как он требует от автора речи немалого мастерства в выражении содержания (объекта мысли) через авторский ракурс и в конструировании текста публичного выступления через сюжетную перспективу. Категорию тождества на разных уровнях мы представили на рисунке 15.

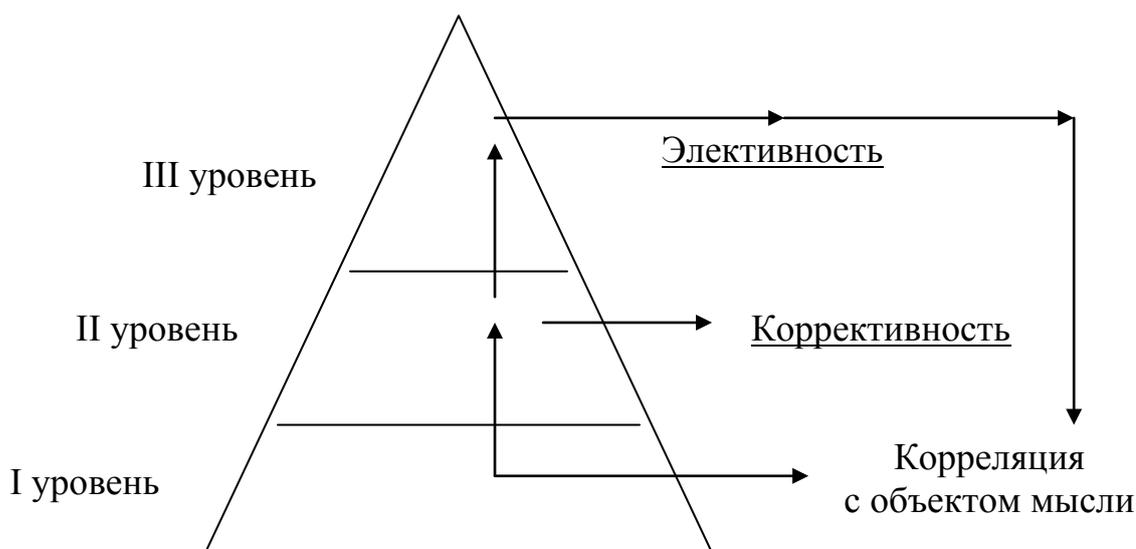

Рисунок 15 – Категория тождества

Итак, категория тождества обладает замкнутым характером, кольцевым способом развития: движение отмечается от объекта мысли через корреляцию к коррективности, далее от нее к элективности, а затем снова к объекту мысли.

3.2. Основные типы лексических единиц, формирующие ораторскую речь

Для более углубленного рассмотрения лингвистической категории тождества, введенной в лингвистику профессором Л.К. Свиридовой, воспользуемся той классификацией вокабуляра языка, которая подходит применительно к его анализу с позиций максимальной универсальности. Эта классификация уже показала свою востребованность при исследовании таких новых лингвистических категорий, как экстримальность [Кошечая, 1976; Свиридова, 2004; Чусова, 1981 и др.]; константная дифференциация [Кошечая, 1982; Максимов, 1978; Свиридова, 2004; Чухранов, 1979 и др.]; лимитация [Драгайцев, 2003; Кузнецова, 1981; Свиридова, 2004; Koshevaĵa, 1982 и др.]; лимитативность [Кошечая, 1976; Кошечая, 1999; Кузнецова, 1981; Максимчук, 1975; Свиридова, 2004 и др.]; пространственная ориентация [Кошечая, 1976; Свиридова, 2004; Швейцер; Чернюк, 1978 и др.]; при изучении семного состава [Кошечая, 1976; Кошечая, 1968; Кошечая, 1983; Лузина, 1996; Максимчук, 1975]; и при интерпретации текста [Драгайцев, 2003; Жлуктенко, 1978; Кошечая, 1999; Сиукаева, 2000; Koshevaĵa, 1982 и др.].

В предлагаемой ниже классификации, впервые сформулированной профессором И.Г. Кошевой, мы отталкиваемся из той мысли, что состав языка обладает неоднородностью и зависит от четырех факторов:

1. Связи с объектом выраженной в речи мысли.
2. Связи с системой отношений, которые окружают объект.
3. Связи с системой логических предположений выводов, касающихся этого объекта.

4. Связи с естественной чувственной реакцией воспринимающей стороны на объект.

Именно эти обстоятельства позволяют заключить, что имеющиеся в распоряжении говорящего словарные единицы как языковые знаки, которые отражают действительность через воспринимающего их индивида, неоднородны.

Исходя из того, что формирование языкового знака носит многоступенчатый характер, проходя этапы от созерцания к абстрактному мышлению, можно сказать, что сама ступенчатость при образовании такого знака получает свое отражение в двух взаимосвязанных факторах: во-первых, в неравнозначной соотносимости знака с объектом внешнего мира; во-вторых, в наличии у семантического плана лексики разных типов абстракции. С учётом этого можно выделить следующие типы лексических единиц:

1. Конкретизированный тип лексики.
2. Ассоциативный тип лексики.
3. Синтезированный тип лексики.

Обратим сначала внимание на конкретизированный тип лексики, в словах которого связь с объектом оказывается доминирующей (*boy, planet, people*). Слова, относящиеся к лексике конкретизированного типа, называют объект действительности, создавая обобщенное значение, причём конкретизируя обобщенный смысл (таким же образом действует любое другое слово, соответствующее четырем названным выше факторам, даже в том случае, если оно не является по смыслу стержневым).

Например, в речи американского президента Барака Обамы по поводу иммиграционной реформы в 2013 году: «*Now, it's no secret that the American people haven't seen much out of Washington that they like these days*» [Obama, 2013].

Конкретизированная лексика – это те слова, с помощью которых отражается единство чувственного и логического факторов. Однако соотношение данных факторов в ней может обнаруживаться двумя способами,

и с учётом того, какой из факторов преобладает, в языке может быть отмечена: а) либо непосредственное соотнесённость слова с объектом; б) либо опосредованное соотнесённость.

При первой появляются слова, связь которых с объектом можно назвать полной. Эти лексические единицы в российской лингвистической традиции обычно именуют словами первичной репрезентации (*people*).

Например, в речи американского президента Барака Обамы, посвященной Ираку: «*And now, after three long years of watching the same back and forth in Washington, the American people have sent a clear message that the days of using the war on terror as a political football are over*» [Obama, 2006].

При опосредованной соотнесённости идентификация слова и объекта не является полной, слово обозначает не объект и не действие, которое совершает объект или которое совершается над объектом. В этом случае мы имеем свойства, как бы отвлеченные от объекта (типа: *burning Sun, invisible Galaxy, dear people*).

Таким образом, процесс вторичной репрезентации объекта предполагает присутствие семантического остатка и наложение этого остатка на какую-то группу слов, семантически между собой не связанных, но объединенных общим для них качеством.

Рассмотрим словарные единицы, относящиеся к лексике ассоциативного типа. Эти единицы вокабуляра выражают связь слова не с самим объектом действительности, а с системой отношений между явлениями. В этой системе оказывается объект конкретизированной лексики или показатель пространственного местонахождения объекта (*here, there, up, down, etc.*). Не именуя сам объект, ассоциативная лексика связывает (то есть ассоциирует, отсюда и термин) его с теми конкретными отношениями в пространстве, которые для объекта действительно могут быть свойственны. Исходя из этого, слова модальной семантики, на наш взгляд, также относятся к лексике ассоциативного типа, так как они, не обозначая ни объект, ни речевую

ситуацию, способны представлять их в возможном, невозможном или обязательном планах (типа *maybe, perhaps, obligatory, scarcely, etc.*).

В этом случае в качестве доминантного способен выступать не столько объект как конкретный образ, сколько система отношений, в которую объект погружён. Учитывая, что для трансляции системы отношений используется совершенно иная лексика, в данном случае на передний план выходят слова ассоциативного типа. В них, как и в лексике конкретизированного типа, наблюдается цельность логической и чувственной составляющих при явном преобладании логического компонента смысла над чувственным, что обуславливает выделение в лексике ассоциативного типа слов: а) первичной и б) вторичной репрезентации.

Ассоциативная лексика первичной репрезентации, в которой, в общем, логическая сторона преобладает над чувственной и сохраняет свое исходное лексическое значение, которое позволяет им оставаться единицами вокабуляра.

Например, в речи Джорджа Буша-младшего, привлекающего внимание к работе волонтерской организации Корпус мира: «*And then we've got the Peace Corps, and the Peace Corps is a way for Americans to help teach the world about the universal values that we hold dear, the true nature of America, which sometimes is distorted around the world*» [Bush, 2002].

Ассоциативная лексика вторичной репрезентации обладает теми же исходными признаками, что и лексика первичной репрезентации: а) доминирование логического фактора над чувственным; б) обозначение не предмета, а лишь той системы отношений, в которой названный данным словом объект может находиться; в) возможность для этих отношений быть количественными, качественными, пространственными и т. д., но при этом приобретение ими максимально обобщенного характера, что позволяет им иметь значение настолько обобщенное, что оно начинает приближаться к грамматическому, а само слово – к грамматической форме.

Анализ конкретизированной лексики требует также упомянуть о наличии у каждой части речи особого наиболее обобщенного и стабильного значения, которое выступает константой (С) для данной части речи. К примеру, обобщенным значением существительных, изображающих материальную сущность или материальность предмета, является константа субстантивности (Csbt); общим значением глаголов, демонстрирующих идею процесса или состояния, соответственно является константа действия (Cv); обобщенной семантикой прилагательных и наречий является константа признака по качеству (Cq1) или признака по действию (Cadv). Все константы строятся по одному принципу объединения тех грамматических категорий, которые действуют в языке на определенном этапе его исторического развития. В древнеанглийском языке, к примеру, константа субстантивности (Csbt), составляющая существительное, объединяла в себе такие категории, как падеж, род, число, то есть равнялась трем составляющим ее единицам (рисунок 16).

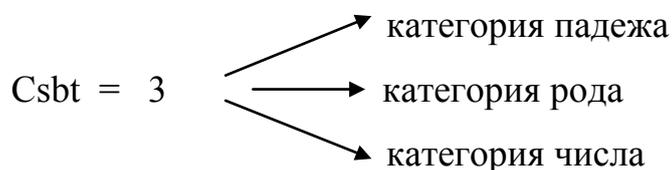

Рисунок 16. – Константа субстантивности имени существительного в древнеанглийском языке

В современном английском языке, утратившем синтетические свойства и приобретшем аналитические, вряд ли можно говорить о полноценных категориях падежа и рода. Константа субстантивности, не утратив категорию числа, обрела в процессе эволюции английского языка категорию именной лимитации – новую грамматическую категорию, выражаемую с помощью артикля. Поэтому на данный момент константа субстантивности равняется двум категориям (рисунок 17).

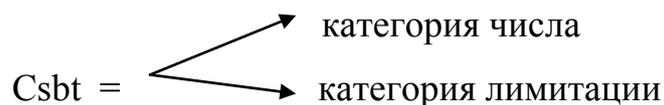

Рисунок 17 – Константа субстантивности существительного
в современном английском языке

Следовательно, константа:

- во-первых, представляет собой наиболее обобщенную семантику;
- во-вторых, является основой определенной части речи;
- в-третьих, концентрирует в себе одну или несколько грамматических категорий, состав и количество которых не являются постоянными, а могут изменяться со временем;
- в-четвертых, сама по себе как значение она остается постоянно-неизменной;
- в-пятых, константа охватывает все слова, относящиеся только к конкретизированному типу лексики.

Можно ли в таком заявлять о том, что слова ассоциативной и тем более синтезированной лексики не объединяются константными значениями?

Для ответа на этот вопрос рассмотрим вокабуляр языка с точки зрения того, как в ассоциативной и синтезированной лексике проявляются и вступают во взаимодействие, с одной стороны, значения, представляющие конкретное смысловое наполнение слова, с другой – значения, показывающие абстрактную значимость, свойственную той или иной грамматической категории. Начнем рассмотрение с ассоциативной лексики, как известно, неоднозначной с точки зрения своей отвлеченности (например, *around the world, maybe across the Parliament*).

Из этой отвлечённости следует, что в пределах ассоциативной лексики можно увидеть интенсивное действие процесса грамматизации определенной части данной лексики, в результате которого происходит выражение этой частью более отвлеченных значений, которые, являясь связанными с исходными, представляют собой их эволюционное продолжение, поскольку

ведут их по пути абстрагирования и сближения с грамматической формой. В этом случае можно говорить о повторении ассоциативной лексики того утверждаемого наукой типологически общего процесса, свойственного языку как языковая универсалия, – движения единицы от полнозначного слова к грамматической форме (например, *There are no people there*).

Рассматривая эти явления, мы пытаемся соотнести их с константными категориальными значениями современного английского языка и обнаружить то общее, что объединяет ассоциативную лексику при сохранении ею статуса языкового вокабуляра, поскольку несомненно, что только та ее часть, в которой сохранилось лексическое значение, может быть отнесена к части речи (например, *within the ruins*). Итак, мы подразделяем ассоциативную лексику на две части: 1) значимую; 2) десемантизированную.

Десемантизированная лексика является лексически незначимой и выполняет в предложении грамматизованную, подобную грамматической функцию. Что же касается лексически значимых слов, то по отношению к ним необходимо выявить какое-то общее унифицированное значение, характеризуемое, повторим, константностью и неизменностью и основанное на введении в себя грамматических категорий.

Если подойти к данной части ассоциативной лексики, используя такую типологизированную аналогию, то можно отметить, что в ней выражается обобщенная идея отношений, входящих в круг либо пространственных связей (*here, on, along, up, down, through*), либо временных (*then, now, after* и т. д.), либо количественных (*one, many, few, twice*) и т. д. В этом смысле константное значение, присущее ассоциативной лексике, выражает отношения: а) одного объекта к другому или б) объектов между собой. Поэтому здесь, очевидно, имеет место константа отношений «Crel», которая строится на действии категории соотношения, то есть взаимодействии объектов в числе, пространстве или времени.

Итак, $C_{rel} = 1$ – категория соотношения по выделимости в числе, пространстве или во времени

Поскольку для нашего исследования вопрос об ассоциативной лексике не является ведущим, то мы ограничимся приведенными соображениями и перейдем к анализу третьего аспекта вокабуляра по рассматриваемой классификации, именуемого синтезированной лексикой, более значимого для целей нашего исследования.

Наряду с двумя рассмотренными выше типами лексики – конкретизированной и ассоциативной (соотносящихся, как мы видели, с объектом действительности или с системой отношений, в которой находится объект), существует в языке и используется в речи третий тип лексических единиц – синтезированная лексика, которая отражает тот характер корреляции, при котором ведущей оказывается связь единицы не с объектом и даже не с системой отношений, а с чувственной или с логической стороной речи, существующими совершенно изолированно.

Иными словами, в семантическом плане этой лексики существует либо самостоятельная логическая оценка объекта вне эмоциональной его оценки: (например, *thus, therefore, hence*), либо отдельно эмоциональная оценка вне логической оценки: (например, *certainly, perhaps, maybe, of course, etc.*).

В первом случае эта лексика соответственно представляет собой группу логически окрашенных и внутренне неоднородных лексических единиц. В языкознании их называют по-разному. Одни исследователи, вслед за логиками и философами, именуют их «словами-суждениями» [Аристотель, 2000; Аспекты изучения текста, 1981; Ахманова, 1969; Герасименко, 1981; Грицюк, 1985; Дымарский, 1994; Жлуктенко, 1978; Ильенко, 1989; Копыленко, 1995; Смирницкий, 1956; Чусова, 1981; Чухранов, 1979; Щебетенко, 1977; Koshevaĵa, 1982 и др.].

Другие исследователи, вслед за профессором И.Г. Кошевой, называют данные лексические единицы агглютинатами [Драгайцев, 2003; Жучкова, 1994; Камшилова, 1995; Кошечая, 1968; Кошечая, 1999; Кошечая, 1982; Кузнецова, 1981; Свиридова, 2004; Сиукаева, 2000; Смирницкий, 1956; Чусова, 1981; Чухранов, 1979; Щебетенко, 1977; Koshevaĵa, 1982 и др.].

Термин агглютинат по отношению к данным словам не случаен; он обоснован тем, что грамматические отношения (число, падеж, род и т. д.) выражаются в слове с помощью отдельных относительно самостоятельных языковых структур, которые присоединяются к неизменяемой основе слова. В соответствии с этим, термин «агглютинация», используемый по отношению к целой группе лексических единиц, говорит об некоторой самостоятельности данных слов, возможности для них существовать в определённой изоляции от грамматического строя предложения, в пределах которого они наблюдаются.

Кроме того, иногда данные лексические единицы называют также «модальными словами», что неравнозначно модальным глаголам.

Терминологическая неоднородность при квалификации данных лексических единиц, безусловно, не случайна, она следует из их сути. К примеру, слова «*yes*» и «*no*» как утверждения и отрицания в какой-то мере синонимичны словам-выводам (*thus, therefore, hence, etc.*) и являются словами-суждениями «*judgement-words*». Наверное, именно поэтому так именуют их Д. Свифт, О. Есперсен и многие другие филологи [Galperin, 1968; Espersen, 1943; Melrose, 1996]. Мы также полагаем, что на уровне языка за данными словами следует сохранить эти терминологические наименования. Назначение слов утверждения и отрицания (основное и даже единственное) в том, что они однозначно утверждают или отрицают какой-то факт.

Согласно англо-русскому словарю, «*yes*» обозначает ‘да’, «*no*» имеет несколько значений: 1) ‘нет’, 2) ‘не’; «*hence*» обозначает 1) ‘отсюда’, 2) ‘с этих пор’, 3) ‘следовательно’, 4) ‘прочь, вон’; для «*therefore*» характерно значение ‘поэтому, следовательно’; для «*thus*» – ‘так, таким образом’. Эти значения представлены в словаре, то есть они являются словарными дефинициями данных слов. Тем не менее, будучи употребленными в речи, указанные слова могут быть включены в сложную речевую ситуацию и иметь как бы парное тяготение.

Например, в речи Джорджа Буша перед членами штаб-квартиры ФБР 25 сентября 2001 года: «*And so, therefore, we must give the FBI the ability to track calls, when they make calls from different phones, for example*» [Bush, 2001].

Разумеется, что в сложных речевых ситуациях данные слова остаются логически независимыми. В качестве слов-суждений они являются агглютинатами (приклеивающимися к целой речевой ситуации), то есть наблюдается явление, аналогичное «склеиванию», но происходящее не способом склеивания морфем, а способом соединения целых речевых отрезков.

Наблюдаемая нами у анализируемых единиц аналогичность функции даёт нам возможность в этих случаях прибегать в диссертации, вслед за И.Г. Кошевой, к термину «агглютинат» (а также «агглютинация») в том случае, когда эти слова обретают категорично-агглютинирующий характер в речи.

Сравним значение, например: *утверждение* – «Yes», *отрицание* – «No». Но сравним также их употребление в рамках развернутого речевого комплекса:

1. «*And tonight, I think about all that she's seen throughout her century in America - the heartache and the hope; the struggle and the progress; the times we were told that we can't, and the people who pressed on with that American creed: Yes, we can*» [Obama, 2008].

2. «*We cannot be satisfied as long as a Negro in Mississippi cannot vote and a Negro in New York believes he has nothing for which to vote. No, no, we are not satisfied, and we will not be satisfied until «justice rolls down like waters, and righteousness like a mighty stream»* [Martin Luther King, 1963].

Как можно увидеть, в приведенных примерах мысль закончена, вследствие чего и утверждение, и отрицание обретают законченный вид, который, что важно, не зависит от эмоционального характера речевой ситуации. Собственно, процесс рассуждения как бы привёл общающихся к окончательному однозначно положительному, в одном случае, и отрицательному, в другом случае, решению. «Yes» или «no» как будто

«приклеиваются» к речевой ситуации, или, по-другому, «агглютинируют» к результату акта мысли, реализованного с помощью нескольких связанных друг с другом предложений, то есть целого речевого комплекса. И, естественно, что все языковые единицы и комплексы, которые окружают эти «Yes» или «No», оказывается речевой ситуацией, которая стимулировала именно такое заключение, выбор однозначного отрицания или утверждения.

К агглютинатам приближаются модальные слова типа *certainly*, *perhaps*, *maybe*, *of course* и др. Так же, как и агглютинаты (*thus*, *therefore*, *hence* и т. д.) модальные слова способны составлять предложения. Но в сопоставлении с агглютинатами модальные слова, подобно модальным глаголам, являются разновидностью лексики, скорее всего, несколько иного свойства. Для исследователей несомненно, что в группу модальных слов входят прежде всего слова типа: «*perhaps*», «*probably*», «*of course*», «*maybe*», «*certainly*» и др. Более того, модальные слова не способны к формированию завершеного суждения, но обладают способностью к оппозиционному расчленению мысли (например, *maybe yes – maybe no*), которая создает семантические разряды, передающие значения неуверенности, вероятности, очевидности и предположения. При этом слова, выражающие утверждение или отрицание («*yes*» – «*no*») и модальные слова, как известно, вступают в семантическое взаимодействие и во взаимосвязанных предложениях способны ослаблять или усиливать общее утвердительное или отрицательное значение высказывания.

Если сформулировать, в соответствие со словарными дефинициями, основное значение каждого из модальных слов, то можно выделить внутренне взаимосвязанные группы, или четыре семантических разряда: 1) неуверенности, 2) вероятности, 3) очевидности, 4) предположения.

Ряд лингвистов считают такое членение излишне дробным и выделяют поэтому лишь две общие оппозиции более широкого семантического плана: «предположительность», с одной стороны, и «категоричность» – с другой [Максимов, 1978; Хлебникова, 1994; Ganshina M.A., Vasilevskaia N.M., 1964 и др.].

Есть попытки и более тесно связать слова с семантикой утвердительности / отрицательности с другими модальными единицами. К примеру, Н.Ю. Зарубина считает целесообразным выделять в значении высказывания не только две семантически противоположные семы – утвердительность и отрицательность – но ещё и одну промежуточную, которая основана на количественной недостаточности признака, выражаемого единицей, – сему проблематичности, являющуюся следствием неуверенности говорящего в достоверности информации [Зарубина, 1993, с. 175].

По нашему мнению, предложенное выше разделение на предположительность и категоричность семантики можно дополнить, сочетать с делением значений на утвердительное или отрицательное, определяемым речевой ситуацией. Данное сочетание представлено в таблице 3.

Таблица 3 – Классификация модальных слов по значению

Предположительные	
«yes»	«no»
hardly	hardly
maybe	maybe
probably	probably
perhaps	perhaps
supposedly	supposedly
likely	likely
possibly	possibly
apparently	apparently
Категоричные	
«yes»	«no»
certainly	certainly
of course	of course
only	only
just	just
evidently	evidently
obviously	obviously
undoubtedly	undoubtedly
completely	completely
perfectly, etc.	perfectly, etc.

Как видно из таблицы, определённая часть модальных слов в ходе развёртывания речи попеременно то усиливает, то смягчает утвердительную и отрицательную оценку объекта речи. В ряде случаев, при ослаблении этой оценки, пределы оппозиционного ряда «*yes*» – «*no*» становятся сдвинутыми.

Итак, здесь можно заметить отсутствие полного, абсолютного утверждения и полного, безусловного отрицания, поскольку слова типа «*perhaps*», «*maybe*», «*probably*» и т. д. формируют вокруг себя ту речевую ситуацию, которая создает информационную незавершенность, представляет собой информационный вакуум, требующий своего дополнительного наполнения, пояснения объекта речи.

Следовательно, модальные слова, являющиеся единицами периферийного уровня в семантическом поле агглютинатов, обнаруживают два стабильно свойственных им в языке свойства: 1) возможность умозаключительной оценки объекта с точки зрения его реальности/нереальности в пределах речевой ситуации и 2) способность самостоятельно организовывать предложение. Однако с помощью модальных слов говорящий не может создать ни положительного, ни отрицательного суждения.

Следующим важным для нашего исследования вопросом является вопрос о партикуляции, но сначала необходимо рассмотреть исходный в структурном и смысловом отношениях элемент текста – речевой комплекс (РК).

РК – это та минимальная текстовая единица, которая обладает некоторой смысловой законченностью, то есть обладает собственной микротемой, позволяющей речевому комплексу группировать содержание вокруг собственной микросемантической оси. Данная ось выступает как смысловое единство ряда фраз или реплик, хотя она может состоять и из одной фразы или реплики. Речевой комплекс, равный одной реплике, является простым.

Например, в первом радиообращении короля Георга VI в Лондоне 3 сентября 1939 года: «*May He bless and keep us all*» [George VI, 1939].

Если же речевой комплекс создан путем смыслового соединения нескольких фраз или реплик, то его границы предполагают наличие верхнего уровня или верхней границы, где начинается микротема, и нижней границы, где микротема себя исчерпывает.

Например: «*There may be dark days ahead, and war can no longer be confined to the battlefield, but we can only do the right as we see the right, and reverently commit our cause to God*» [George VI, 1939].

Сверхфразовое единство (СФЕ) выступает как следующий структурный и смысловой элемент текста. В лингвистике распространена точка зрения, согласно которой СФЕ не отделяют от речевого комплекса, уравнивают их, рассматривают как единицы одного типа. В связи с этим ещё не выделены точные отличия, не установлены критерии различения таких единиц, как предложение, фраза/высказывание, речевой комплекс и СФЕ. По нашему мнению, как модели предложения могут включать и часто включают в свой состав словосочетания в роли подлежащего и сказуемого, так же и речевой комплекс не обязательно предполагает структурную простоту. То есть РК, имея в своём составе единичные фразы/высказывания, потенциально может расширяться вплоть до включения целого ряда фраз/высказываний.

Поэтому важно определить микротему РК и установить пределы его семантической оси, за которыми начинается *новая микросемантическая ось*, объединение же данных позволяет судить об организации структурно-семантической единицы уже не с микротемой, а с темой более крупной, вплоть до общей темы ораторской речи.

Рассмотрим пример сверхфразового единства в речи премьер-министра У. Черчилля в Палате Общин 13 мая 1940 года в Лондоне: «*Такова наша политика. Вы спрашиваете, какова наша цель? Я могу ответить одним словом: победа – победа любой ценой, победа, несмотря на все ужасы; победа, независимо от того, насколько долг и тернист может оказаться к ней путь; без победы мы не выживем. Необходимо понять: не сможет выжить Британская империя – погибнет всё то, ради чего она существовала,*

погибнет всё то, что веками отстаивало человечество, к чему оно веками стремилось, и к чему будет стремиться. Однако я принимаю свои обязанности с энергией и надеждой. Я уверен, что люди не дадут погибнуть нашему делу» [Черчилль, 1940].

Данное СФЕ состоит из 6 предложений, объединенных общей темой.

Возвращаясь к понятию речевого комплекса, мы считаем нужным отметить следующее. В ходе выражения своей мысли говорящий должен провести селекцию того языкового материала, который даёт ему возможность наиболее полно передать основное содержание этой мысли. При этом категория тождества реализуется посредством действия элективности, то есть индивидуального выбора говорящим языковых средств. А сам процесс порождения высказывания осуществляется благодаря функциональной смысловой зависимости. Она функционирует внутри категории тождества, устанавливая связь выбранных говорящим слов с содержанием всего речевого комплекса (рисунок 18).

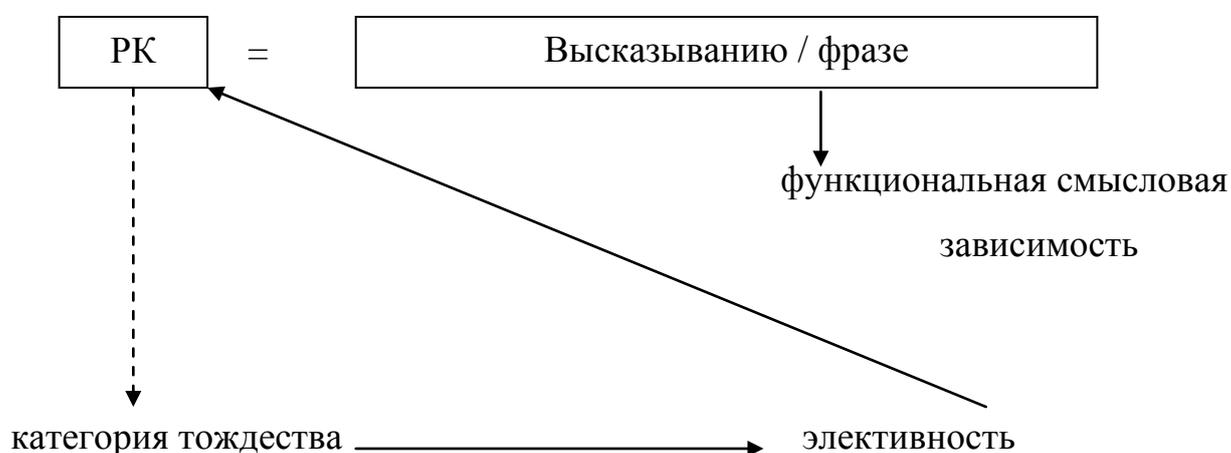

Рисунок 18 – Функциональная смысловая зависимость

В аспекте нашего исследования необходимо также сказать несколько слов о явлении партикуляции. Мы уже отмечали, что модальные слова категоричной семантики транслируют и отрицательные, и утвердительные значения не автономно, а в зависимости от той речевой нагрузки, которой обладает РК со словами типа «yes» или «no» в качестве ключевых.

Взаимодействие «*yes*» – «*no*» с модальными словами разворачивается по оппозиционной модели: партикуляция – агглютинация, где они неразрывно связаны позиционно.

Соответственно, можно отметить следующее:

1. На втором уровне языковой абстракции, в условиях грамматики языка, за словами «*yes*» и «*no*» закрепляется термин «слова-суждения», а за словами типа «*maybe*», «*perhaps*» и др. – термин «модальные слова».

2. На третьем уровне более удобны другие термины: вместо «слова-суждения» – «агглютинаты», вместо «модальные слова» – «партикуляты».

Данные терминологические уточнения представлены в виде схемы на рисунке 19.

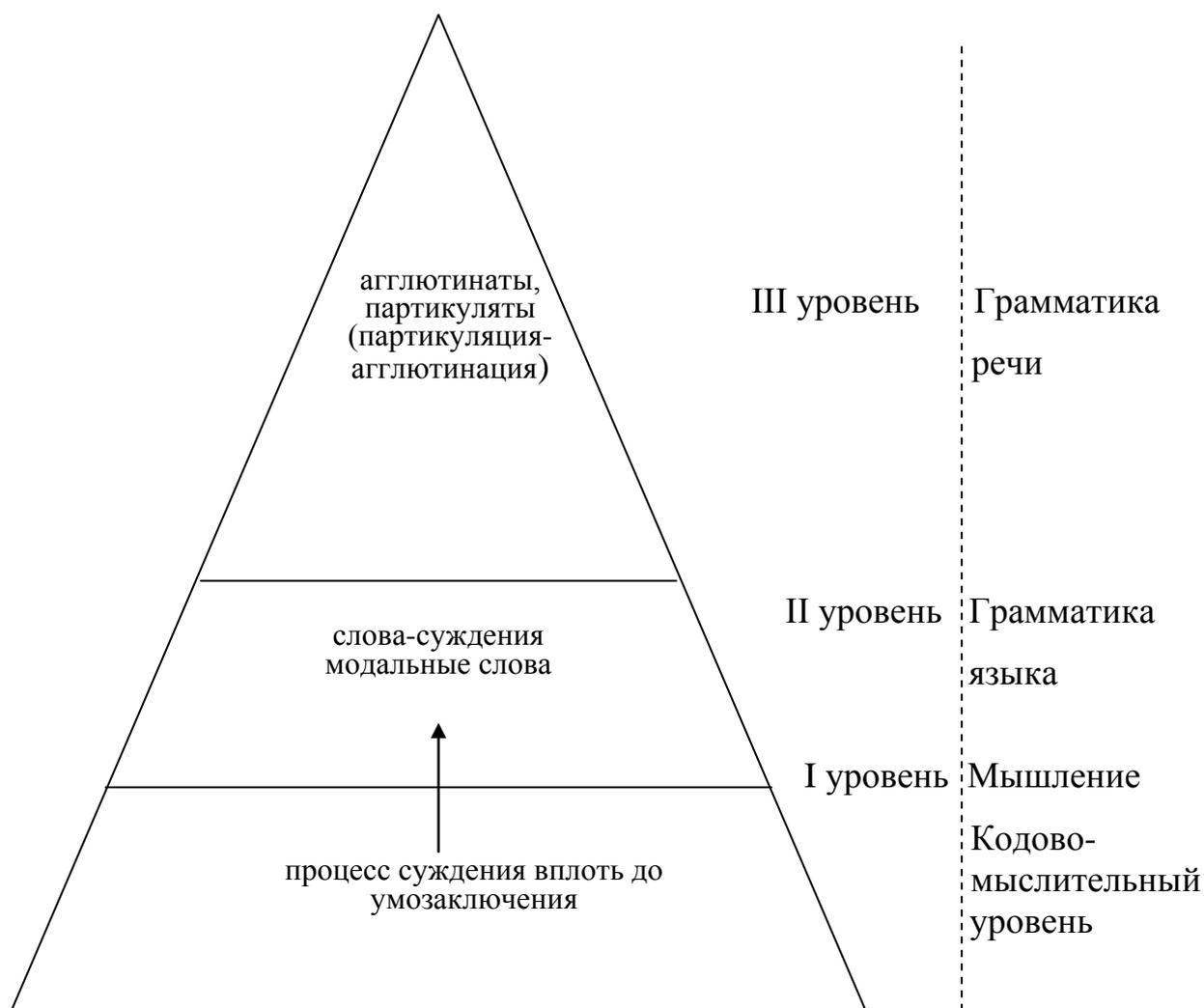

Рисунок 19 – Распределение терминов по уровням языковых абстракций

Партикуляция выступает как часть от целого применительно к семантике «yes» или «no». И это целое приобретает в речи благодаря партикуляции значение незавершенности.

Для категории тождества в ораторском выступлении важным вопросом является структурное и смысловое построение ораторской речи, что и будет рассмотрено нами далее.

3.3. О смысловом и структурном построении ораторской речи

Категория волеизъявления является модальностью убеждения, при этом она, в свою очередь, опосредствованно обоснована категорией тождества. При этом обе данные категории зависят друг от друга и стимулируют такие необратимые процессы, как основанный на элективности выбор требуемого слова, словосочетания, модели предложения, соотношения темы и ремы и, наконец, использование проблематичных или ассертивных высказываний. В зависимости от модальности убеждения в основе категории волеизъявления происходит, как нам представляется, перераспределение значений – их сближение и расхождение. Категория волеизъявления, на наш взгляд, представляет собой результат взаимодействия трех семантических полей:

- 1) семантического поля обладания,
- 2) семантического поля бытия,
- 3) семантического поля модальности.

В свете нашего исследования нас не интересуют смысловые оттенки модальности. Мы стремимся выяснить общее направление мысли автора при формировании им двух различных типов высказывания, связанных с его волеизъявлением:

- 1) высказывания убежденности, в которых модальные слова и модальные глаголы отсутствуют; по нашей терминологии, это высказывания ассертивности.

2) высказывания проблематичности, в формировании которых, наряду с полем модальности, участвуют глаголы, относящиеся к полям бытия и обладания.

В речи данные высказывания взаимопроницаемы и могут переходить друг в друга. Особенно часто данный процесс наблюдается в РК эмоционального типа, в которых автор текста накладывает на данные высказывания некую модальность убеждения, определяющую в речи селекцию необходимой языковой структуры.

Иными словами, сюжетная перспектива связана, прежде всего, с модальностью убеждения, так как последняя позволяет распределить смысловые оттенки так, чтобы как можно более доказательно донести до слушателя содержание и основные идеи ораторского текста.

Сюжетная перспектива располагает компоненты композиции ораторского текста таким образом, чтобы приблизить их к слушателю, вводя в непосредственную коммуникацию.

Например, в речи, произнесенной Авраамом Линкольном в ноябре 1863 года при открытии мемориального кладбища на месте Геттисбергского сражения: *«Восемьдесят семь лет назад наши отцы основали на этом континенте новую нацию, возвращенную в условиях свободы и преданную принципу, согласно которому все люди созданы равными»* [Линкольн, 1863].

Поэтому сюжетная перспектива далеко не всегда оказывается параллельной авторскому ракурсу, а, следовательно, она не всегда совпадает с функциональной смысловой зависимостью. С помощью сюжетной перспективы формируются некие опорные элементы, стержни, нацеленные на своеобразную сюжетно-смысловую спайку всего речевого произведения. Её опорой также выступают инвариант, ядро, центральное звено и смысловый узел. Но эта иная связь, допускающая возможный разрыв последовательности в расположении частей текста и обладающая способностью зигзагообразных скачков смысла. Благодаря такой спайке сюжетной перспективы с дешифрующими авторский ракурс структурными единицами текста,

устанавливается особая внутренняя связь сюжетной перспективы и с ФСмЗ, и с категорией волеизъявления и, разумеется, с категорией тождества, без которой текст как единое структурно-семантическое целое невозможен. Но в этой сложной связи изначальной и, скорее всего, ведущей в ходе создания ораторского текста выступает именно связь с категорией волеизъявления, объясняющая систему отношений сюжетной перспективы с функциональной смысловой зависимостью и стимулирующая их выход на категорию тождества.

Авторский же ракурс, как отмечено выше, напротив, в первую очередь связывается со смысловой стороной текста, с мыслью и идеями автора, поскольку его основное назначение – помочь автору транслировать через содержание текста с помощью ФСмЗ ту идею, ради которой и создаётся ораторский текст. Модальность, как всякое волеизъявление, представляет собой субъективную категорию. В противоположность ей категория тождества является объективной, поскольку предполагает обязательность соотношения начала и конца действия, а середина действия для категории тождества не столь важна. Данная особенность этих категорий представлена на рисунке 20.

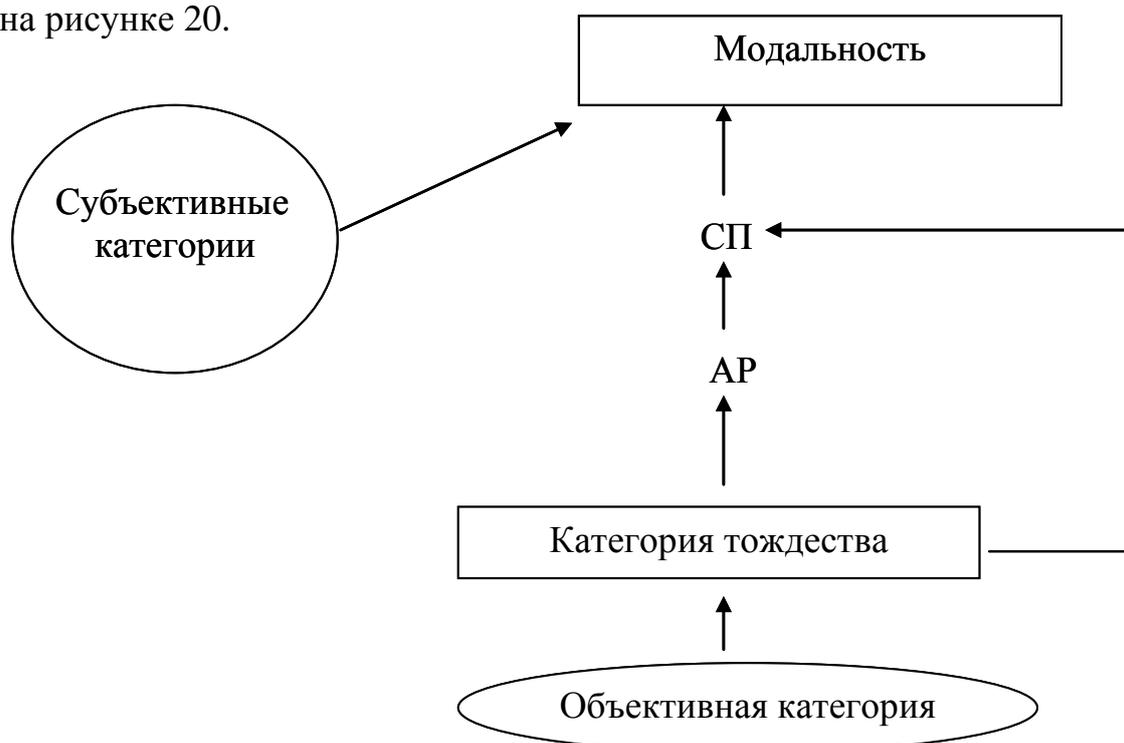

Рисунок 20 – Соотношение категорий модальности и тождества

Для структуры текста ораторской речи с точки зрения реализации в нём категории тождества особенно важно рассмотреть повторы в ораторской речи, что и будет сделано нами далее.

3.4. Повтор как одна из речевых форм категории тождества в ораторской речи

Повтор является одним из самых распространённых лингвистических структурных средств, многогранных по сути и направленных на детализацию при раскрытии содержания текста. Содержание распределяется в повторах как в отдельных структурных частях, совокупность которых образует некое смысловое целое по принципу их тождества. Можно утверждать, что мысль человека, представленная в предложении с помощью ряда структурных единиц языка, не всегда ограничивается этим предложением. Мысль аккумулирует вокруг себя ряд предложений и связывает их в так называемые сверхфазовые единства. Именно повтор представляет собой одно из весьма распространённых средств подобной связи.

Повтор – неотъемлемый компонент текста ораторской речи, проявляющийся в разных формах и с различными функциями на разных уровнях структуры речи. Значимость повторов для структуры и смысла ораторской речи, как показывает анализ, огромно: они могут обозначать длительность, но чаще всего являются средством поступательного движения мысли, её развертывания и концентрации в речевых фрагментах; средством композиционной связи отдельных структурных частей речи и опорными элементами в развитии мысли, а также проводниками определенной темы. Таким образом, повтор является центральным звеном не только монологической, но и диалогической коммуникации, и оба эти свойства важны для текста ораторской речи.

В системе диалога или полилога, как отмечают лингвисты, повтор может быть представлен в виде реплики, которая воспроизводится реципиентом [Драгайцев, 2003; Жлуктенко, 1978; Кошева, 1999 и др.]. Однако этот вид повтора является лишь формальным и не служит для выражения смысла, поэтому в работе мы на нем не останавливаемся. В данном исследовании для нас важен тот тип повтора, который имеет и перспективное, и ретроспективное развитие и связан в первую очередь с авторским ракурсом и лишь затем с сюжетной перспективной.

Обычно содержательные повторы разделяются на три подгруппы в зависимости от выражаемого с их помощью содержания. В структуре содержания может преобладать либо интеллектуальная информация, либо эмоциональная информация, либо могут быть в равной степени представлены оба названные типа информации.

Наш взгляд на разновидности содержательного повтора принципиально иной. Исходным для повтора фактором мы считаем эмоциональный всплеск, порожденный реакцией говорящего на необычную ситуацию, даже эмоционально-экспрессивный стресс.

Иначе говоря, мы полагаем, что это не повтор бывает эмоциональным, а, наоборот, – эмоция стимулирует то в высшей степени абстрактное значение, раскрытие которого приводит к появлению повторов. Количество повторов устанавливается автором текста и зависит от идентификации, раскрывающей содержание эмоции до проявления ее полного тождества в речевых структурах (Рисунок 21).

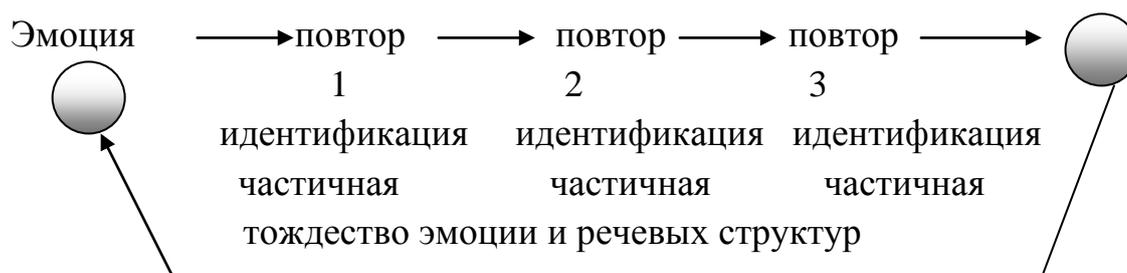

Рисунок 21 – Схема формирования повтора

Нас интересуют закономерности функционирования языка в условиях речетворчества, а исследование этого вопроса проводится на базе ораторских текстов. При этом мы принимаем во внимание то, что в ходе публичного выступления речевая ситуация, хотя она создается автором (оратором) и поэтому представляет собой слепок его мысли и его мировосприятия, выходит за пределы текста и начинает развиваться так, как диктуют законы функционирования языка и речи. Так, фактор экспрессивности, который может вызвать даже шоковую реакцию со стороны аудитории речи, стимулирует создание такого речевого комплекса, в котором обязательно присутствует эмоциональное построение фразы (в виде реплик). И это не случайное явление, а одна из тех закономерностей, которые действуют при функционировании знаков языковой системы в речи. Особенно важно в этой связи подчеркнуть следующее.

Как бы автор ни строил композицию текста выступления, как бы глубинна и многоаспектна ни была репрезентация в речи знаков языка, сами формы речи будут носить типологически повторяющийся характер не с точки зрения структурного рисунка фразы, а в плане выбора грамматизированного типа лексики и с позиции воспроизведения в звучащем тексте интонационного рисунка. Поэтому, если речевая ситуация ораторской речи, будучи экспрессивно окрашенной, окажется выраженной высказыванием, состоящим даже из одного слова, то это слово имеет иную нагрузку – не линейную, как это имеет место у слова в его плоскостном вокабулярном состоянии, в статичном положении, а совсем в ином плане: речевом.

В пределах речевой ситуации мы рассматриваем слово не с грамматических позиций, не как определённую часть речи, выступающую в роли какого-либо члена предложения, а с принципиально иной точки зрения. Для иллюстрации данного положения далее будут приведены материалы.

Рассматривая категорию тождества с лингвистических позиций, нельзя не затронуть вопрос ее философской природы, поскольку, как и большинство языковых категорий, она впервые была обнаружена и подвергнута анализу

философами [Философская энциклопедия, 2001, т. III, с. 311–318] и лишь затем постепенно обрела что-то вроде второго рождения в рамках филологических наук [Кошечкина, 1999; Пospelов, 1978; Koshevaja, 1982; Maslow, 1957; Kade; Petöfi, 1974]. Известно, что еще Платон в период античности выделил два основных положения, лежащих в основе тождества: первое – это мысль о различиях образца и копии; второе, более глубокое – это положение о различии самой копии и фантазма. При этом образец можно определить только через рассмотрение «позиции тождества как сущности», когда образец должен обладать внутренней связью с бытием и истиной, а истина должна быть аналогичной образцу. Копия же может быть охарактеризована лишь на основе подчинения различия инстанциям Одинакового, Подобного, Аналогичного и Противоположного [Философская энциклопедия, 2001, т. 3, с. 192].

Согласно Г. Гегелю, Противоречие доводит различие до его логического завершения, сводит Различие к Тождеству и придает тождеству самодостаточность, поскольку Противоречие является наибольшим различием лишь по отношению к тождественному и в зависимости от тождественного [Философская энциклопедия, 2001, т. 1, с. 311–318].

В 1969 г. О. Делез в книге «Различие и повторение», анализируя Тождество с антигегельянских позиций, говорит о том, что Различие и Повторение вытеснили понятия одинакового и неодинакового, тождества и противоречия. Причиной является то, что Различие не предполагает отрицание, и его можно довести до противоречия лишь в той мере, в которой его продолжают подчинять тождественному. Все тождества только стимулированы, возникая как оптический эффект на базе более глубокой игры – игры различий и повторений [Deles, 2003]. Так, тождественность не представляет собой самостоятельную категорию, лежащую в основе речевой репрезентации структур языка, которые устанавливают идентичность смысла способом полного или частичного повторения мысли. Отнюдь, по суждению О. Делеза, все как раз наоборот: тождества зависимы от Различий и

Повторений, стимулированы ими. Тождества не активный агент действия, а тот *пассив*, на который направлены такие явления, как Различие и Повторение, но по-иному. Показательно, что, понимая тождество таким образом, О. Делез, по существу, повторяет позицию Гегеля, которую пытался опровергнуть, о которой сам писал, что «гегелевское противоречие – это тупиковый путь, сводящий противоречие к тождеству, придающий тождеству достаточность, позволяющую ему быть мыслимым» [Deles, 2003, с. 103].

По мнению М. Фуко, в основе «классического мира репрезентаций» лежат четыре корня принципа разума [Философская энциклопедия, 2001, т. 4, с. 152]. Среди них философ выделяет в качестве первого тождественность понятия, которая отражается в назначении познания, и ещё три, два из которых, как нам кажется, наиболее способствуют выражению сути тождества. Это принцип аналогии в суждении и принцип подобия в восприятии. Но следует сразу оговориться, что, сводя процесс тождества к простому выявлению различия, философия допускает обобщение, утверждая следующее: «Переставая быть мыслимым, различие исчезает в небытии» [Философская энциклопедия, 2001, т. 3, с. 208]. С этим положением мы не можем спорить. В принципе, философский подход к проблеме тождества важен для нас лишь с точки зрения его связи с лингвистическим пониманием категории тождества, а поскольку прямых точек соприкосновения между философской и лингвистической интерпретацией категории тождества нами не обнаружено, то мы ограничимся приведённым выше анализом. Отметим только, что философские понятия Различия и Повторения в философии постмодернизма имеют своей целью вытеснение философской парадигмы тождества, базирующейся на явлениях противоречия и отрицания.

Наше рассмотрение тождества как лингвистической категории, представленной в ораторской речи, не требует введения в структуру этого понятия оппозиции «противоречие» / «отрицание».

Мы думаем, что отрицание в языке, как и утверждение, входит в систему центробежных и центростремительных связей между единицами языка. Оно

оценивает объект мысли уже на линии корреляции (то есть на мыслительно-логическом уровне), на котором воспринимаемый объект предстает как один смысловой центр (типа: «*She is a teacher*») или как два смысловых центра – ведущий и дополнительный (типа: «*She has a teacher*»). При этом и центростремительный, и центробежный вид связи остаются теми же, независимо от того, утверждаются они или отрицаются (ср. «*She is not a teacher*» – один центр, только в отрицательном представлении, и «*She has not a teacher*» – два центра, и представление также отрицательное).

Мы, естественно, признаём, что «противоречие» и «отрицание» действительно являются оппозицией. Члены оппозиции должны обладать несколькими важными свойствами. Во-первых, иметь равную степень выражаемого ими диаметрально противоположного значения, здесь же отношения иные: противоречие представляет собой часть отрицания, но не все отрицание как таковое. Во-вторых, тождество не является единством противоречия и отрицания, его семантика основывается на оппозиции иных полностью противоположных смыслов, о которых будет сказано далее.

Рассматривая тождество в рамках ораторской речи как абстрактное понятие, представляющее собой основу весьма объемной лингвистической категории, мы должны затронуть другое стержневое понятие – понятие повтора. С его помощью происходит, на наш взгляд, частное проявление тождества, результатом которого становится требуемая процедура идентификации объектов и мыслей. Ведь тождество мыслится в своей абсолютной значимости как полное сходство и абсолютное подобие предметов или явлений или друг другу, или самим себе. Вследствие этого тождество, как мы считаем, является не чем иным, как равенством сопоставляемых конкретных или абстрактных единиц. Неизменность равенства наблюдается в его финальном преобразовании, когда и начальная, и конечная единица смысла реализуются в тождестве как одна и та же величина (В процессе же действия категории такие величины до доведения их до равнозначности могут варьироваться и быть лишь частично тождественными).

Исходя из вышесказанного, можно предположить, что тождество, представляет собой не столько процесс, сколько результат этого процесса. И поэтому сам термин «тождество» мы будем применять по отношению к результату, к собственно ораторскому тексту. В процессе же движения к такому результату, как тождество, в ораторской речи наблюдается использование многочисленных повторов. Итак, тождество в процессе своего использования основывается на суммированном обобщении повторов своего качественного, количественного, временного, пространственного свойства, но суть повторения заключается не в увеличении или уменьшении количественных характеристик исходного объекта мысли и не в качественном изменении его сути и не обязательно предполагает временное или пространственное перемещение объекта мысли во времени. Тождество представляет собой выявление в объекте мысли некоторых особенностей, дающее возможность отождествить повторенное с исходной информацией.

В связи с этим можно трактовать повторение как компонент самой процедуры отождествления, при которой происходит речевая репрезентация того объекта мысли, который уже был представлен оратором в начале речи. Повтор подразумевает установление тождества по совпадению признаков.

Таким образом, мысль получает в ораторской речи свое адекватное выражение в ходе многочисленных или одноразовых повторений (воспроизводящих частично или полностью некий элемент текста, а значит, и мысли) до состояния тождества. Соотношение повтора с категориями тождества представлено нами на рисунке 22.

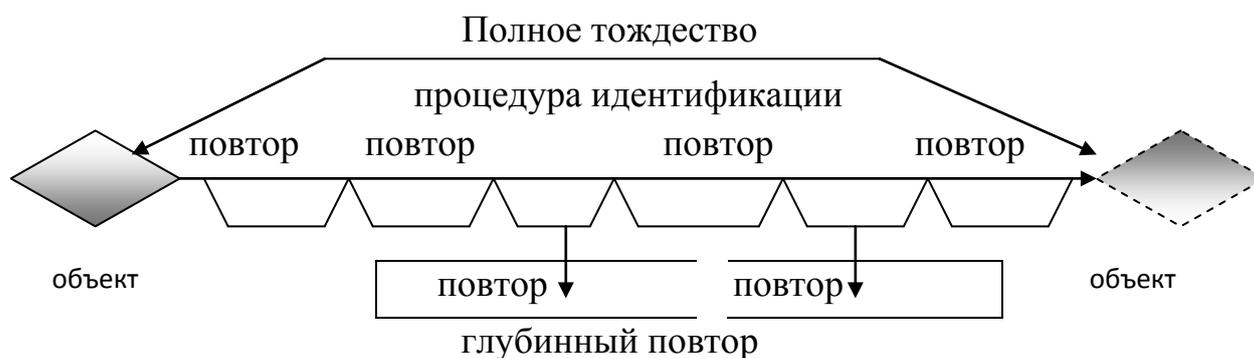

Рисунок 22 – Повтор как элемент категории тождества

Многообразие форм повтора находит свое выражение в определениях его разновидностей, по которым распределяют повторы с точки зрения формальных, структурных, очевидных моментов. Глубинная часть – связь повтора с мыслительно создаваемым образом, как правило, остается за пределами таких определений или прослеживается довольно редко и, главное, непоследовательно [Драгайцев, 2003; Кошечая, 1976; Максимов, 1978; Масленникова, 1999; Москальская, 1980; Ноздрина, 1980; Панфилов, 1971; Пауль, 1960; Потеня, 1913 и др.].

Рассмотрим типы повторов. Лексические повторы в ораторской речи могут быть контактными и дистантными. При контактных повторах повторяющийся элемент находится в пределах одного предложения или в двух расположенных рядом предложениях, причем повторяться может любой компонент предложения, то есть любая лексическая единица в любой синтаксической позиции.

Например, в проповеди шотландского священника Джона Нокса примерно в 1560 году: «*This much have I briefly spoken of the temptation of Christ Jesus, who was tempted, and of the time and place of his temptation...*» [Orations from Homer to William McKinley, vol. IV, 1902, с. 1353].

Ещё один пример – из речи английского государственного деятеля Джона Элиота, посвященной состоянию Англии при герцоге Букингемском и произнесенной в Палате Общин 3 июня 1628 года: «*What waste of our provision, what consumption of our ships, what destruction of our men, have been, – witness the journey to Algiers! Witness that with Mansfield! Witness that to Cadiz! Witness the next! Witness that to Rhee! Witness the last! (And I pray God we may never have such witness.) Witness likewise the Turks! Witness the Dunkirkers! Witness all!* или «*And therefore I wish it may so stand with the wisdom and judgment of the house, that they may be drawn into the body of a Remonstrance, and there with all humility expressed; with a prayer unto his majesty, that for the safety of himself, for the safety of the kingdom, for the safety of religion, he will be pleased to give us time to make perfect inquisition thereof; or to take them into his*

own wisdom and give them such timely reformation as the necessity of the cause, and his justice do import» [The world's famous orations, 1906, с. 47–48].

При дистантных лексических повторах лексический компонент повторяется на протяжении большого речевого отрезка, в структурных элементах текста, расположенных на расстоянии друг от друга.

Например, в речи Джона Эллиота: «*You know* the wisdom of our ancestors, the practice of their times...*We all know*, and have as much cause to doubt as they had...*You know* how she advanced herself...» [Representative British orations, 1884, с. 17].

Ещё один пример – из проповеди Джорджа Уайтфилда, одного из основателей и лидеров протестанской церкви методистов: «*I come* now to a brief statement of those acts of the President which disclose his motives and establish his guilt. First he and his friends sedulously promulgated the idea that what he did in the year 1865 was temporary. *Then came* his message of December, 1865, which disclosed fully his ulterior purpose. *Then came* the speech of February 22, 1866, in which he arraigned the Congress of the United States collectively and individually... *Then came* his vetoes of the various reconstruction measures. ... *Then came* his interference by his message of June 22, 1866, and by other acts...*Then follows* his surrender of abandoned lands» [The world's famous orations, 1906, с. 186].

Повтор слова или словосочетания на значительном расстоянии между повторяющимися элементами может выполнять в содержательной структуре текста роль лейтмотива, то есть ведущего мотива речи, главной идеи. Повторяющийся лексический элемент в данном случае является ключевым для раскрытия содержания этого речевого фрагмента. Согласно определению из краткой литературной энциклопедии, лейтмотив представляет собой структурный фактор: это образный оборот, повторяющийся на протяжении всего произведения как момент постоянной характеристики, акцентирования мысли, который обрастает ассоциациями и приобретает особую идейную,

психологическую и символическую углубленность [Краткая литературная энциклопедия, т. 4, 1967, с. 101]. Лейтмотив – это конкретный, выраженный лексически образ, проходящий через ораторскую речь, постоянно повторяемый. Это может быть многократно упоминаемая оратором деталь, повторяемое слово или словосочетание, которые служат ключевыми для смысла и идеи речи. Иногда возникает контаминация фигур, особенно это касается повторов, роль которых в речи, как отмечалось, огромна как в плане структурном, так и в плане семантическом.

В процессе повторения лейтмотив может варьироваться и обрастать ассоциациями, приобретая особую содержательную углубленность; является анафорическим лейтмотивом данного фрагмента, с каждым повторением наполняется новым смыслом, приобретая все большую ассоциативность, а последняя фраза фрагмента звучит как вывод. Речевые лейтмотивы способствуют, с одной стороны, лучшей трансляции мысли автором речи, а с другой – лучшему восприятию текста слушателем.

Например, в обращении американского президента Рональда Рейгана к студентам МГУ в 1988 году видим следующий повтор, ставший лейтмотивом: «But progress is not foreordained. The key is *freedom – freedom of thought, freedom of information, freedom of communication*. [...] "It is common knowledge," he said, "that the achievements of science are considerable and rapid, particularly once the yoke of slavery is cast off and replaced by *the freedom of philosophy*» [...] We are seeing *the power of economic freedom* spreading around the world. [...] Perhaps most exciting are the winds of change that are blowing over the People's Republic of China, where one-quarter of the world's population is now getting *its first taste of economic freedom*. [...] We Americans make no secret of *our belief in freedom*. In fact, it's something of a national pastime. [...] Go into any schoolroom, and there you will see children being taught the Declaration of Independence, that they are endowed by their Creator with certain unalienable rights – among them life, liberty, and the pursuit of happiness – that no government can justly deny; the

guarantees in their Constitution *for freedom of speech, freedom of assembly, and freedom of religion*. [...] But *freedom* is more even than this. *Freedom* is the right to question and change the established way of doing things. [...] It is a time when *the first breath of freedom* stirs the air and the heart beats to the accelerated rhythm of hope, when the accumulated spiritual energies of a long silence yearn to break free. [...] In this Moscow spring, this May 1988, we may be allowed that hope: *that freedom*, like the fresh green sapling planted over Tolstoy's grave, will blossom forth at last in the rich fertile soil of your people and culture [Reagan, 1988].

Нередко повторы в ораторской речи проявляются в парцеллированных конструкциях. По определению Н.Н. Кохтева, парцелляция – такое членение предложения, при котором содержание высказывания реализуется не в одной, а в двух или нескольких интонационно-смысловых речевых единицах, следующих одна за другой после разделительной паузы [Кохтев, 1992, с. 124]. Парцеллируемые части оформлены в тексте как отдельные предложения, в письменном варианте текста их обособленность обозначается точкой, в устном используются интонационные средства выделения отдельного высказывания. От присоединения парцелляция отличается тем, что парцеллируемые части всегда находятся всегда вне основного предложения, а присоединительные конструкции могут быть и внутри него [Теленкова, 1985, с. 199]. Парцеллированные конструкции усиливают повтор, выделяют графически или интонационно повторяющийся член предложения, входящий в высказывание как отдельная фраза.

Например, в речи политического деятеля США Эдлая Стивенсона в 1952 году: «*And the Democratic Party is the people's Party – not the labor Party, not the farmers' Party, not the employers' Party – it is the Party of no one because it is the Party of everyone*» [Stevenson, 1952].

Кроме того, в ораторской речи можно наблюдать анадиплосис – повтор на стыке структур, использование единичного элемента и в конце предыдущей, и в начале последующей фразы. Это контаминированное

средство: акцентируя свою мысль, оратор повторяет слово, усиливая его повтор также и парцелляцией.

Например: «...*I will fight to win that office with all – with all my heart and my soul*» [Stevenson, 1952]. Или пример из речи Эдмунда Берка в Палате Общин 22 марта 1775года: «*During the reigns of the Kings of Spain of the Australian family, whenever they were at a loss of the Spanish councils, it was common for their statesmen to say, that they ought to consult the *genius of Philipp the Second. The genius of Philipp the Second* might mislead them; and the issue of their affairs showed that they had not chosen the most perfect standarts*» [Representative British orations, 1884, с. 247] или «*These are the cords of *man. Man* acts from adequate motive relative to his interest, and not on metaphysical speculations*» [Там же, С. 279]. Конструктивная функция парцеллированного повтора особенно очевидна при ступенчатом построении повтора, то есть когда каждый последующий парцеллированный член предложения имеет более распространенную структуру, чем предшествующий.

Другой вид парцеллированного повтора – цепочка парцеллятов, когда последующий парцеллированный повтор содержится в предыдущей конструкции. Например, в речи Томаса Уайта, посвященной двадцатилетию либерально-консервативному управлению Канады: «*We have in the city of Toronto one party taking as its motto "Canada First", and another taking as its motto "Empire First". From my point of view both titles are admirable as mere mottoes, but neither by itself meets the requirements of the country. "Canada First" – let that be our motto in everything affecting the interests and prosperity and wellbeing of this country; let it be our motto in making the name of Canada an honored name, whether in legislation or commerce, the world over; let it be our motto in the dissemination of such information relating to our institutions and resources as will make the Dominion an attraction for the emigrating millions of the Old World. "Canada First!" Let that be our motto so far as the interests of the Dominion, separate and distinct from those of the mother country, so far as they can*

be so, are concerned. "Empire First!" Let that be our motto so far as the interests of the glorious empire with which we are connected are concerned. "Empire First!"» [Orations from Homer to William McKinley, vol. XXII, 1968, с. 9231–9232].

Повтор представляет собой способ смысловой фокусировки речи. Особенно показательны это проявляется в тех случаях, когда парцеллированный член предложения имеет варьированное определение. Парцеллированный повтор может иметь уточнение, детализацию, ограничение или добавление. Повторяющиеся элементы в ораторской речи часто вступают в сложные связи.

Например, при композиционном повторе несколько повторяющихся слов (сочетаний, предложений) могут играть роль композиционных средств на протяжении большого фрагмента речи: «...The money he *obtained* he spent in aiding his friends throughout Ontario in their elections, and the whole amount, *obtained* by him did not exceed what *I venture to say* has been spent in three elections that I would name during the late contest in this country on the Clear Grit side alone. *I venture, sir, to think that mature judgment*, the sober second thought of the people of this country will yet vindicate the character of the great statesman who has so long presided over the destinies of this country and whose name is so eminently associated with the twenty years of Liberal-Conservative administration in Canada from the bitter aspersions which a mad jealousy and disappointed ambition have heaped upon it. *I venture, sir, to think that judgment* will shape itself after this fashion...» [Orations from Homer to William McKinley, vol. XXII, 1968, p. 9227–9228].

Некоторые ораторы в своих выступлениях сознательно применяют такое сильное средство, как повтор, с целью акцентирования ключевого слова. Это помогает им более экспрессивно влиять на аудиторию, выделять определённую мысль и устанавливать логические связи между компонентами ораторской речи, а также организовывать её ритмически.

Например, в речи Марии Кюри, посвященной открытию радия, в Нью-Йорке в 1921 году: «I could tell you many things about *radium* and radioactivity and it would take a long time. [...] I shall only give you a short account of my early work about *radium*. *Radium* is no more a baby, it is more than twenty years old...[...] But the most important is *radium*, which could be separated in a pure state. Now, the special *interest of radium* is in the intensity of its rays which several million times greater than the uranium rays. And the effects of the rays *make the radium so important*. [...] *The medical utilization of radium* makes it necessary to get that element in sufficient quantities. And so *a factory of radium* was started to begin with in France, and later in America where a big quantity of ore named carnotite is available. America does produce *many grams of radium* every year, but the price is still very high because *the quantity of radium* contained in the ore is so small. [...] The scientific *history of radium* is beautiful. [...] We know that the *atoms of radium* are destroyed by expulsion of these particles, some of which are atoms of helium. [...] *Radium* is not alone in having these properties... » [Curie, 1921].

Повторы лексических единиц и комбинации этих повторов не могут быть случайными: они всегда зависят от речи и влияют на её развёртывание. При этом могут повторяться потенциально любые языковые единицы: союзы, частицы, знаменательные слова, отдельные предложения.

Например, в речи Джона Эллиота, произнесенной в Палате Общин 3 июня 1628 года «You know *how she advanced herself, how she advanced this kingdom, how she advanced this nation...*» [Representative British orations, 1884, p. 17] или в речи Джорджа Дигби против графа Страффордского в 1660 году «*Away with personal animosities! Away with all flatteries to the people in being the sharper against him because he is odious to them. Away with all fears lest by sparing is blood they may be incensed. Away with all such considerations as that it is not fit for a Parliament that one accused by it of treason should escape with life?*» [Orations from Homer to William McKinley, vol. IV, 1902, с. 1510]. Повторы

такого типа могут быть не запланированными, а импровизированными оратором. В повтор включается и явление рекуррентности. Благодаря этому приему устанавливаются дополнительные смысловые связи в речи, возникает возможность возвращаться к тому, что было сказано. Повтор может служить образованию достаточно сложных по структуре конструкций, в которых в рамках одного предложения, может наблюдаться несколько различных лексических и лексико-синтаксических повторов.

Лексический или лексико-стилистический повтор в ораторской речи состоит, как мы видим, в многократном использовании одинаковых слов или сочетаний в небольшом компоненте публичного выступления.

Например, в речи Томаса Вентворса, произнесенной в свою защиту перед Палатой Лордов в 1641 году: «*My lords! My lords! My lords! Something more I had intended to say, but my voice and my spirit fail me*» [The world's famous orations, v. III, 1906, с. 78] или в речи Эмиля Кастерал, профессора истории и философии университета Мадрида, «*If I wish, I swear by God and the holy gospel, in the name of all we have respected on the face of this earth, with my hands upon my heart I swear fidelity by him alone who is eternal. I swear by him whose power has placed us upon earth; I swear by him, gentlemen, an eternal and inviolable fidelity to my country*» [Orations from Homer to William McKinley, vol. XXII, 1902, с. 9482].

Для повтора очень важная содержательная составляющая, которая может быть представлена как эксплицитно, так и имплицитно. В речи американского военного, юриста, публициста и оратора Роберта Грина Ингерсолла, выдвигающего в президенты кандидатуру Джеймса Блейна перед Республиканской Национальной Конвенцией в 1876 году повтором задействованы только наиболее значимые в семантическом и идейном плане слова и сочетания. В ходе построения конструкции с повтором единое семантическое значение распределяется в разных долях абстракции на

несколько семантических компонентов, которые могут быть как ядерными, так и периферийными.

Например: «The Republicans of the United States demand as their leader in the great contest of 1876 *a man of intellect, a man of integrity, a man of well-known and approved political opinion*» или здесь же «*They demand a statesman, they demand a reformer* after, as well as before, the election. *They demand a politician* in the highest and broadest and best sense of that word.» или здесь же «*They demand a man* who will sacredly preserve the financial honor of the United States...The Republicans of the United States *demand a man* who knows that prosperity and resumption, when they come, must come together.» [Orations from Homer to William McKinley, vol. XXII, с.9580–9581]

Мы считаем лексический повтор одной из разновидностей синонимии в условиях плеоназма, при которой происходит дублирование смысла, соединяющее вместе повторяющиеся части текста. Исходя из предмета нашего исследования – категории тождества в ораторской речи, мы считаем плеоназм одним из способов введения информации в сознание слушателя с целью достижения тождества. Плеоназм в ораторской речи заключается в многократном дублировании некоторых блоков информации, поэтому он представляет собой в ораторской речи не просто средство выразительности, а один из законов её функционирования.

В речи Роберта Грина Ингерсолла структурно плеоназм реализуется через дублирование компонентов плана содержания либо в форме повтора одинакового плана выражений (тавтология, редупликация), либо в форме использования языковых единиц, сходных по лексическому значению (синонимический повтор, многословие и т. д.).

Например: «When they come they will come *hand in hand through the golden harvest fields; hand in hand by the whirling spindle and the turning wheel; hand in hand past the open furnace doors; hand in hand by the flaming forges...*» [Orations from Homer to William McKinley, vol. XXII, с. 9581]

Итак, мы признаём термин «плеоназм» наиболее адекватным для характеристики повтора применительно к композиции текста ораторского выступления. Структура ораторского текста не только допускает введение повтора, но и основывается на нем. Важнейший для ораторского выступления смысл последовательно раскрывается в тексте, проявляя себя с помощью образования разнообразных повторяющихся речевых ситуаций.

Например: «*The man who has in full-heaped and rounded measure all of these splendid qualifications is the present grand and gallant leader of the Republican party – James G. Blaine. Our country, crowned with the vast and marvelous achievements of its first century asks for a man who is a man worthy of her past – prophetic of her future; asks for a man who has the audacity of genius; asks for a man who is the grandest combination of heart, conscience, and brains beneath the flag. That man is James G. Blaine.*» [Orations from Homer to William McKinley, vol. XXII, с.9582]

Не только лексический повтор встречается в тексте ораторского выступления и влияет на реализацию в нём категории тождества. Не менее частотным в ораторской речи и характерным для устного выступления является фонетический повтор, представленной в двух разновидностях: аллитерация – повторы согласных звуков и по ассонантности – повтор гласных.

Например: «*That, that, I – I think, is our ancient mission*» [Stevenson, 1952] или «*This is a grand year: a year filled with the recollections of the Revolution...*» [Orations from Homer to William McKinley, vol. XXII, с.9582]

Именно на фонетическом уровне языка существуют явления кольцевого повтора и повтора-стыка. Первый предполагает повторение слова или слога в начале и в конце какого-либо элемента текста (предложения, абзаца) или всего текста.

Пример обнаруживаем в речи Кейта Тейлора, лидера британской партии «Green Party»: «*Long-term waste – no long term solutions are yet available, let*

alone acceptable to the general public; it is impossible to guarantee safety over the *long-term disposal of waste*» или здесь же «Undermining *energy efficiency* – a new nuclear programme would give out the wrong signal to consumers and businesses, implying that a major technological fix is all that's required, weakening the urgent action needed on *energy efficiency*» [Taylor, 2006].

Вторая разновидность фонетического повтора (повтор-стык) представляет собой повторение конечного элемента в начале новой строки, предложения, абзаца.

Например, в ответной речи Даниела Вебстера Роберту Хени, в сенате США в 1830 году: «But, Sir, *the coalition! The coalition!*» [Orations of American orators, 1900, с. 10] или в речи Натали Беннет лидера экологической партии «Green Party» в 2014 году: «This government has failed to reform our fraud-ridden, reckless, *financial sector*. The *finance sector* doesn't meet the needs of the real economy – particularly those of small businesses that should be at the foundation of strong local economies», или здесь же: «And the nation's official *opposition*? Ah, the "*opposition*" ...» [Bennett, 2014].

Такая фонетическая аранжировка в первую очередь, несомненно, является интенсивным средством привлечения внимания слушателя, усиления влияния на него оратора, и лишь затем имеет отношение к категории тождества ораторского текста. Однако, несмотря на это, мы считаем данные термины применительными к анализу текста и используем их с некоторыми уточнениями.

Кольцевой повтор мы обозначим как «замыкающий» и будем относить его к композиции ораторского выступления, где исходное значение, обретя свое многократное повторение частичного характера, становится в конце ораторского текста равным, то есть тождественным самому себе. Данный процесс представлен на рисунке 23.

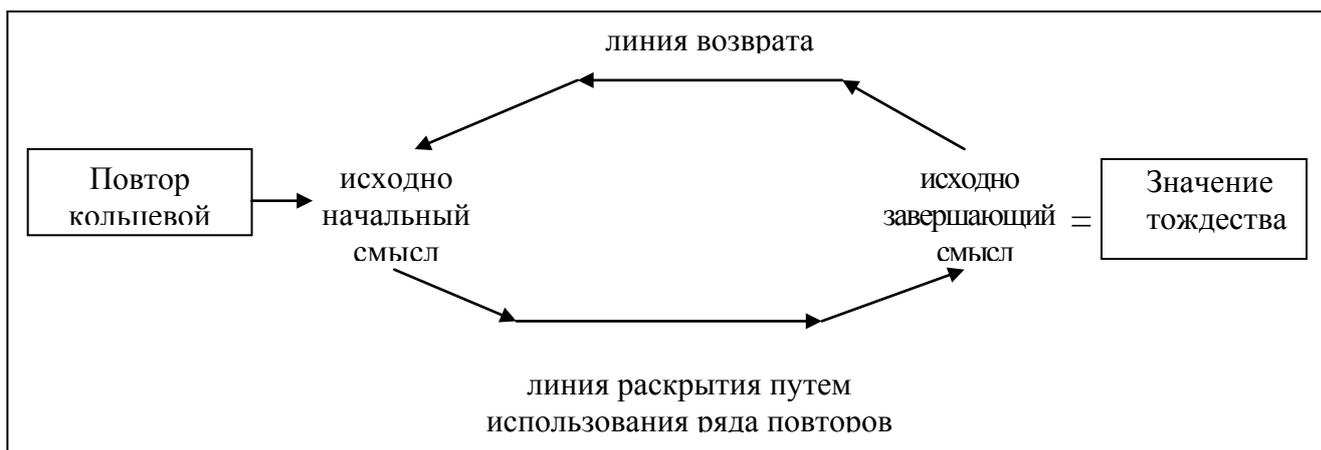

Рисунок 23 – Схема замыкающего (кольцевого) повтора

Мы можем уверенно заключить, что замыкающий повтор, структурно образующий фигуру, напоминающую кольцо, по смыслу является завершающим, в результате которого обязательно формируется идентичное значение, которое представляет собой основу категории тождества. Это максимально объемный повтор, заключающийся в охвате повторяющимися единицами важного содержательного фрагмента. При этом завершающе-кольцевой повтор основывается на ряде стыкующихся повторов, включённых в него как структурно-смысловые компоненты текста.

Таким образом, стыковой повтор в нашем понимании представляет собой частичное воспроизведение элементов содержания текста, которые автор последовательно включает в структуру текста выступления, завершая одну речевую ситуацию или переходя к другой. Следовательно, законченный текст, состоящий, как правило, из зачина, ядра и концовки, включает в себя определённое количество стыковых повторов, содержащих некое количество еще более мелких стыковых повторов. Поэтому с точки зрения типов стыковых повторов по их величине, объёмности уместно говорить: 1) о минимальных стыковых повторах; 2) о средних стыковых повторах; 3) о максимальных стыковых повторах. При этом малые и средние стыкующиеся повторы как бы нанизываются на максимальный завершающе-кольцевой повтор, представляющий собой внешнюю структурно-смысловую рамку, опорный смысловый стержень.

Выводы по главе 3

Анализ категории тождества, проведённый в данной главе, показал, что:

1. Категория тождества представляет собой важнейшую лингвистическую категорию, с помощью которой языковые формы переводятся в речевые, то есть, охватывая и язык, и речь, оно выступает и как часть языковой материи, и как компонент речи, и в этом плане является синтезом реализации наблюдаемого в языковой системе тождества в виде конкретных элементов речевой структуры.

2. Категория тождества, будучи максимально широкой категорией, представленной в ораторской речи, охватывает и пронизывает, по сути, все три уровня языковой абстракции, являясь звеном, соединяющим объект внешнего мира с воспринимающей его языковой личностью, и переводящим язык в речь путем селекции из языка необходимой именно для ее выражения языковой единицы, которые существуют в сфере языка как синонимичные.

3. Категория тождества в ораторской речи имеет замкнутый характер: развитие категории тождества происходит от объекта мысли через корреляцию (соотношение, взаимосвязь) к коррективности (уточнению, исправлению), от нее к элективности (выбору наилучшего варианта из имеющихся в системе языка), а далее опять к объекту мысли.

4. Действие категории тождества позволяет не только замкнуть мыслительный процесс, дать ему завершение, но и установить идентичность исходной и финальной мысли с целью более точного и полного раскрытия этой мысли в тексте ораторской речи.

5. Повтор лексических и фонетических единиц в тексте ораторского выступления является тем частным проявлением категории тождества, с помощью которого проходит важная для содержательной и идейной структуры речи процедура идентификации.

6. Тождество заключается в установлении между предметами и явлениями абсолютного сходства и полного подобия, причём независимо от того предметы или явления подобны друг другу, или самим себе.

7. Их семантический план подразумевает равенство конкретных или абстрактных единиц, составляющих структуру текста или его компонента. Выделение с помощью повтора определенных смысловых элементов из самого объекта мысли позволяет оратору отождествить повторенное с исходным, начальное с финальным, задуманное с получившимся.

8. Повтор может приобрести в выступлении замыкающе-кольцевой характер в случае безусловного тождества исходной и конечной мысли ораторского текста, то есть при полном раскрытии мысли в речи по принципу абсолютного тождества – как идентичности начального и конечного значения.

Заключение

Данное исследование было посвящено изучению структурно-смысловых компонентов категории тождества при построении ораторской речи. Нами был осуществлен анализ текста как единицы ораторской речи; рассмотрены разновидности публичной речи, рамочная структура ораторской речи, специфика вокативных предложений в структурной рамке ораторской речи, авторский ракурс и сюжетная перспектива, функциональная смысловая зависимость в функционировании языковых и речевых структур в ораторской речи, вопрос о преломлении речевой ситуации в ораторской речи; определена роль категории тождества в процессе построения ораторской речи, проанализированы основные типы лексических единиц, формирующих ораторскую речь; выявлены особенности смыслового и структурного построения ораторского текста; исследован повтор как одна из речевых форм категории тождества в ораторской речи.

Материалом исследования явились публицистические тексты ораторской речи: от ранненовоанглийского до современного периода развития английского языка, что позволило нам проанализировать тексты разных видов ораторской речи с речевыми ситуациями разных типов и тем самым увидеть общие тенденции их функционирования в речи.

Подводя итоги, обобщим результаты проведенного комплексного исследования структурно-смысловых компонентов категории тождества при построении ораторской речи.

Термин «текст» широко употребляется в различных областях науки: лингвистика, литературоведении, философии, семиотике, психолингвистике и др. Для лингвистики текста как особого раздела языкознания это понятие является основополагающим. Феномен текста заключается в его многоаспектности, что предполагает разные определения данного явления. Текст трактуют как информационное пространство, речевое произведение, знаковую последовательность и тому подобное. Поскольку текст несет

определенный смысл, он выступает как коммуникативная единица, объединенная по смыслу последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и целостность.

В процессе исследования определились следующие основные аспекты текста. Текст представляет собой систему высшего ранга, основными признаками которой выступают коммуникативная целостность и структурная связность, что предполагает в тексте смысловую завершенность, логические, грамматические, семантические связи между различными элементами текста. Типология текстов многоаспектна, выделяются разновидности по стилистической функции, связности, способам сочетания текстовых элементов, на основе коммуникативной установки и определяемых ею структурно-семантических особенностей текста. Текст формирует целая система единиц – сложное синтаксическое целое (ССЦ). Для текста характерны особые категории: информативность, связность, ретроспекция, модальность, интеграция, завершенность и др. Наблюдается качественное своеобразие функционирования языковых единиц текста, поскольку как структурно семантическое единство текст обладает способностью влиять на языковые единицы. Структуру текста характеризуют многообразные межфразовые связи и отношения между словосочетаниями, предложениями, абзацами и т.д. Текст выступает как средство коммуникации и поэтому стал способом речевой реализации ораторской речи.

Публичная речь является особым видом аргументированного текста, созданным по законам риторики, ориентированным на убеждение и являющимся следствием интенции говорящего по осуществлению воздействия на массовое и индивидуальное сознание слушателя. Мы относим публичные выступления к публицистическому стилю, что обусловлено единственной для них информационно-влиятельной функцией.

Анализ ораторских выступлений в диахроническом аспекте показывает, что публичные выступления политических деятелей всегда складывались как письменный документ в силу исторической, политической и

функциональной необходимости. Адресат как объект воздействия в психологическом аспекте сочетает в себе свойства продукта социального и индивидуального развития, что проявляется в признании существования двух форм массового и индивидуального сознания. Анализ текстов публичной речи базировался на исследовании макро- и микроструктуры текста, в пределах которого выделялись и анализировались организационные формы аргументации и определялись структурно-семантические и функциональные особенности.

Построение, композиция публичной речи, несмотря на неповторимую индивидуальность, свойственную каждому отдельному выступлению, имеет общие типологические черты. Это обусловлено структурной членимостью идеи, как бы распадающейся в речи на составные элементы, каждый из которых представляет собой своеобразный центр, объединяющий какой-то целостный отрезок текста. По нашему мнению, особого внимания в ораторской речи заслуживают авторский ракурс, представляющий собой своеобразный психолингвистический комплекс, в основе которого лежит прямое или несобственно-прямое обращение к слушателю, и сюжетная перспектива, которая является производной от авторского ракурса и зависит от него. Для соотношения авторского ракурса и сюжетной перспективы характерен выход на функциональную смысловую зависимость, являющуюся формой их декодирования в тексте ораторской речи.

Авторский ракурс как планируемый оратором содержательный каркас выступления обладает непосредственной связью с категорией тождества в своих важнейших составляющих: и глубинной кодирующей, и поверхностной декодирующей. Исходя из этого ясно, что категория тождества включает в себя распознавание целевой установки автора, его интенций и то содержание, которое посредством раскрытия авторского ракурса получает функциональная смысловая зависимость при построении ораторской речи.

Связь категории тождества с сюжетной перспективой носит иной характер. Сюжетная перспектива одномерна в том плане, что она не предполагает в своём действии глубинной стороны, она является своего рода «зигзагом», уводящим ораторскую речь от тождества значения, но в конечном итоге возвращающим к этому тождеству и оратора, и слушателей. Поэтому ее можно считать конкретным языковым инструментом в постепенном, поэтапном формировании категории тождества в ходе построения автором ораторской речи.

Название ораторской речи представляет собой кодовую единицу текста, которая является начальной и завершающей ступенью действия категории тождества. Начальная ступень относится к его кодирующей стороне, связанной с авторским ракурсом, когда оратор заявляет название и нацеливает самого себя и слушателей на поиск в дальнейшей речи идентификационных знаков для данного названия; завершающая ступень, напротив, относится к декодирующей стороне названия, связанной с действием функциональной смысловой зависимости.

Название предполагает наличие как центростремительной, так и центробежной связи с текстом ораторской речи, которые заключаются в процессе ознакомления слушателя с названием и последующего продумывания, соотношения содержания речи с её названием. Название включает в себя рекламность, поскольку оно обладает определенной (обычно значительной) степенью эмоциональности, являющейся психологическим фактором воздействия оратора на психику слушателя.

Одной из универсальных форм выражения категории тождества является повтор. В лингвистической литературе повтор как объект исследования рассматривается в различных аспектах. В период античности фигуры повтора рассматривали как основной объект риторики, связанный с поэтической семантикой, которая понималась как отклонение от нормы, через простые типы синтаксических структур. В современной лингвистической науке повтор справедливо считается многоаспектным, сложным и

многокомпонентным явлением. За последние десятилетия в отечественной науке накоплен достаточно богатый материал в области исследования повтора, что требует осмысления и определенного обобщения.

Как показал обработанный нами фактический материал ораторских речей разного типа, задача повтора состоит в установлении и подчёркивании адекватности объекта мысли содержанию речи в условиях всё расширяющихся коммуникативных единств, в условиях постепенного установления в тексте речи тождества мысли и её реализации. Данная функция повтора проявляется посредством использования трех речевых типов лексики – конкретизирующей, ассоциативной, синтезированной – каждая из которых ведет себя по-разному в зависимости от того, выступает ли повтор как минимальный, средний или максимальный. Такие разновидности повтора, как лексические, фонетические, парцеллированный повтор, анадиплосис и др. служат реализации в речи категории тождества путём соотношения начала речи, повторяющихся элементов и конца речи. Кольцевой, или замыкающий повтор является наиболее важным с точки зрения категории тождества типом повтора, так как его специфика позволяет установить полное, абсолютное тождество между замкнутыми с его помощью элементами текста.

Таким образом, на материале большого количества фактического материала было продемонстрировано подтверждение выдвинутой в начале исследования гипотезы.

Список сокращений и условных обозначений

AP – авторский ракурс

PK – речевой комплекс

СП – сюжетная перспектива

СУ – смысловой узел

СФЕ – сверхфразовое единство

ССЦ – сложное синтаксическое целое

ФСМЗ – функционально смысловая зависимость

С – константа

Cadv – константа признака по действию

Cql – константа признака по качеству

Crel – константа отношений

Csbt – константа субстантивности

Cv – константа действия

Tql – оценочно-качественная речевая ситуация

Trel – пространственно-временная или количественная речевая ситуация

Tsbt – описательно-субстантивная речевая ситуация

Tv – процессно-динамичная речевая ситуация

Список литературы

1. Абиева Н.А. Онтологические характеристики коммуникативного взаимодействия (Биосемантический аспект) // В кн.: Логический анализ языка. Моно-, диа-, полилог в разных языках и культурах. – М.: Изд-во «Индрик», 2010. – С. 17–27.
2. Александрова О.В. Проблемы экспрессивного синтаксиса. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 216 с.
3. Антипова А.М. Система английской речевой интонации. – М.: Высшая школа, 1979. – 131 с.
4. Аспекты общей и частной лингвистической теории текста: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Н.А. Слюсарева – М.: Наука, 1982. – 192 с.
5. Аспекты изучения текста: Сб. науч.тр. / Ун-т дружбы народов им. Патриса Лумумбы / Отв. ред. Е.И. Мотина. – М.: УДН, 1981. – 137 с.
6. Арбекова Т.И. Лексикология английского языка (практический курс). Учеб. пособие для II-III курсов ин-тов и фак. иностр. яз. – М.: Высшая школа, 1977. – 240с.
7. Аристотель. Поэтика. Риторика – СПб.: Азбука, 2000. – 346 с.
8. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык. М.: Флинта: Наука, 2002. – 384 с.
9. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка: Стилистика декодирования / И.В. Арнольд. – Ленинград: Просвещение, 1990. – 300 с.
10. Ахманова О.С. Синтаксис как диалектическое единство коллигации и коллокации: Учебное пособие / Отв.ред. О.С. Ахманова. – М.: Изд-во МГУ, 1969. – 183 с.
11. Белянин В.П. Введение в психолингвистику. Изд. 2-е / В.П. Белянин. М.: ЧеРо, 2000. – 128 с.
12. Белянин В.П. Основы психолингвистической диагностики: Модели мира в литературе. – М.: Тривола, 2000. – 247 с.

13. Бенвенист Э. Уровни лингвистического анализа // *Общая лингвистика*. – М.: Прогресс, 1974. – С. 129–140.
14. Болотнова Н.С. Коммуникативная стилистика текста / Н.С. Болотнова. – М.: Флинта, 2009. – 384 с.
15. Буряя Е.А. Фонетика современного английского языка. Теоретический курс: учебник для студ. лингв. вузов и фак. /Е.А. Буряя, И.А. Галочкина, Т.И. Шевченко. – 3-е изд., стер. – М: Издательский центр Академия, 2008. – 272 с.
16. Валеева Н.Г. Теория перевода: культурно-когнитивный и коммуникативно-функциональный аспекты [Текст]: монография / Валеева Н.Г. – М: РУДН, 2010. – 244 с.
17. Венскович М.С. Грамматическая структура и смысл высказывания: дис. ... канд. филол. наук. – М.,1996. – 238 с.
18. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедение и принцип коммуникативности // В сб. Лингвострановедческое описание лексики английского языка. – М., 1983. – С. 3–13.
19. Виноградов В.В. О теории художественной речи – М.: Высшая школа, 1971. – 240 с.
20. Виноградов В.В. Избранные труды: о языке художественной прозы. – М.: Наука, 1980 – 360 с.
21. Виноградова Т.Ю., Якушин С.Ю. Моделирование публичной речи в суде. – Казань: Изд-во казанского университета, 1993. – 159 с.
22. Гак В.Г. О семантической организации текста // *Лингвистика текста: Материалы науч. конф.* – М., 1974. – 4.1. – С. 61–66.
23. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. – М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1958. – 455 с.
24. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – М.: КомКнига, 2007. – 144 с.

25. Герасименко А.И. Структурно-семантические особенности текстовых сегментов и их функциональные типы в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. – М., 1981. – 184 с.
26. Головин Б.Н. Текстоструктуры современного английского языка. – Смоленск: СГПИ, 1983. – 133 с.
27. Голошумова О.И. Роль интонации и других языковых средств в формировании и оптимизации имиджа политического лидера: На материале публичных выступлений американских политических деятелей: дис. ... канд. фил. наук. – Москва, 2002. – 203 с.
28. Гринев С.В. Основы семиотики. – М.: ФЛИНТА : Наука, 2000. – 98 с.
29. Грицюк Л.Ф. Семиотические и лингвопоэтические особенности заголовков стихотворных произведений: дис. ... канд. филол. наук. – Киев, 1985. – 157с.
30. Гугулашвили Н.В. Взаимоотношение сюжета и композиции. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тбилиси, 1986. – 21с.
31. Дешериев Ю.Д. Социальная лингвистика. К основам общей теории. – М.: Изд-во «Наука», 1977. – 382 с.
32. Дымарский М.Я. К системе строевых единиц текста // Функционирование языковых единиц и категорий в тексте: Сб. науч. ст. – Таллин: Таллинский пед. ун-т, 1994. – С. 116–125.
33. Драгайцев Д.В. Функциональная смысловая зависимость в структурно-семантических конституентах драматического произведения: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2003. – 24 с.
34. Ермакова О.Г. Модификации просодического оформления политических речей на протяжении XX века: (На материале британского и американского английского языка): дис. ... канд. фил. наук : 10.02.04 Москва, 2005. – 163с.
35. Есперсен О. Философия грамматики. – М.: Изд-во Иностранной Литературы, 1958. – 400 с.
36. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. – М.: Наука, 1982. – 159 с.

37. Жлуктенко Ю.А. Контрастивный анализ текстов // Лингвистика текста и обучение иностранным языкам: Сборник науч. статей / Отв. ред. В.А. Бухбиндер. – Киев: Вища школа, 1978. – С. 24–30.
38. Жучкова Н.Ф. Грамматические особенности эмоциональных структур в составе речевых комплексов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1994. – 16 с.
39. Зарубина Н.Д. Сверхфразовое единство как лингвистическая единица: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1993. – 21 с.
40. Иванова И.Е. Лексико-тематическая сетка в структурно-семантической и коммуникативно-прагматической организации текста (на материале текстов произведений современных англоязычных авторов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Иркутск, 2000. – 24 с.
41. Ильенко С.Г. Синтаксические единицы в тексте. – Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1989. – 84 с.
42. Кацнельсон С.Д. Общее и типологическое языкознание. – Л.: Наука, 1986. – 297 с.
43. Камшилова Р.И. Грамматико-стилистический анализ предложения с синтаксическим противопоставлением «отрицание-утверждение»: На материале современного английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1995. – 24 с.
44. Ковалев Ю.В. Интонация политической речи: прагматический аспект: Монография. – М.: Изд-во РУДН, 2006. – 202 с.
45. Ковалик И. Методика проведения лингвистического анализа текста / Ковалик И., Мацко Л., Плющ Н. – М.: Высшая школа, 1984. – 119 с.
46. Ковальчук И.Ю. Повтор и его функции в тексте: автореф. дис... канд. филол. наук. – Пятигорск, 2004 – 149 с.
47. Ковпак Н.А. Взаимодействие вербальных и невербальных средств в реализации смысловой структуры академической публичной речи: Фонетическое исследование на материале британских публичных выступлений. – Москва, 2004. – 178 с.

48. Копыленко О.М. Роль смысловой структуры текста в его понимании: дис. ... канд. филол. наук. – Алма-Ата, 1995. – 152 с.
49. Корбина Е.Н. Языковые формы пространственной ориентации в речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2002. – 24 с.
50. Королева Е.П. Речевые формы двuverия как способ определения авторства древнеанглийской поэмы «Беовульф»: автореф. дис. ... канд. филол. наук: специальность 10.02.04 / Королева Екатерина Павловна. – М.: РИЦ МГГУ им. М.А.Шолохова. – 2013. – 29 с.
51. Кохтев Н. Н. Ораторская речь: стиль и композиция. – М.: Изд-во МГУ, 1992. – 176 с.
52. Кочан И. Лингвистический анализ текста: [учебное пособие] / Кочан И. – К.: Знание, 2008. – 423 с.
53. Кошечая И.Г. К проблеме знака и значения в языке. – М.: Изд-во МГПИ им. В.И. Ленина, 1976. – 142 с.
54. Кошечая И.Г. Курс сравнительной типологии английского и русского языков. – М.: Высшая школа, 2008. – 327 с.
55. Кошечая И.Г. Проблемы языкознания и теории английского языка. – М.: Изд-во МГПИ им. В.И. Ленина, 1976. – 148 с.
56. Кошечая И.Г. Проблемы языкознания и теории английского языка: Принципы языковой интеграции. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 152 с.
57. Кошечая И.Г. Стилистика современного английского языка. – М.: Акад. изд-во МЭГУ, 1999. – 148 с.
58. Кошечая И.Г. Стилистика современного английского языка. – М.: Издательский центр «Академия», 2011. – 352 с.
59. Кошечая И.Г. Текстобразующие структуры языка и речи. Изд. 2-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 184 с.
60. Кошечая И.Г. Текстобразующие структуры языка и речи. – М., МГПИ им. В.И. Ленина, 1983. – 169 с.

61. Кошечая И.Г. Теоретическая грамматика английского языка. – М.: Издательский центр «Академия», 2012. – 316 с.
62. Кошечая И.Г. Теоретическая грамматика английского языка. – М.: Просвещение, 1982. – 334 с.
63. Кошечая И.Г., Свиридова Л.К. Грамматические структуры и категории английского языка: Теоретический курс. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 192 с.
64. Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации: Курс лекций. – М.: ИТДК «Гнозис», 2001. – 270 с.
65. Крылова О.А. Лингвистическая стилистика. В 2 кн. Кн. 1. Теория: Учеб. пособие / О.А. Крылова. – М.: Высшая школа, 2006. – 319 с.
66. Кронгауз М.А. Семантика: Учебник для студ. лингв. фак. высш. учеб. заведений. Изд. 2-е, испр. и доп. / М.А. Кронгауз. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 352 с.
67. Кубрякова Е.С. Текст и его понимание // Русский текст: Российско-американский журнал по русской филологии. – 1994. № 2. – С. 18–26.
68. Кузнецова Э.М. Интеграция предложений в сверхфразовом единстве: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1981. – 23 с.
69. Курилович Е. Очерки по лингвистике. Сборник статей. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. – 456 с.
70. Кутина Н. Структурно-смысловой анализ художественного текста / Кутина Н. – Свердловск, 1980. – 96 с.
71. Кухаренко В.А. Лингвистическое исследование английской художественной речи. – Одесса: Изд-во Одес. гос. ун-та им. И.И. Мечникова, 1973. – 60 с.
72. Левицкий Ю.А. Лингвистика текста / Ю.А. Левицкий. – М.: Высшая школа, 2006. – 207 с.
73. Левченко М.Н. Интерпретация текста и его грамматических моделей: (типологический аспект): колл. монография. М.: Изд-во МГОУ, 2013. – 240 с.

74. Леонтьев А.А. Речевая деятельность. Факторы вариантности речевых высказываний. Лингвистическое моделирование речевой деятельности // Основы теории речевой деятельности. – М., 1974. – С. 21– 64.
75. Лингвистика текста: Сб.статей / Отв. ред. проф. О.И. Москальская. - М.: Советская энциклопедия, 1979. – 172 с.
76. Логический анализ языка. Языки пространств / Отв. ред.: Н.Д.Арутюнова, И.Б.Левонтина. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 448 с.
77. Ломтев Т.П. Общее и русское языкознание. Избранные работы Институт русского языка АН СССР. – М.: Наука, 1976. – 380 с.
78. Ломтев Т.П. Язык и речь // Ломтев Т.П. Общее и русское языкознание. – М.: Наука, 1975. – С. 54–60.
79. Лосева Л.М. Как строится текст. – М.: Просвещение, 1989. – 98 с.
80. Лосева Л.М. Синтаксическая структура целых текстов: Факультатив по изучению связной речи. Метод. письмо учителям-словесникам. – Одесса: Обл. отд-е пед. о-ва, 2001. – 49 с., со схем.
81. Лотман Ю.М. Семиотика культуры и понятие текста // Статьи по семиотике и типологии культуры. Том III. – Таллин, 1992. – С. 129–132.
82. Лузина Л.Г. Распределение информации в тексте: Когнитивные и прагмастилистические аспекты. – М.: ИНИОН, 1996. – 139 с.
83. Максимов В.Д. Диалогические единства отрицательно-побудительного типа в современном английском языке. автореф. дис. ... канд.филол. наук. – М., 1978. – 16 с.
84. Максимчук Н.Н. Система лексико-грамматических средств выражения количественных связей в структуре существительного: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1975. – 26 с.
85. Масленникова Е.М. Смысловые преобразования текста при переводе (на материале переводов сонетов В. Шекспира на русский язык) // Англистика. – Тверь, 1999. – С. 100–110.

86. Меснянкина Н.П. Формы приветствия-прощания в английском языке: дис. ... канд. филол. наук. – М., 1993. – 210 с.
87. Миськевич Г.И., Граудина Л.К. Теория и практика русского красноречия. – М.: Наука, 1989 – 256 с.
88. Михальская А.К. Основы риторики: Мысль и слово: Учеб. пособие – М.: Просвещение, 1996. – 416 с.
89. Москальская О.И. Грамматика текста. – М.: Высшая школа, 1981. – 183 с.
90. Москальская О.И. Семантика текста // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 1980. – № 6. – С. 32–42.
91. Нелюбин Л.Л. Лингвостилистика современного английского языка. 3-е перераб. – М.: МОПИ, 1990. – 110 с.
92. Нелюбин Л.Л., Хухуни Г.Т. История науки о языке. 4-е изд., стереотипное. М.: Флинта: Наука, 2011. – 376 с.
93. Николаева Т.М. Лингвистика текста. Современное состояние и перспективы // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. – Лингвистика текста. – М.: Прогресс, 1978. – С. 5–39.
94. Николаева Т.М. От звука к тексту. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 680 с.
95. Новиков А.И. Извлечение знаний из текста как результат его осмысления // Языковое сознание. Содержание и функционирование: Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. – М., 2000. – С. 170–172.
96. Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация / А.И. Новиков. – М.: Наука, 1983. – 214 с.
97. Ноздрина Л.А. Композиция и грамматические средства связности художественного текста: диссер. ... докт. филол. наук. – М., 1980. – 291 с.
98. Одинцов В.В. Стилистика текста / В.В. Одинцов. – М.: Наука, 2004. – 264 с.
99. Откупщикова М.И. Синтаксис связного текста / М.И. Откупщикова. – Л.: ЛГУ, 1982. – 104 с.

- 100.Панфилов В.З. Взаимоотношение языка и мышления. – М.: Наука, 1971. – 230 с.
- 101.Пауль Г. Принципы истории языка / Пер. с нем. Под ред. А.А. Холодовича. Вступит. Статья С.Д. Кацнельсона. – М.: Изд-во иностр. лит., 1960. – 499 с.
- 102.Поспелов Н.С. Рецензия на сб. «Труды Ин-та языкознания АН СССР» // Вопросы языкознания. – 1964. – № 1. – С.132– 139.
- 103.Поспелов Н.С. Сложное синтаксическое целое и основные особенности его структуры. – В кн.: Доклады и сообщения Ин- та русского языка АН СССР. Вып. 2, М. – Л., 1978. – С. 98–107.
- 104.Потебня А.А. Мысль и язык А. Потебни – 3-е изд., доп. – Харьков: изд. М.В. Потебни, 1913. – 225 с.
- 105.Почепцов Г. Г.Избранные труды по лингвистике: монографія / Г. Г. Почепцов. – Вінниця: Нова книга, 2013. – 560 с. 124.
- 106.Почепцов Г.Г. Конструктивный анализ структуры предложения. – Киев: Вища школа,1971. – 193 с. 125.
- 107.Проблемы языка и речи в современном лингвистическом пространстве: межвуз. сб. науч. ст. / сост. Фомиченко Л.Г. и др., ВолГУ; каф. Английской филологии. – Волгоград: изд-во ВолГУ, 2005. – 148 с.
- 108.Расторгуева Т.А. История английского языка: Учебник / Т.А.Расторгуева. – 2-е изд., стер. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 348 с. – На англ.яз.
- 109.Рафаева А.В. Исследование семантических структур традиционных сюжетов и мотивов: дис. ...канд. филол. наук. – М., 1998. – 159с.
- 110.Реформатский А.А. Введение в языковедение / Под ред. В.А. Виноградова. – М.: Аспект Пресс, 1999. – 536 с.
- 111.Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Справочник по русскому языку. Словарь лингвистических терминов. – М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2008. – 624 с.

112. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Эдвард Сепир; пер. с англ. под ред. и с предисл. д-ра филол. наук проф. А. Е. Кибрика. – Изд. 2-е. – М.: Прогресс, 2002. – 656 с.
113. Свиридова Л.К. Грамматические связи некоторых конкретно-пространственных существительных в языке и речи: дис. ... канд. филол. наук. – М., 1998. – 191 с.
114. Свиридова Л.К. Лексикология англ. яз. – М.: Изд-во МЭГУ, 2004. – 171 с.
115. Свиридова Л.К. Роль паузы в эмоционально-смысловой организации высказывания. Вестник РУДН серия Вопросы образования. Язык и специальность, №5. – М., 2007. – С.61–68.
116. Свиридова Л.К. Роль эмоциональных структур в реализации категории тождества при построении драматургического текста: дис. ... д-ра филол. наук: специальность 10.02.19 / Свиридова Лариса Константиновна. – М.: МГОУ. – 2004. – 478 с.
117. Свиридова Л.К. Теоретическая грамматика английского языка. – М.: Изд-во МЭГУ, 2004. – 187 с.
118. Свиридова Л.К. Теория и практика перевода. Теоркурс. – М.: Изд-во МЭГУ, 2004. – 182 с.
119. Селиванова А. Современная лингвистика: направления и проблемы / Селиванова А. – Полтава: Окружающая среда, 2008. – 712 с.
120. Сидоров Е.В. Основы системной концепции текста: дис. д-ра филол. наук. – М., 1986. – 41 с.
121. Сиротинина О.Б. Русская разговорная речь. – М.: Просвещение, 1983 – 79 с.
122. Сиукаева А.Г. Семантические основы пунктуации в английском языке (на материале драматургических произведений): дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. – 140 с.
123. Скребнев Ю.М. Общелингвистические проблемы описания синтаксиса английской диалогической речи: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1981. – 45 с.

- 124.Сметанина С.И. Медиатекст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века): Научное издание / С.И. Сметанина. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2002. – 383 с.
- 125.Смирницкий А.И. Лексикология английского языка / Подгот. к печати и отред. В.В. Пассек. – М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1956. – 260 с.
- 126.Смулянский А.Е. Публичная речь как источник формирования историчности. – Санкт-Петербург, 2010. – 147 с.
- 127.Солганик Г.Я. К проблеме типологии речи // Вопросы языкознания. – 1981. – № 1. – С. 70–79.
- 128.Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика / Г.Я. Солганик. – М., 2006. – 256 с.
- 129.Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю., Крюков А.Н. и др. Этнопсихоллингвистика / Ю.А. Сорокин, И.Ю. Марковина, А.Н. Крюков / под ред. Ю.А. Сорокина. – М.: Наука, 1988. – 192 с.
- 130.Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 256 с.
- 131.Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1977. – С. 31–273.
- 132.Строганова М.В. Проповедь в творчестве английских писателей XVIII в. (Дж. Свифт, С.Джонсон, Л. Стерн): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. – 24 с.
- 133.Сухарева О.Э. Западная риторическая традиция и проблема убедительности монолога (на материале публичной речи): дис. ... канд. филол. наук. – Ижевск, 2010. – 202 с.
- 134.Телегин Л.А. Метафора и смежные явления стилистики // Ахмановские чтения. Сб. трудов каф. англ. языкознания. МГУ. – М.: Изд-во МГУ, 1997. – С. 31–37.
- 135.Трофимова О.В. Публицистический текст: Лингвистический анализ: Учебное пособие / О.В. Трофимова, Н.В. Кузнецова. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 304 с.

- 136.Тураева З.Я. Лингвистика текста. Текст: Структура и семантика: Учебное пособие. Изд. 2-е, доп. / З.Я. Тураева. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 144 с.
- 137.Фрейдина Е.Л., Самохина Т.С., Тихонова И.С., Л.Б. Ковалева, А.В. Михайлов Основы публичной речи: Learning to Speak in Public. – Дубна: Феникс+, 2007. – 136 с.
- 138.Хлебникова И.Б. Сослагательное наклонение в английском языке. – Теория и практика [Текст] : учеб. пособие для студ. вузов / И.Б. Хлебникова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Саранск : Тип. "Красный октябрь", 1994. – 176 с.
- 139.Чернышкова Н. В. Особенности публичной речи во французской и русской традициях новейшего времени: на материале публичных политических выступлений: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2007 – 173 с.
- 140.Чернюк Н.И. Количественные градации в системе имени английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1978. – 16 с.
- 141.Чикилева Л.С. Когнитивно-прагматические и композиционно-стилистические особенности публичной речи: дис. ... д-ра. филол. наук. – М., 2005. – 508 с.
- 142.Чикилева Л.С. Риторический дискурс: когнитивно-прагматический и структурно-стилистические аспекты: Монография. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 316 с.
- 143.Чусова А.А. Константные дифференциаторы глаголов в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1981. – 16 с.
- 144.Чухранов В.Н. Грамматическая структура категории экстремальности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1979. – 16 с.
- 145.Шанский Н.М. Этимологический словарь русского языка. Т. II. Вып. VIII. – М.: Изд-во Московский университет, 1982. – Т. II. Вып. VIII. К. – 471 с.
- 146.Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. – Л.: Государственное учебно-педагогическое изд-во наркомпроса РСФСР, 1941. – 620 с.

- 147.Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. – М.: Азбуковник, 2003. – 378 с.
- 148.Швейцер А.Д. Социально-коммуникативный анализ текста. Лингвистика текста: Материалы научн, конференции ч. 2, – М.: 1974, – 187 с.
- 149.Штелинг Д.А. Грамматическая семантика английского языка. – М.: Изд-во ЧеРо, 1996. – 254 с.
- 150.Щебетенко Е.В. Группа квантификаторов как лексико-грамматическая система выражения неопределенного количества в англ. языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1977. – 16 с.
- 151.Щерба Л.В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях Ч. II. / Под ред. В.А.Звегинцева. – М., 1965. – С. 192–197.
- 152.Щерба Л.В. Фонетика русского языка. – М.: ИЛИЯ, 1957. – С. 85-87.
- 153.Щетинин Л. М. Имена и названия. – Ростов: Изд-во Ростовского ун-та, 1968. – 215 с.
- 154.Current Trends in Textlinguistics / Ed. By W.U. Dressler. – Berlin – New York, 1978. – V. 2. – 308 p.
- 155.Danes Fr. Cognition and Emotion in the Discourse Interaction: A Preliminary Survey of the Field // Preprints of the Plenary Session Papers. – XIV International Congress of Linguists Organized under Auspices of CIPL, Berlin 10– 15. August, 1987. – Berlin., 1987. – P. 272–291.
- 156.Daneš F. Functional Sentence Perspective and the Organization of the Text // Papers on Functional Sentence Perspective. – Prague, 1974. – P. 106–128.
- 157.Deles O. Difference and Repetition. London – New York, 2003. – 260 p.
- 158.Dijk T.A. van. Context and cognition, knowledge frames and speech act comprehension // Journal of Pragmatics. 1977. – № 1. – P. 211–213.
- 159.Dijk T.A. van. Handbook of Discourse Analysis. Vol. 1. – Disciplines of Discourse. – London: Academia Press, 1985. – 302 p.
- 160.Dijk T.A. van. On Macrostructures, Mental Models and Other Inventions. A Brief Personal History of the Kintch van Dijk Theory // Discourse

- Comprehension: Essay in Honor of Walter Kintch. – Hove, UK, 1995. – P. 383–410.
- 161.Dijk T.A. van. Some Aspects of Text Grammars. A Study in Theoretical Linguistics and Poetics. – The Hague – Paris, 1972. – V. 63. – P. 358.
- 162.Dijk T.A. van. Text and Context: Explorations in the Semantics and Pragmatics of Discourse. – London- New York, 1977. – 261 p.
- 163.Discours and Syntax / Syntax and Semantics / Ed. By Talmy Givon. – N.Y., 1979. – Vol. 12. – 533 p.
- 164.Dressler W. Modelle und Methoden der Textsyntax // Folia Linguistica. – 1970. – № 4. – P. 64–71.
- 165.England and Ireland in the Later Middle Ages Essays in honour of J.Otway-Ruthen/Ed. By J.Lydon-Totowa: Irish academic press, 1981. – XII, – 273 c.
- 166.English historical documents by David C. Douglas. American Colonial Documents to 1776, London: Eyre & Spottiswoode (Publishers) Ltd., 1957. – Vol. 9. – 888 p.
- 167.English historical documents (1714–1783), London: Eyre & Spottiswoode (Publishers) Ltd., 1957. – Vol. 10. (UEC) – 972 p.
- 168.Espersen O. Essentials of English Grammar – 5 th., impr. – London: Allen & Unwin, 1943. – 387 p.
- 169.Galperin I.R. An Assay of Stylistic Analysis. – M.: Higher School, 1968 – 68 c.
- 170.Ganshina M.A., Vasilevskaja N.M. English Grammar – 9 th ed., rev. – M.: Higher Scool Publishing House, 1964. – 547 p.
- 171.George VI – King's Speech of September 3, 1939, quoted in its entirety by Larry Gray in Fathers, Brothers and Sons, P.127–128.
- 172.Halliday M.A.K. Explorations in the Functions of Language, London: Edward Arnold. Review by M. Gregory, Journal of Linguistics 3, 1974. – P.177–198.
- 173.Hielslev L. Prolegomenes a une theorie du langage. Paris: Editions de Minuit, 1968. – 227 p.

- 174.Kock W.K. Time and Text: Towards an Adequate Heuristics // Studies in Text Grammar / Ed. by J.S Petofi, H. Rieser. Dordrecht, Boston: Reidel, 1973. – P. 113–204.
- 175.Koshevaja I.G. Stylistics of modern English. – M.: МЭГУ: 1999. – 146 c.
- 176.Matić, D. Ideological Discourse Structures in Political Speeches *Komunikacija i kultura online*, Godina III, broj 3, 2012. – P. 54–78.
- 177.Maslow A. Motivation & Personality. – N.Y., 1957. – 441 p.
- 178.Melrose, Robin / The margins of meaning: Arguments for a post – modern approach to language and text. – Amsterdam, 1996. – 185 p.
- 179.Orations of American orators, vol.II. – New-York: Colonial press, 1900. – 452 p.
- 180.Orations of American orators, vol.III. – New-York and London: The Fifth Avenue Press, 1900 – 419 p.
- 181.Orations from Homer to William McKinley, vol. IV, New-York: P. F. Collier, 1902. – PP.1319 – 1762.
- 182.Orations from Homer to William McKinley, vol. XXII, New-York: P. F. Collier, 1902. – PP.9207 – 9621.
- 183.Petöfi J.S., Rieser H. Problemme der model-theoretischen Interpretation von Texten. – Hamburg, 1974. – 175 p.
- 184.Representative British orations by Charles Kendall Adams. New York: Putnam, 1884. – 318 p.
- 185.Sweet H. A New English Grammar. Logical and Historical: Syntax. P.II – impr. – Oxford: The Clarendon Press, 1931. – 137 p.
- 186.Taylor J. R. Linguistic Categorization: Prototypes in Linguistic Theory / J.R. Taylor. – Oxford: Clarendon Press, 1995. – 312 p.
- 187.The world's famous orations by William Jennings Bryan, vol.III, Great Britain, Funk and Wagnalls company. New York and London, 1906. – 248 p.
- 188.The world's famous orations by William Jennings Bryan, vol.VI, Ireland, Funk and Wagnalls company. New York and London, 1906. – 264 p.
- 189.The world's famous orations by William Jennings Bryan, vol. IX, America, Funk and Wagnalls company. New York and London, 1906. – 272 p.

Список словарей и энциклопедий

190. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1969. – 608 с. – [СЛТ].
191. Большой энциклопедический словарь. Языкознание / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 389–390. – [БЭС].
192. Большая Советская Энциклопедия. – 3-е изд. – М.: Сов. энциклопедия, 1975. – Т. 22. – 628 с.
193. Краткая литературная энциклопедия. – М.: Сов. Энцикл., 1962 – 1978. – Т. 1–9.
194. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: «Советская энциклопедия», 1990. – С. 136–137. – [ЛЭС].
195. Нелюбин Л. Л. Толковый переводческий словарь. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 320 с. – [ТПС]
196. Мюллер В.К. Новый англо-русский словарь: Ок. 170 000 слов и словосочетаний. – М.: Рус.яз. – Медиа, 2003. – 946 с. – [НАРС].
197. Философская энциклопедия. – М., 2001. Том I, С. 311–318. Том III, 207–210 с. Том IV, С. 152–156.

Список Интернет-источников

198. Авраам Линкольн. Геттисбергское послание 1863 [Электронный ресурс]. URL: <http://publichnoe-vystuplenie.ru/podgotovka-k-vystupleniyu/primery-publichnyx-vystuplenij-izmenivshix-mir.html> (дата обращения: 01.09.2015).
199. Парламентские выступления У. Черчилля «Blood, Toil, Tears and Sweat» и «Their Finest Hour», 1940 [Электронный ресурс]. URL: <http://4brain.ru/blog/%D1%80%D0%B5%D1%87%D0%B8-%D1%83%D0%B8%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%BD%D0%B0->

- %D1%87%D0%B5%D1%80%D1%87%D0%B8%D0%BB%D0%BB%D1%8
F/ (дата обращения: 24.06.2015).
200. Anthony S. B. Speech - After Being Convicted Of Voting (1872) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.famous-speeches-and-speech-topics.info/famous-speeches-by-women/susan-b-anthony-speech.htm> (дата обращения: 24.06.2015).
201. Birdsall N. Speech On Growth And Poverty Reduction (February 8, 1997) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.famous-speeches-and-speech-topics.info/famous-speeches-by-women/nancy-birdsall-speech.htm> (дата обращения: 24.05.2015).
202. Eisenhower D. D. Farewell Address (January 17, 1961) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.americanrhetoric.com/speeches/dwightdeisenhowerfarewell.html> (дата обращения: 24.06.2015).
203. Bennett N. Green Party Autumn Conference Speech (September, 5, 2014) [Электронный ресурс]. URL: [https://www.greenparty.org.uk/news/2014/09/05/natalie-bennetts-green-party-autumn-conference-speech-\(full-text\)/](https://www.greenparty.org.uk/news/2014/09/05/natalie-bennetts-green-party-autumn-conference-speech-(full-text)/) (дата обращения 28.05.2015).
204. Best speeches of Barack Obama. – [Электронный ресурс]: URL: <http://obamaspeeches.com> (дата обращения: 02.07.2015).
205. Breyer S.G. National Commission on the Public Service Statement of Justice (July 15, 2002) – [Электронный ресурс]: URL: http://www.supremecourt.gov/publicinfo/speeches/ncps_project.pdf (дата обращения: 13.07.2015).
206. Bush G. W. 9/11 Address to the Nation (September 11, 2001) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.americanrhetoric.com/speeches/gwbush911addresstothetation.htm> (дата обращения: 13.07.2015).
207. Bush G. W. Farewell Address to the Nation (January 15, 2009) [Электронный ресурс]. URL:

- <http://millercenter.org/president/gwbush/speeches/speech-4450> (дата обращения: 13.05.2015).
208. Cuomo M. Keynote Address to Democratic National Convention (July 16, 1984) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.history.com/speeches/speeches-mario-cuomo-delivers-keynote-address-to-democratic-national-convention> (дата обращения: 13.02.2015).
209. Curie M. Speech - Discovery of Radium, NY (May 14, 1921) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.famous-speeches-and-speech-topics.info/famous-speeches-by-women/marie-curie-speech.htm> (дата обращения: 13.05.2015).
210. Dewey T. E. Election Eve Campaign Speech (Albany, New York, November 6, 1944) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.history.com/speeches/dewey-speaks-on-election-eve> (дата обращения: 13.07.2015).
211. Glaser E. Democratic National Convention Address, 1992 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.americanrhetoric.com/speeches/elizabethglaser1992dnc.htm> (дата обращения: 13.07.2015).
212. Higgins T. Ceremony for the Admission of Lawyers Speech delivered by Chief Justice (15 December 2006) [Электронный ресурс]. URL: http://www.courts.act.gov.au/supreme/about_the_court/judicial_speeches#refsha (дата обращения 28.06.2015).
213. Hill A. Opening Statement to the Senate Judiciary Committee (October 11, 1991) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.americanrhetoric.com/speeches/anitahillsenatejudiciarystatement.htm> (дата обращения: 13.08.2015).
214. Johnson Lyndon B. Remarks on Decision not to Seek Re- Election. (March 31, 1968) [Электронный ресурс]. URL: <http://millercenter.org/president/speeches/speech-3388> (дата обращения 20.07.2015).]

215. Fisher M. Speech – A Whisper of AIDS, Houston Texas, August 19, 1992. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.famous-speeches-and-speech-topics.info/famous-speeches-by-women/mary-fisher-speech.htm> (дата обращения 04.07.2015).]
216. Kennedy J. F. Ask not what your country can do for you. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.theguardian.com/theguardian/2007/apr/22/greatspeeches> (дата обращения 04.07.2015).
217. Martin Luther King's I have a dream speech August 28, 1963 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.let.rug.nl/usa/documents/1951- /martin- luther- kings- i- have- a- dream- speech- august- 28- 1963.php> (дата обращения: 13.08.2015).
218. Obama B. Speech Against Going To War With Iraq October 2, 2002 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.famous- speeches- and- speech-topics.info/famous- speeches/barack- obama- speech- against- going- to- war- with- iraq.htm> (дата обращения: 24.06.2015).
219. Obama's victory speech: Yes we can, Chicago, Illinois, on November 4, 2008 [Электронный ресурс]. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/americas/us_elections_2008/7710038.stm (дата обращения: 24.06.2015).
220. Obama B. Final Primary Night, Presumptive Democratic Nominee Speech. St. Paul, Minnesota, June 3, 2008 [Электронный ресурс]. URL: <http://obamaspeeches.com/E09- Barack-Obama-Final-Primary-Night-Presumptive-Democratic-Nominee-Speech-St-Paul-Minnesota-June-3-2008.htm> (дата обращения: 02.07.2015).
221. Taylor K. Dirty, Dangerous & Expensive Tour, Spring 2006, Green Party Principal Speaker [Электронный ресурс]. URL: <https://www.greenparty.org.uk/archive/articles-and-speeches/53.html> (дата обращения 28.06.2015).

- 222.Reagan R. Address at Moscow State University (May 31, 1988) [Электронный ресурс]. URL: <http://millercenter.org/president/reagan/speeches/speech-3416> (дата обращения: 24.04.2015).
- 223.Remarks by President Barack Obama on Immigration Reform, 2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://study-english.info/obama-2013-immigration.php> (дата обращения: 28.06.2015).
- 224.Remarks by the President to Employees at the Federal Bureau of Investigation; September 25, 2001 [Электронный ресурс]. URL: http://avalon.law.yale.edu/sept11/president_058.asp (дата обращения: 28.06.2015).
- 225.Remarks on Proposed Citizen Service Legislation in Bridgeport, Connecticut April 9, 2002 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=72990> (дата обращения: 28.06.2015).
- 226.Roosevelt F.D. Second Inaugural Address (Washington, D.C., January 20, 1937) [Электронный ресурс]. URL: http://www.emersonkent.com/speeches/inaugural_address_second_fdr.htm (дата обращения: 20.05.2015).
- 227.Speeches from the Presidency of George W. Bush. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.presidentialrhetoric.com/speeches/bushpresidency.html> (дата обращения: 10.08.2015).
- 228.Stevenson Adlai E. Speech Accepting the Democratic Presidential Nomination July 26, 1952 Chicago, IL [Электронный ресурс]. URL: <http://www.memorablequotations.com/AdlaiSpeech.htm> (дата обращения: 28.06.2015).
- 229.Truman H. S. Inaugural Address (Washington D.C., January 20, 1949) [Электронный ресурс]. URL: <https://greatspeeches.wordpress.com/2008/09/16/president-trumans-inaugural-address-january-20-1949/> (дата обращения: 10.08.2015).